

Министерство культуры и духовного развития РС (Я)
ГБПОУ РС (Я) «Якутский колледж культуры и искусств»

ЯКУТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Хрестоматия для студентов

Якутск
2018

УДК 821.512.157(075.32)
ББК 83.3(2Рос=Як) я 722
Я 49

Рекомендовано учебно-методическим советом
ГБПОУ РС(Я) «Якутский колледж культуры и искусств» .

Рецензент: Гагарина К.Е., канд. пед. наук.

Составитель: А.Н. Васильева
Редактор: О.Е. Сундупова

Я49 Якутская литература : хрестоматия для студентов /
М-во культуры и духовного развития РС (Я),
ГБПОУ РС (Я) «Якутский колледж культуры и искусств»;
[сост. А. Н. Васильева ; ред. О.Е. Сундупова]. – Якутск, 2018.
Ч. 1. - 147 с.
Агентство СІР НБР Саха

Хрестоматия подготовлена в соответствии с ФГОС нового поколения. Для специальностей «Народное художественное творчество (по видам)», «Социально-культурная деятельность (по видам)», «Музыкальное звукооператорское мастерство», «Музыкальное искусство эстрады (по видам)», «Хоровое дирижирование».

Содержит произведения якутских писателей, переведенные на русский язык.

© Государственное профессиональное образовательное
учреждение Республики Саха (Якутия)
«Якутский колледж культуры и искусств», 2018 г

Предисловие

Дисциплина «Якутская литература» занимает важное место в системе подготовки будущих специалистов социально – культурной сферы. Изучение её способствует расширению общекультурного кругозора, даёт представление о литературном наследии якутских писателей.

Ознакомление с литературными произведениями помогает духовному обогащению и нравственному развитию человека. В произведениях якутских писателей раскрываются философия, мироощущение и характер народа.

В хрестоматию включены произведения якутских писателей, переведенные на русский язык. Надеемся, что знакомство с творчеством якутских писателей вызовет еще больший интерес к культуре, искусству, истории родного края.

Хрестоматия не имеет своей целью возможно полнее представить каждое произведение якутского литературного наследия. Это было бы невыполнимой задачей. В хрестоматии включены только те произведения, которые являются наиболее значимыми в якутской литературе.

Материалы хрестоматии разделены на 2 раздела. I – й раздел состоит из 2 частей: «Первое литературное произведение на якутском языке» и «Основоположники якутской литературы». II-й раздел состоит из 2 частей: «Народные писатели Якутии» и «Члены Союза писателей России и Республики Саха (Якутия)».

Хрестоматия помогает жить и чувствовать вместе с героями, чутко следить за изменениями в жизни природы и человека, учит откликнуться душой на звучное художественное слово.

ПЕРВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ НА ЯКУТСКОМ
ЯЗЫКЕ
АФАНАСИЙ ЯКОВЛЕВИЧ УВАРОВСКИЙ
(1800-1861)

Милостивый господин Отто Николаевич!

Желая ознакомиться с языками различных народов, ты пришел в прошлом марте в мой дом и рассказал мне о своем намерении переложить на письмо язык, на котором говорят якуты, Ты просил меня помочь в этой работе.

Край якутов — мой родной край, язык якутов — мой родной язык, а потому мог ли я отказать тебе и не быть полезным в твоей прекрасной и нужной работе?

Исполняется седьмой месяц с того дня, когда ты начал работу по якутскому языку: через несколько месяцев твоя работа подойдет к концу. Твой ум и то обстоятельство, что ты в течение нескольких месяцев постиг основу и силу якутского языка, достойны восхищения и будут порукой тому, что твой труд принесет большую пользу.

Из-за отсутствия письменности якутский язык считается мертвым языком; остается еще немного времени как ты его оживишь. Скоро ты удостоишься как похвал высокоученых людей, так и безграничной благодарности якутского народа. Нынешнее поколение якутов в полной мере извлечет пользу из твоего творения, твое имя возвысит и с искренним сердцем преклонит ради тебя колени, как перед высшим божественным творцом. Это будет их платой, это будет твоей наградой.

В течение этой нашей работы ты пожелал ознакомиться из письма по-якутски о моем происхождении, о моей жизни. Вследствие твоего дружелюбия было невозможно не выполнить по силам и это твое желание. Описание своей жизни, которое я называю «Воспоминаниями», я передаю тебе вместе с этим письмом.

Я знаю бесполезность этого письма: только ты прочтешь его ради примера, никто другой кроме тебя его не прочтет. Тем не менее написание его было для меня довольно трудным, да иначе и не могло быть: ведь до сих пор не было написано на якутском языке ни одного письма, никто не знал надлежащего способа и закона, как переложить язык на письмо. С давних времен до сих пор являлась нам

написанной по-якутски только одна священная книга, называемая «Катехизисом», но и она была очень плохо переведена с русского. Поэтому я теперь очень рад, что сочинил первое письмо на любимом якутском языке.

Я счел слишком незначительным писать в «Воспоминаниях» только о себе самом: здесь нет ничего, кроме несчастья и печальных воспоминаний. По этой причине хотя и очень кратко, но добавляю описание быта якутов. Размер моего письма не позволил написать подробно; а кроме того, якут в своем быту отличен от всех других народов, его образ мыслей и его характер мало изменились в течение многих столетий, его характер и нравы своеобразны, размер края, населенного им, безмерен, его леса богаты неисчислимыми ценными зверями, его воды знаменитыми прекрасными рыбами, холод и жара его края чрезмерной силы, сила роста травы и деревьев не имеет себе подобия. Если это все подробно описать, получилось бы несколько толстых книг. Сюда могут быть присоединены устные предания, идущие из столетия в столетие, от поколения к поколению: кто был предком якутов? Почему они переселились, нашли этот край, удаленный выше всех мер? Не знали они испокон веку никакой письменности или утратили ее впоследствии? Из этих устных преданий человек мог познать какое-нибудь достоверное прошлое. Все это останется невысказанным до тех пор, пока якуты из твоего начального учения научатся писать на том языке, на котором они говорят, или пока какой-нибудь добросердечный русский при свободных и счастливых жизненных обстоятельствах не возьмет на себя такой труд. Как было бы полезно до тех пор, если бы были переведены священное писание, жизнеописание знаменитых людей на их язык и отправлены им! Они читали бы это все, постигали и привыкали бы к размышлению и обучению.

От всего сердца я желаю, чтобы ты смог завершить начатый тобой труд. Пусть болезнь и утрата не коснутся ни тебя, ни твоей семьи, пусть несчастье ни в каком виде не приближается к тебе до часа, когда ты умрешь.

Всегда тебя уважающий и желающий тебе добра Уваровский.

По исчислению якутов: восьмой день новой половины седьмого месяца (ноября).

Воспоминания Уваровского

Счастье и несчастье идут в одном ряду с человеком.

Поговорка

Зерно становится мукой, если оно мелется.

Поговорка

На левом берегу великой реки (Лены) в 100 кесах от города Якутска, вблизи Полярного моря, был город по названию Жиганск. Уже давно как он упразднен. В этом городе мой отец был исправником; этот город — место моего рождения.

После ликвидации этого города мой отец вернулся в Якутск. Мне было тогда четыре или пять лет. В этом возрасте ребенок помнит немного, тем не менее в моей памяти осталось, как мой отец проводил восемь-девять месяцев в году в далеких поездках, принимая на свои плечи большие тяготы; как я плакал со своей матерью, скучая и не будучи в состоянии его дождаться, как я дважды чуть было не умер: в первый раз, когда я переходил по бревну через речку и упал в воду; второй раз, когда я в якутской юрте упал в котел, в котором кипел корм для собак.

Наконец случай: однажды летом я поднялся утром и до смерти перепугался ужасного разбойника дикой внешности, который стоял у входа в дом, держа заряженное ружье. Позднее я узнал, что он был оставлен в качестве караульного, чтобы его друзья по ошибке не разграбили наше имущество.

Он был другом 14—15 беглых каторжников. Они все убежали с Охотской солеварни, по дороге ограбили нескольких купцов, спустились сюда по Алдану к Лене и приплыли в Жиганск. Когда они прибыли сюда ночью, то застали солдат и казаков спящими, связали им руки и ноги, потом так напоили, что лишили сознания, втолкнули в арестантскую и закрыли там. Сами они разбились на несколько партий и разграбили весь город.

В тот же самый день, примерно в то время, когда происходит дневное доение коров (между 9 и 10), собрались они все, после того как совершили грабеж, в нашем доме.

Я помню как вчерашнее событие, как эти звероподобные,

страшные люди без ноздрей и с синими знаками на лбах как раз в то время, когда их гневная черная кровь кипела от огня, а кровь убитых ими людей дымилась, обступили моего отца и мать, в одно мгновение превратились из возбужденных ужасами существ в доброжелательных людей и из глубины сердца приносили свою благодарность за то, что те из доброты всегда были готовы помогать бедным людям.

Это событие не имело себе подобного в стране якутов.

Я помню так, как будто это произошло вчера, как их атаман, по национальности грузин, человек чрезвычайно большого роста, увешанный всевозможным оружием, в штанах, отделанных серебром вдоль красного шва, держал меня на коленях и, беспрестанно угощая меня сладостями, сам при этом сидел и плакал, будто вспоминал что-то прошлое. Мой отец и моя мать со своей стороны были полны в этот день, принесший неожиданное несчастье, ничем иным как благодарностью: если бы в головы этих людей пришли черные мысли грабежа, то было бы очевидно их совершенное разорение.

Потом разбойники сытно позавтракали, после чего они в обещенное время, взяв с собой свою богатую добычу, уплыли по Лене.

Невозможно описать тогдашние скорбь и плач всех семей города, которых было свыше тридцати. И когда они возвратились вечером из леса, в котором скрывались, нашли свои дома очищенными дочиста, одним словом сказать, все было перевернуто вверх дном.

Тем же летом, я не помню, по истечении скольких месяцев, казаки и солдаты, прибывшие из Якутска, настигли разбойников на расстоянии 70 кесов от Жиганска. Они не сдавались добром, а дрались; вследствие этого солдаты убили большую их половину, оставшихся в живых доставили в Якутск.

Из награбленного имущества обнаружилось лишь очень немногое: часть сгнила, а остальное было разбазарено тем или иным способом.

Окрестности Жиганска лишены для глаз человека всякой красоты и разнообразия. Особенности природы суть такого рода: находящаяся между двумя горами теснина, вокруг густая лесная чаща, в которую собака не просунет свою морду, едва сделаешь около десяти шагов в этой лесной чаще, как по колено увязаешь во мшистое болото. Из ягод имеются только брусника, черная шикша, красная смородина, толокнянка, шиповник и все. Время, когда свирепствует зима,

продолжается восемь месяцев; в эти восемь месяцев теплая одежда не спадает с плеч людей. Два месяца распределяются на весну и осень, для бедного лета остается от круглого года с грехом пополам лишь два месяца.

Снег выпадает выше дома; ветер дует так, что не позволяет никому стоять на ногах, мороз перехватывает дыхание, в течение двух зимних месяцев солнце почти никогда не показывается на глаза человеку. Это все. Откровенно сказать правду: если бы предоставили моей воле, я ни за что не выбрал бы Жиганск местом своего рождения.

Жителями Жиганска являются тунгусы, числом от четырех до пяти сотен человек. Эти люди ходят на охоту, бродя по снежному морю более чем на 200 кесов в окружности. Что касается названий их охоты, это: дикий северный олень, черная лиса, соболь, лиса-сиводушка, красная лиса, песец, белка, горноста́й, черный медведь, белый медведь и дорогой звериный рог (клыки мамонта), из которого делают гребни.

Страна, какова бы она ни была, обычно не лишена чего-либо прекрасного: в течение двух летних месяцев солнце почти не заходит; человек, не привыкший к этому, не находит времени, когда смог бы он лечь спать.

Все окрестности Жиганска не имеют себе равного в том, что касается речной рыбы, как в отношении ее количества, так и великолепия: нельма, сиг, ерш, осетр, стерлядь, чир, муксун, омуль и другая мелкая рыба с разнообразными названиями ловится в бесчисленном количестве.

Эти прекрасные рыбы пропадают почти без пользы по двум обстоятельствам: из-за отсутствия соли и еще потому, что народ к этому так привык. В том месте, где тунгус ловит рыбу, он роет глубокую яму примерно в маховую сажень. Стены этой ямы он покрывает корой, на дне он также расстилает кору. После того как он удалит внутренности и кости, он укладывает пойманную им рыбу плотно доверху в эту яму. Здесь эта прекрасная рыба гниет до тех пор, пока не превратится в зеленую кашицеподобную массу. Эта гнилая рыба является любимой пищей тунгусов. Сознаюсь, что в детстве я чрезвычайно охотно явно и тайком ел такую рыбу; если бы она была здесь, то ел бы ее и сейчас. Сейчас большие врачи пишут, что потребление пойманной вчера рыбы причиняет человеку большое нездоровье.

Кто уверит меня в том, что эти слова правда, тогда, когда я знаю, а ниже об этом я скажу еще, что тысячи людей питаются этой гнилой рыбой, достигая при этом преклонного возраста? И я сам, хотя ее так много ел, не помню, чтобы у меня что-нибудь болело после этого. Если бы тунгусу сказали: «Не ешь тухлую рыбу, это смертельно», он засмеялся бы и сказал: «Рыба, которую ты съел тотчас же, как ее убил, разве не протухнет в твоей утробе?»

В середине минувшего столетия жила в Жиганске одна русская, по имени Агриппина. Моя бабушка знала ее в лицо. Эта женщина слыла большой колдуньей: тот, кого она любила, считался счастливым, тот же, на кого она обиделась, считал себя крайне несчастным. Слово, произнесенное ею, воспринималось как слово самого всевышнего. После того, как она этим путем приобрела доверие людей и состарилась, построила себе на расстоянии 2 кесов выше Жиганска домик между скал и жила в нем. Никто не проходил мимо, не обратившись к ней, не получив ее благословения и не принеся ей что-нибудь в подарок. Тех же людей, которые проходили мимо, не сделав так, она доводила до большой беды, превратившись в черного ворона, настигнув их сильным вихрем, топила их вещи в воду, лишала их разума и сводила с ума. И после ее смерти до сих пор не проходят мимо того места, не повесив подарка. Эту старуху знают кроме жителей Жиганска также все якуты окрестностей Якутска. О больной мэнэричке (истеричке) говорят, что ее подпортила Агриппина из Жиганска.

Рассказывают, что эта старуха прожила до 80 лет, что она была мала ростом, толста, ее лицо испещрено оспой, глаза остры как утренняя звезда, ее голос звонок как звук железа. Ее имя до сих пор не забыто в северной стране.

В день моего отъезда из Жиганска я взял по обычаю того времени пузырь с землей с места моего рождения, чтобы в день тоски по родине размешать ее в воде и пить. К счастью, я никогда не испытывал тоски по родине и поэтому ни разу не наполнял свой желудок черной землей.

После того времени я ни разу не посещал Жиганска. Бог знает, увижу я или нет свою родину.

Два или полтора кеса к северу от города Якутска есть местность, которая называется Кильдямцы. Здесь мой отец и моя мать,

прежде чем они уехали в Жиганск, построили хороший русский дом и в нем жили. Вплотную к их дому жили в отдельном доме отец и мать моей матери до преклонного возраста.

Я еще ни разу не видел ни в Жиганске, ни по дороге широкого поля, открытой местности. Я видел только сверкающую голубую поверхность реки, такой большой протяженности, что ее не мог достичь глаз человека, непроходимую лесную чащу из деревьев, покрывавших каменные и земляные горы, протянувшиеся по обоим берегам реки, которые не мог взять человеческий глаз, мои уши никогда не слышали пения жаворонка или голоса какой-либо певчей птицы, я слышал голос только черного ворона или вороны или иногда чирикание воробьев. Из трав я видел только осоку без запаха.

После этого, сам посуди, как велико было мое удивление, когда я вступил в местность, называемую Кильдямцы. Перед моими глазами предстала открытая, шириной более чем в один кес и длиной в несколько кесов равнина, которая подобна была гладкой водной поверхности. Разнообразнейшие и многочисленные травы напоминали расстеленную зеленую или желтую ткань. Там и сям стояли густые лиственничные и березовые лески, как если бы их посадили руки художника. Через самую середину луга, по чистому песку широкой реки, окаймленной черными обрывистыми берегами, протекала чистая, быстротечная вода. Противоположная сторона этой реки густо поросла питательной сенокосной травой. На этих местах под лучами солнца как серебро сверкали косящие траву косы сотен людей. На широкой поверхности луга паслись бесчисленные лошади и коровы, ничего не боясь и бродя по своему желанию. На этом лугу как нарисованные красовались стоящие по пятьдесят якутских юрт, обмазанных глиной или блестяще белые, большие, конусообразные летние урасы. От солнца окна юрт из слюды или стекла сверкали издали, как драгоценные камни. В конце, на значительном возвышении этого поля, высился наш дом, как высокий холм.

Все это вместе взятое показалось моим глазам несказанно красивым и бесконечно обширным, как это раньше мой детский мозг не мог себе представить. Только эта местность под солнцем казалась мне безмерно обширной; при этих мыслях моя большая радость не могла быть выражена словами.

Едва мы прибыли в эту местность, наш дом постигло не-

счастье: мой отец, никогда не болевший до своих 72 лет, упал однажды после обеда без сознания на кровать и тут же, не прошло и часу, передал богу свою душу.

Плач и скорбь моей матери от этого неожиданного несчастья были безмерны. Это и не могло быть иначе, так как она потеряла своего старика, с которым прожила свыше 40 лет в добром согласии.

После того как моя мать похоронила моего отца, она оказалась в весьма стесненных обстоятельствах. Осталось 800-900 рублей долгов; тогда это считалось большой суммой. После того как прожили в Жиганске девять лет, из оставшегося в Кильдямцах скота застали лишь незначительное количество; остальное разошлось через руки чужих людей. Кильдямский дом совершенно опустел.

Приблизилось время, когда меня, малыша, должны были отдать на учебу; чтобы жить в городе для достижения этой цели, у нас не было там дома. Все это вместе взятое заставляло сильно грустить мою мать. Несмотря на это она не отказалась от своих намерений. Между тем не ставьте мне в вину, если я скажу несколько слов о ней.

Моя мать не умела читать и писать, но была очень умна; ее память не имела себе подобия: она помнила все со своего четырехлетнего возраста; что-либо услышанное ею с того времени до исполнения ее 70-го года она никогда не забывала; не задумываясь, она говорила, на какой день падает какой праздник; она рассказывала, не ошибаясь, какой губернатор был 100 лет тому назад и сколько лет он прожил; она говорила безошибочно результат сложения или деления какого бы то ни было большого денежного счета. Таким образом, к ней приходили люди, которые забыли какое-либо обстоятельство из прошлых времен, и улаживали свой спор. Она знала олонхо, народные предания, сказки, песни, загадки; все женские швейные работы, кройка и шитье одежды, которую господа носили с древних времен, не избежали ее рук и искусства. Она была очень богобоязненна; до дня своей смерти она не сказала ни одного неправдивого слова, также ни один голодный человек не вышел из ее дома не насытившись; так как она была готова помочь бедным людям, обычно денег в ее доме никогда не оставалось 100 рублей целыми и десяти дней; в то время, когда приходили большие праздники года, в ее кладовой, наполненной пищей, оставалась только половина. Вследствие этого она слыла добросердечной женщиной чистого правдолюбия. Кто ей одалживал,

стыдился напоминать долг; кто радовал ее каким-либо добрым делом или услугой, считал себя в тот день осчастливленным.

Смерть моего отца мне тоже причинила много забот. Я подразумеваю под этими словами не только слезы ребенка, которые скоро проходят: я подразумеваю ту силу скорби, которая даже сердце взрослого обливает кровью. С этого самого дня началась та полная несчастий цепь, которая тянулась до моего нынешнего возраста беспрерывно, прибавляясь каждый день и каждый год.

Никто не умирает с умершим, живущий думает о живущем. После того как моя мать отогнала мысли первой скорби, привела она прежде всего дом в порядок, затем она порядочно увеличила за те пять лет, что мы жили в Кильдямцах, поголовье скота.

Жизнь, которую мы прожили в Кильдямцах, была лишена радости. Тогдашние морозы никому не позволяли свободно выходить наружу на пустынную землю: в течение пяти месяцев мы никуда не ходили. Утром дедушка учил меня чтению и письму, вечером я читал вслух матери Священное писание или она направляла мой ум к любви к богу, к почитанию императора, к заботе о бедных, к состраданию, к необижанию людей, одним словом, к тому поведению, которое нам предписывает как закон Священное писание. Вследствие моей несравненной любви к матери и вследствие моего врожденного характера я воспринимал все произносимые ею слова, не упуская ни одного из них без внимания.

Живя таким образом, мы познакомились со многими якутами. Эти якуты любили меня как свое дитя, и я тоже полюбил их от всего сердца. Любя их так, я в совершенстве выучился их языку, в совершенстве познал образ их жизни, слушал очень охотно их олонхо, песни, загадки и древние былины, с удовольствием ходил на их праздники, свадебные пиры и народные собрания, принимал участие в играх, которые они устраивали летом.

Так я полностью научился их сноровкам: ни в скорости, ни в проворстве я не уступал любому якутскому герою. Я был известен и своей стрельбой из якутского ружья; хвалили, как я садился на дикого коня и мчался, словно ветер, по широкому полю; по известным признакам лошади я узнавал, не ошибаясь, ее силу, ее скорость, ее резвость и ее смелость; едва я взглядывал на корову, я знал, не ощупывая, ее достоинство или негодность.

Так как я на все такого рода незначительные обстоятельства обращал внимание, меня неизменно любили не только мужчины, но и все якутские старушки, молодые женщины и дети. После того как я таким образом побудил якутов полюбить меня и добился их доверия, мне было невозможно поступать противу их образа мыслей, даже если бы я был склонен и желал этого.

Озера этой местности летом были наполнены различного рода утками, роши и леса, находящиеся вблизи, — зайцами, тетеревами, рябчиками и куропатками. Весной, когда уплывал лед, и осенью, когда все эти птицы, подняв своих птенцов на крыло, улетали в теплые страны, лишаешься своего сна от крика гусей, уток, лебедей, журавлей, аистов и разных мелких птичек.

С 11-12 лет я убил столько птиц, сколько убивали, наверное, очень немногие люди. Из-за желания стрелять отдаленная местность мне казалась близкой; провести целых три дня на охоте без сна я не считал за тяготы; я никогда ничего не знал об усталости. Осенью я спал, ожидая отступления ночного мрака, на сырой земле, положив ствол дерева под голову, без одеяла и без постели, в одежде без меха, в то время как снег и дождь, сопровождаемые ветром, обрушивались на меня; или я ловил рыбу, шлепая всю ночь по холодной воде на отмели, где производилась неводьба. То, что таким образом я с детства приучил себя к трудностям, впоследствии оказалось полезным для меня.

Так жили мы; но так как впоследствии настала необходимость жить в городе, моя мать разобрала дом, в котором мы жили в Кильдямцах, перевезла его в город и поставила на хорошем месте, которое она выбрала сама. До тех пор, пока эта работа не была завершена, я продолжал учебу.

На 16-м году я поступил на царскую писарскую службу в высшую инстанцию Якутска. Здесь стоял над нами один господин по имени Н.Н. Этот господин, хотя и был незнатного происхождения, но поскольку в тогдашних условиях разбирался в письме довольно сносно, считался старательным и полезным работником. Пребывая в таком счастье, он ни в копейку не ставил труд человека. По его приказу мы сидели и писали в день непрерывно с раннего утра до обеда 9 часов, после обеда до ночи 8 часов, в общем 17 часов. За этот труд давали нам в месяц по одному или два рубля медью. Прожив

таким путем примерно два года, я стал старшим стола; на 3-м и 4-м годах передали мне до шести столов. Вдобавок возложили на меня в скором времени отдельную канцелярию губернатора. Из десяти примерно человек, которые были даны мне в помощь, чтобы исполнять все эти очень кропотливые дела, одна половина состояла из маленьких детей, данных мне в ученье, другая половина - из совершенных пьяниц. Вследствие этого моя работа тянулась без конца: я работал в день по двадцать часов. За все эти мои старания получал я в месяц 5 рублей медью. Любовь моих начальников, уважение всех людей и радость моей матери превыше всего этого придавали мне сил; потом у меня было также сознание, что эти старания были полезными.

Похоронив двенадцать детей, рожденных ею, и своего любимого мужа, моя мать жила, воодушевленная только мной. Как раз тогда, когда я радовал ее таким образом, в то время, когда она должна была бы отдыхать, ею овладела тяжелая смертельная болезнь. Эта ее болезнь, усиливающаяся изо дня в день, вынудила ее целых два года пролежать в постели. В течение всего этого времени, что она лежала, я ни на одну ночь никогда никому не доверял присмотр и заботы о ней: подавание лекарств, кормление, переворачивание в кровати, все обычно я делал собственными руками; я спал сидя возле нее; проведя довольно большое количество времени без сна, я шел в канцелярию. Наконец ее силы начали заметно слабеть. В течение девяти дней и ночей перед ее смертью я ухаживал за нею, никуда не выходя и не засыпая. За эти девять дней она мне высказала много, очень много слов в завещание. В ночь перед своей смертью она сказала: «Не оставайся в городе Якутске, этот город полон завистливых русских. Якуты тебя полюбили и будут любить дальше; отсюда породится зависть; зависть доведет тебя до неприятности, свяжет свободу твою, доведет до беды. Продай свой дом и свое имущество, а сам поезжай в Россию; там увидишь солнце-царя, это будет твоим счастьем. Ты остаешься теперь совсем один под солнцем, образ моих мыслей ты знаешь полностью; не отходи от моего обычая. Этот обычай будет радовать твое сердце, сколько бы тебя ни постигало несчастье. Не забывай помогать людям - своим имуществом, советом, трудом: таким должен быть человек. Завтра я умру, на восходе солнца отправь за священником и позови всех моих родственников и знакомых».

Ранним осенним днем, с наступлением рассвета, пришел свя-

щенник; моя мать исповедалась в своих грехах, получила причастие и простилась со всеми людьми, которые собрались по ее зову. Потом она обняла меня. Мое плечо ощутило холод дыхания умирающей. Через мгновение все стоящие здесь и смотрящие люди сказали в один голос: «Она умерла». Моей матери мгновенно не стало.

В том виде, как она лежала, не было выражения умирающего человека: в ее лице не изменилась ни одна черта, ее смерть не отличалась от тихого забытья усталого человека. Таким образом, она не испугала ни одного взрослого и ни одного ребенка почти из сорока собравшихся человек. Люди смотрели, ничуть не пугаясь, на ее лицо, которое приняло улыбку радости, как будто мать радовалась зрелищу места, приготовленного в светлом царстве мира высшего божества, когда душа безгрешного человека выходила из тела, ввергнутого в болезнь и смерть. Такова была ее смерть!

Добрая мама! Ты не видела под этим солнцем ни одного дня без нужды, ты не жила счастливой жизнью: твоим счастьем были единственно твои добрые дела. За эти твои деяния ты будешь счастлива в светлом царстве верхнего мира, куда на бесконечную радость бог посылает безгрешного человека. Во время твоей жизни я не преступал твоих желаний, и я не помню также, чтобы я сердил твое доброе сердце. Ты постоянно являешься мне в моих снах, и в этих моих снах ты рассеиваешь мои скорбные мысли и одобряешь меня. Это единственное благо, которым я живу и счастлив. Незабвенная матушка! Молись за меня, если твоя сила достигнет подножия светлого места верховного творца!

С моей матерью я похоронил все, что меня радовало на этой земле. Так как я не имел ни брата, ни сестры и оставался неженатым, то с того самого дня и по сей день нет никого, кто пожалел бы меня в мои темные дни, кто радовался бы моим светлым дням: я чужой всем людям, всюду пришлый гость.

После этого в Якутске больше не оставалось ничего, что радовало бы меня; весь край, все, что раньше казалось мне прекрасным, обернулось для меня смертельной тоской. А затем и якуты в Якутске, управляемые слабыми чиновниками, год от года стали изменяться не в лучшую сторону. Все это вместе взятое изменило мою мысль жить в том месте.

Во время тех обстоятельств, о которых я рассказываю, губер-

натор, живший там, полюбил меня как своего сына. Я заведовал его канцелярией: далекий от того, чтобы отправить меня в другой город, он не то, чтобы в другой город, но и на час никогда не отпускал от себя. Он умер в Якутске. Как только он умер, я уехал в Иркутск, продав прежде свой дом и свои пожитки и погасив старые накопившиеся долги. Здесь я был определен в канцелярию губернатора и не имея никаких забот спокойно прожил полтора года, получая в месяц 80 рублей жалованья кроме легкой писарской службы.

В то время, когда я намеревался уехать в Россию, прибыл из России в Иркутск господин М., который был назначен в г. Якутск губернатором. Когда этот господин услышал, что я знаю язык и образ жизни якутов, он потребовал меня к себе. Как бы я ни хотел не возвращаться в Якутск, только из-за того, что желал блага якутам, еще и потому, что заметил добрый и острый ум этого нового чиновника, я вернулся в Якутск, хотя я и чувствовал, что это возвращение не принесет мне ничего кроме хлопот и неприятностей. Впоследствии это предположение оказалось правильным.

Когда этот чиновник прибыл в Якутск, он увидел много нарушений, по этой причине он сменил нескольких чиновников. Сам он полный сил и здоровья, работал до изнеможения на протяжении 6-7 лет во имя будущего благополучия якутов. Годы его работ якут считал своим счастьем. Прошло 15 лет, как сменился этот господин. Но все эти долгие года якут не забыл его, до сих пор он жив в воспоминаниях якутов. Каждый город был бы счастлив, если бы такой господин сидел у них губернатором.

К юго-востоку от города Якутска, на расстоянии в 100 кесов находится Удской край, знаменитый своей богатой охотой. Ширина территории приблизительно 500 кесов. С одной стороны она выходит к Охотскому морю, со второй стороны к Китаю, с третьей, четвертой, пятой сторон к Нерчинску, Анняху, Хангангы.

Эта территория по сравнению беспредельно широкими пространствами Якутска считалась пустынной окраинной землей.

В мое снаряжение входили три смены зимней одежды, четыре смены летней одежды, чай, сахар, сухари, пельмени, порох, свинец, ружья, немного рома и спирта, мясо, хаях (якутское блюдо из молока и масла), масло. Все это было упаковано в кожаные мешки, деревянные ящики, посуду из бересты вместимостью по 2 S пуда, затем,

чтобы вода не попадала в них, перевязали их крепкими кожаными ремнями, груз, который клали на лошадь, не должен был тяжелее 6 пудов.

Был февраль, несмотря на это, мороз еще ничуть не ослабел. Мороз превосходил по предмету, чем русские измеряют холод, число тридцать, я выступил в путь из Якутска с двумя преданными мне казаками. До Амги, которая удалена на 20 кесов, я добрался на санях, запряженных лошадьми. В Амге мы погрузили наш подготовленный багаж на семь стоящих наготове лошадей, сами пересели на трех лошадей и отправились в путь с двумя проводниками.

Лошади были все жирными, от жира были диковаты и то и дело сдвигали седла с вьюком. По этой причине и чтобы не запалить их в первый же день, мы проехав всего 3 кеса, остановились на ночевку.

Здесь проводники прежде всего полностью освободили лошадей от груза; затем они отгребли, пока не натолкнулись на землю, снег и наготовили сухих дров. Как только развели огонь, они набили снега в чайник и в большой котел и вскипятили воду. Как только тепло чая разогнало нам кровь, они стали готовить спальные места. Прежде всего они толсто настлали ветвей маленьких деревьев, на них войлочные потники из-под седла, а на них медвежьи шкуры. После этого мы съели приготовленный тем временем ужин, очень быстро разделись и легли спать. Сапоги, носки и рукавицы, которые на нас были надеты и которые насквозь промокли, они закопали в глубокий снег, чтобы влагу вытянуло. После того как мы лежали час, так что постели, на которых мы лежали, и одеяла, которыми мы укрылись, нагрелись, мы заснули. Утром, на рассвете, мы с большой быстротой натянули нашу одежду, которая под снегом высохла лучше, чем если бы это было в доме, умылись снегом, постоянно дрожа, затем напились чаю и опять тронулись в путь. Таким манером мы продолжали наше путешествие до таяния снега.

Здесь я должен заметить, что среди тягот зимнего путешествия совершенно невыносимо раздеваться среди лютого холода и ложиться в постель; но что еще трижды невыносимее вставать утром, надевать многочисленные одежды и умываться снегом. Чтобы это все вынести, не заболев, нужно иметь крепкое, словно железо, тело.

Я не употребляю крепких опьяняющих напитков и не знаю

поэтому помощи, которую они оказывают человеку. Я полагаю, что человек не остался бы в живых, если в таком путешествии не было бы чая. Я не причисляю сюда якутов и тунгусов: они, родившиеся и выросшие на снегу, привычно проводят в своих путешествиях даже три дня без еды.

После трех-четырёх дней пути мы достигли берега большой реки Алдан, напротив того места, где в нее с правой стороны впадает река Учур. Здесь мы сделали в одной тунгусской юрте остановку и услышали, что от истока Учура до той местности, куда мы должны были ехать, на протяжении 10 кесов выпал снег высотой в семь пядей и что будет крайне трудно преодолеть этот снег и ехать. Эта весть поставила нас в весьма затруднительное положение: мы не могли повернуть обратно, а объехать это место могли только одним способом. Этот объезд составлял 20 кесов. Но чтобы таким образом сделать этот крюк, мы должны были из-за недостатка корма отказаться от наших перекладных лошадей и пересесть на оленей. Поклажу для оленей надо было уменьшить: но у нас не было никаких для этой цели мешков, сумок. Из-за этого неудобства мы вынуждены были задержаться в юрте, где остановились на двое суток и делать лыжи. Так как вследствие этого мы решили идти вдоль Учура, то двух порожних лошадей, которые у нас были, мы продержали на привязи без корма целых два дня и на третий день перебрались через Алдан. Едва мы вступили на лед Учура, глубина снега начала сдерживать ход коней.

Проводник, надев лыжи, пошел впереди, ведя обеих свободных, ненагруженных лошадей. Этих обеих лошадей вели вперед таким образом, что они, постоянно меняясь, вставали на задние ноги и разбивали снег, покрытый жесткой коркой. Сзади этих лошадей шли мы по одному друг за другом вместе со всеми нашими связанными цепочкой лошадьми, не отклоняясь от следов, которые протоптали передние лошади.

Путешествуя таким образом, мы с раннего утра до вечера на силу проехали один кес. Таким путем нам пришлось проехать через этот снежный барьер, простирающийся на 10 кесов, только после десятидневного путешествия. Все эти дни мы очень редко садились на наших лошадей: вследствие сильного барахтанья, которое производили лошади в снегу, покрытом твердой коркой, огромным трудом держались в седле; это вызывало невыносимую усталость. По этой

причине мы надевали большей частью наши лыжи и шли пешком, говоря правду, обливаясь при этом потом.

Оба берега Учуря являют собой отвесные скалы. У подножия этих скал узкая кромка, кое-где имеющаяся, связана с высоким выкрашивающимся черным обрывом. На этот черный обрыв завьюченная лошадь никак не в состоянии взобраться. По этой причине обычно мы, когда прибывали к месту, где собирались заночевать, сбрасывали весь наш багаж на снег, покрывший лед Учуря, вытягивали лошадей одну за другой на этот обрыв и здесь оставляли их пастись, чтобы они себе выгребали корм из-под снега. Будучи не в состоянии из-за глубокого снега выкопать себе корм, они довольствовались березовыми и тальниковыми ветками.

Едва мы проехали через этот снежный барьер, как показалось новое страдание, новое препятствие. Жестокий мороз вытеснил воду из скал на Учуре; вода хлынула, подняла речной лед толщиной в 12-13 пядей и текла теперь по поверхности льда. Мы ехали, заставляя лошадей брести по колено в этой воде. В других местах эта выступившая вода, замерзнув во второй раз, делала нашу дорогу гладкой, как зеркало. Неподкованная лошадь или олень не могли твердо удержаться на этом зеркальном льду. По этой причине два человека врубались в лед своими топорами или пальмами, делали насечки; мы шли позади них все время пешком. В другом месте, где находились близкостоящие осыпающиеся черные обрывы, мы набирали в пустую посуду сухую землю или песок и высыпали их на лед. Случалось, что где-нибудь лед по недосмотру не был насечен или не был посыпан землей; здесь наши 16 или 17 лошадей поскальзывались и все без исключения падали на землю. При таком падении весь наш багаж соскальзывал вниз, подпруги рвались, седла ломались. На приведение в порядок всего этого уходила большая половина дня, предназначенная для дороги. В течение нашего пути мы проходили возле чудесных гор: выжатая жестоким зимним морозом из вершины горы вода, стекая вниз с высокой горы, превращалась в сверкающий лед. Когда солнце клонилось к заходу, лучи безоблачного весеннего солнца освещали скалы; эти высокие ледяные скалы казались пестроцветной радугой или сверкающими драгоценными камнями. У подножия такой скалы постоянно текла вода, не замерзая.

Есть река под названием Эгнэ, которая впадает в Учур с левой

стороны. Путешественники, укорачивая путь, идут вдоль этой реки. Был месяц апрель. Когда мы шли вдоль Эгнэ, вдали на берегу реки показалась однажды черная движущаяся фигура. Сперва мы подумали, что это был зверь, но когда подошли ближе, мы увидели тунгуса, сидевшего там и плакавшего. Встав и поприветствовав нас по своему обычаю, он ответил на наш вопрос, почему он плачет, следующее:

«Когда вчера я шел по лесу, нашел я в одном месте много следов диких оленей. Чрезвычайно радуясь этой находке, я быстро вернулся к своей семье. После того как я подождал здесь два часа до наступления рассвета, куря табак, лишь только показался след оленя, отпустил свою собаку. Сам я побежал на лыжах вслед за собакой. Я преодолел расстояние больше чем в один кес, спускаясь от скалы к скале, от реки к реке. На мерзлом снегу начала показываться кровь от ног оленя, все заметней становилась усталость бегущего оленя, прыжки моей собаки все шире, наконец, стал слышен лай моей собаки: было очевидно, что я настигаю оленей. Вдруг собака моя закричала смертельным лаем. Я испугался, как будто мое сердце разорвалось надвое. Я усилил свой бег, на удалении приблизительно двух ружейных выстрелов я заметил, что лежат два окровавленных маленьких черных куска. В тот момент, когда моя собака настигла большое стадо оленей, загнала их в чистый ручей и, бегая вокруг них, была занята тем, чтобы их не отпустить, бросились со склона горы два голодных волка, схватили мою собаку за голову и за хвост и разом разорвали надвое. Олени все рассыпались в разные стороны.

Был седьмой снег моей собаки. Полугодовалым щенком он уже пошел на ловлю и в течение шести лет не позволил мне увидеть ни одного голодного дня. Лось, дикий северный олень, соболь, как и многие другие звери, не избежали моего их добывания, едва обнаруживался их след. Хотели его купить у меня за пять ездовых северных оленей, но я и за десять не отдавал. С ним был я богат, теперь я беднейший человек. Я не знаю, как я покажусь своей семье, жена и дети ждали его, чтобы его поцеловать; сейчас их плач будет пилить мое сердце тупым ножом».

Не в силах чем-либо помочь этому тунгусу, успокоив и подержав его только словами, что прошлое не возвращается, вылитое обратно не наполняется, что надежда на бога крепче, чем что-либо, я отправился дальше.

Удалившись от Эгнэ, мы должны были перевалить одну высокую труднопроходимую гору и опять спуститься к Учуре. Не доезжая до этой горы на два пеших кеса, мы наткнулись на значительную группу путников. Эти люди рассказали, что на этой трудной горе лежит снег высотой в 13 пядей и что поэтому никоим образом невозможно преодолеть ее. Едва я прибыл сюда, наши люди собрали от всех людей, имеющих караваны лошадей, по 10 лошадей и по 10 оленей и снабженные лыжами повели их, разрушая снег этой труднопроходимой горы. На другое утро мы с величайшим усилием перевалили эту гору. Первого мая добрались до учурской ярмарки.

После того как я на этом месте сбора собрал ясак и другие подати и как только восстановились силы коней, дошедших до полного изнеможения, мы в первые дни июня отправились в Удское, ведя за собой купленных нами оленей, которых было около десяти.

От места сбора на Учуре до Удского примерно 50 кесов, но из-за трудностей передвижения по этой местности они считаются за 70 кесов. Путник постоянно спускается из одной большой реки в другую, из одной речушки в другую и поднимается с одной горы на другую. Так как был дождливый год, то мы переплывались через реки, перегоняя животных вплавь. Многие реки мы преодолели с помощью построенных нами плотов. Особенностью этой местности являлись или острые камни или бездонная, никогда не высыхающая грязь — тина.

Если лошадь падала в эту грязь, она не вставала. Наши 17 лошадей все, как одна, валились со всем багажом. Проводники, бродя по пояс в этой тине, частями вытаскивали поклажу лошадей на берег и складывали на сухое место, ремонтировали все разбитые вещи, сбрую, затем вновь навьючивали груз на лошадей. Отходя от этого места только на 20 шагов, лошади вновь падали, проводники вновь испытывали прежние мучения. Однажды я, стоя по грудь в такой грязи, держал на весу головы трех провалившихся лошадей, чтобы не задохнулись они в воде. Когда я так стоял, лошадь, провалившаяся около меня с четвертой стороны, успела мордой окунуться в воду только 2-3 раза и тут же задохнулась. Эти страдания усиливались еще солнечным пеклом и многочисленным комарьем, не дававшим человеку дышать. Из-за этих комаров человек не мог ни есть, ни пить: стоило положить что-нибудь съедобное в посудину, как тут же

они набрасывались целым роем, не давая поднести его ко рту.

Нужно воздать заслуженную похвалу якутским проводникам за то, что они переносили эти великие трудности, встречающиеся на каждом шагу, не высказывая ни малейшего раздражения и гнева, и это лишь за незначительную плату, которая не достигала даже половины стоимости их труда.

Здесь я должен к слову заметить следующее. После того как проводник целый такой день боролся с трудностями, грязью, водой, солнечным зноем, комарами, осами, оводами и работами, которые требуют усилий до сильного пота, он чинит на ночлеге до полуночи, до того, пока не остынут лошади, попорченную днем сбрую и свою собственную одежду. Затем, связав ноги лошадям и пустив их пастись, он просыпается через каждые полчаса сна отдыха, чтобы присмотреть за ними, чтобы не запутались они в деревьях, чтобы не задрал их волк. На сон ему достается в сутки немногим более двух часов. Одним словом: проводник в пути великий мученик.

Проехав отрезок более чем в 10 кесов от Учура, мы подошли к горам Джугджура (Большой перевал), куда мы мечтали попасть давно. Эти горы называются поясом или спинным хребтом этой земли. Опоясывая всю страну Сибирь, подобно спинному хребту, нигде не понижаясь и не прерываясь, достигают они, будучи чуть ниже облаков, на протяжении более чем в 1000 кесов Ледового моря, где, понижаясь, они кончаются. Как раз после полудня мы прибыли к подножию этих гор, сделали остановку и заночевали здесь, чтобы дать отдых лошадям. На следующее утро, еще до восхода солнца и прежде чем наступила жара, надели ездовые и вьючные седла на лошадей особым образом; переднюю подпругу протянули через грудь лошади, другие подпруги под груди. Затем поднялись пешком на эти чрезвычайно высокие горы. Привычные лошади взобрались на гору порознь, завьюченные и не связанные, осмотрительно и осторожно, ни одна из них не зацепившись грузом в зарослях за дерево, ни одна не угодив по неосторожности в горную расселину и в вырытое водой горное ущелье. Если бы они, идя таким путем, как-нибудь сделали ложный шаг, они обвалились бы в бездонную пропасть и от них не осталось бы кусочка мяса. Поднимаясь 13-14 часов на эти Джугджурские горы, которые в этом месте несравненно высоки, мы достигли самой вершины.

На вершине Джугджура было очень прохладно: здесь не было ни одного комара, ни одного овода. Чтобы дать отдохнуть нашим лошадям, мы пробыли здесь два часа, причем основательно замерзли. С этой точки все горы, которые охватывал человеческий глаз и которые сперва казались очень высокими, выглядели совсем незначительными низкими холмами. Бесчисленные широкие реки, берущие начало по обеим сторонам Джугджура и стекающие вниз, кажутся тонкими блестящими серебряными нитями. Когда в дождливый день облака, свисая, налетают подобно туману, они блуждают по высокому Джугджуру и рвутся одно из другого. Эти рвущиеся друг из друга облака лежат на вершине горы и колышутся как пролитая на землю мучная каша. Глаз человека, стоящего на остром ребре горы, граничащей с облаками сверху, замечает, как по обеим его сторонам стекают вниз слившиеся между собой капли влаги или дождя.

При своем падении вниз — в сторону востока одна половина капли, объединяясь с последующими каплями, передвигаясь вперед подобно волосу по прямой линии, превращается в журчащий ручей; потом, постепенно увеличиваясь, постепенно объединяясь с другими ручьями, превращается из журчащего ручья в шумящую речушку, очень скоро — в большую реку и впадает в бесконечное, никогда не замерзающее море. Здесь она движется в вечность, смешивается с водой разных морей и помогает живущим на земле людям с различными названиями плавать по этому морю, славя при этом на разных своих языках любимых своих богов.

Другая же половина упомянутой мною капли берет свое направление на запад тем же путем, каким упала та половина, и едва ли увеличивает воды известной большой реки (Лены). По этой реке она достигает ледяного моря. Здесь она превращается в лед и способствует тому, что ни одна человеческая мысль, ни одна человеческая сила не может переправиться через это ледяное море. Пройдет несколько столетий, эти половинки капли, которые теперь лежат, не тронутые лучем солнца, застанут когда-нибудь после долгого ожидания столетия, когда ледяное море будет растоплено и через него будет проложен путь; будут обнаружены новые, ранее неизвестные народы, и они породнятся с последующими поколениями современных, известных нам народов.

Подниматься утомительно, спускаться вниз легко. По этому

закону спустились мы с Джугджура, по сравнению с подъемом, в три раза скорее. От подъема и спуска с этих гор, которые длились около 16 часов, от борьбы с тучами комаров, ос и оводов в течение этого времени мы вместе с нашими лошадьми и оленями были так измучены, что не могли шевелиться. По этой причине мы сделали остановку, едва спустились с горы и нашли ночлег для отдыха. Когда мы здесь, непосредственно после снятия багажа с лошадей, развели дымокур для отпугивания насекомых и вскипятили чай и как раз собирались выпить вторую чашку, из глубины леса прибежала моя собака и лаем и визгом дала понять, что вблизи есть зверь. Я не знаю, куда делись усталость, которую мы очень чувствовали, пот, которым мы обливались, голод и жажда, которыми мы страдали, и не задумываясь, что зверь, выслеженный нашей собакой, мог бы быть или голодным медведем, или другим хищным зверем, схватились я, мой молодой казак и один из моих якутских проводников за свои ружья, осмотрели заряды, кремни, взяли пальму и побежали за нашей собакой. Собака повела нас опять на вершину высокого Джугджура. Когда мы здесь остановились, мы увидели зверя, стоящего на середине отвесной скалы на выступающем камне небольшой величины — горного барана. Мы нашли лощину, покрытую редкими деревьями, подкрадываясь от дерева к дереву на расстояние, примерно равное 100 саженьям, разом выстрелили из всех трех наших ружей. Если бы мы убили дикого барана на том месте, где он стоял, мы бы по обычаю охотников обвязали кого-нибудь длинной веревкой, другую веревку дали держать ему в руке и должны были бы спустить его к дикому барану; он привязал бы веревку к рогам дикого барана, другой свободный конец взял бы в зубы, а сам был бы поднят нами наверх. Этим же путем мы вытянули бы и барана. Но того, что мы предполагали, не случилось. Зверь, в которого мы стреляли, и который, издыхая, свалился на бок и соскользнул вниз с выступающего камня, на котором он стоял, покатился вниз в ущелье, дно которого едва было видно, так что от шума постоянных ударов рогов о камни в горах прокатилось громкое эхо. При таком падении с камня на камень от его тела не осталось ни кусочка, когда он достиг дна. Это было наше счастье, что этот баран таким образом соскользнул с камня, на котором он стоял и упал вниз: если бы он издох, стоя на том камне, может быть, при подъеме его мы сами вместо него упали бы в ущелье.

На обратном пути на то место, где мы сделали остановку, мне представилась новая охота, которую я до этого не знал: вспугнутые бежавшей впереди нашей собакой около 10 сидящих на земле птиц взлетели и уселись на ветви молодой низкой березы. В одно мгновение щелкнул курок моего ружья; моментально, прежде чем я выстрелил, якутский проводник меня остановил и сказал: «Господин! не трать зря порох и свинец, этих птиц мы поймаем своими руками». Произнеся эти слова, он срезал ножом длинную хворостину, очистил ее от ветвей, привязал на конец волосяную петлю и подвел ее совсем тихо к птице, сидевшей на нижнем суку. Эта птица вытянула свою шею навстречу, чтобы рассмотреть эту вещь поближе, проводник надел ей петлю на шею и потянул ее вниз. Поймав ее таким способом и свернув ей рукой шею, переловил он тем же путем и всех остальных, одну за другой, одной петлей. Название этой птицы по-якутски караакы, по-русски дикуша. Она больше рябчика, но меньше пестрого тетерева, пестротой своих перьев она приближается к пестрому тетереву. Ее фигура довольно толста, шея коротка, вкус мяса, как у тетерева. Подобных птиц я не видел ни в каком другом месте, кроме как по дороге в Удское. Да и в этой местности эта птица появляется очень редко; следует предполагать, что птицы и четвероногие звери, узнав их кроткую натуру, избрали их в пищу и таким путем истребили.

Спустившись с этого Джугджура, мы пока не достигли Удского, каждый вечер находили при нашем ночлеге речной залив и забрасывали три рыболовных сети из волоса, которые мы возили с собой. Наутро мы находили в этих наших сетях две или три рыбы, которые называются хариус. Эта рыба была нам очень кстати в нашей еде: если бы ее не было, мы должны были бы в нашем путешествии есть одну кашу с прогорклым маслом.

Путешествуя таким образом, мы прибыли в середине лета в Удское. Удское лежит на левом берегу реки, которая носит имя Уда, в местности, где высокие горы понижаются и становятся довольно широкой долиной. От этого места до Охотского моря 9 кесов. Жителями этой местности являются: один русский священник, один дьяк, в качестве губернатора казачий капитан, распоряжающийся 50 чело-веками, немногим более 10 крестьян, 6 или 7 казаков, 3 или 4 якута, далее 300 или 400 тунгусов, из коих ни один не имеет постоянного местожительства, а имеют они обычай летом и зимой кочевать с ме-

ста на место и заниматься охотой. Так как я имел приказ близко ознакомиться с образом жизни и охотой всех этих людей, то мне нужно было рассмотреть всю эту страну; поэтому поплыл я, отдохнув здесь, с двумя казаками и двумя проводниками к устью впадающей в море реки Уды.

В этом устье Уды жили две или три тунгусские семьи. Здесь они ловили много рыбы, называемой кэтэ, нерпу, запасались, кроме того, китовым жиром. Каждый год морские волны в этой местности выбрасывали в устье Уды одного-двух длинных китов-рыб длиной в 6-7 сажений. Больших тюленей они убивали выстрелом в голову из ружья, маленьких же, которые при наступлении отлива оставались на суше, убивали ударом дубинки. Из кожи этих зверей резали ремни; из остального, продубив в дыму, делали подметки. Крепостью такой кожи может меряться кожа немногих зверей. Утки и гуси имеются в большом количестве, но прежде всего замечают несметное количество морских бекасов. Когда наступает прилив, эти бекасы прилетают со стороны моря, не умещаясь на маленьких островах, садились один на другого. Я убивал их, когда они взлетали, по 55 штук за один выстрел.

Пробыв в этом месте четыре дня, я с шестью человеками на двух лодках, выдолбленных из тополиных деревьев, возвратился в острог.

В первый день из-за сильного течения мы двигались вперед, отталкиваясь обитыми железом шестами. Вечером и всю ночь шел дождь, утром второго дня вода реки достигла густого леса на берегу. В это время года дождь в этой местности идет непрерывно 15 или 16 дней и ночей; если бы мы по этой причине сделали бы остановку, мы бы надолго задержались и вследствие этого не хватило бы ни нашего продуктового запаса, ни наших сил. Из-за этой нужды решили идти вверх по течению, отнюдь не жалея своего труда. Пять дней мы двигались вдоль берега реки, подтягиваясь от дерева к дереву. Впоследствии все наши дорожные запасы подошли к концу и наши силы ослабели. До острога оставалось по воде три, по лесу полтора кеса. По словам нашего проводника, три или четыре ручья, которые впадают со стороны, не представляют большого препятствия при ходьбе через лес, поэтому я встал утром с восходом солнца, взял с собой ружье и топор и отправился в путь пешком через лес с одним казаком

и одним проводником, чтобы как-нибудь дойти вечером и отправить продовольствие по воде оставшимся в лодке людям. Но мы не достигли этого нашего намерения: когда мы отделились от нашей лодки и прошли четверть кеса, натолкнулись на первый из встретившихся нам на пути ручьев, который впадал сбоку и вода которого вышла из берегов до леса. Обходя его в истоке и перебредя его здесь по пояс в воде, мы потеряли половину нашего дня. Вечером, на заходе солнца, мы достигли второй реки, которая была длиной в несколько кесов, ее невозможно было обойти. Поэтому мы переночевали здесь под дождем, без какого-либо укрытия. Насилу разожженный из сырых дров костер только дымил, едва горя и не давая тепла. Продрожав всю ночь, мы с наступлением рассвета изготовили с большим трудом плот из четырех или пяти бревен, чтобы перевезти по меньшей мере за один раз двоих. Но так как дерево плота, сооруженного нами после обеда, было сырым, то поднял он только одного человека. По этой причине мы отправили нашего проводника одного, чтобы он, когда переправится через реку и придет в острог, послал бы нам человека с лодкой. Когда наш проводник вступил на плот, оттолкнулся от берега и достиг середины реки, плот вдруг развалился на две части, сам он пошел на дно, а услышанный крик «Спасите!» разорвал сердце каждого. Хотя я со своим казаком стоял только в 10 саженях оттуда, но у меня не было ни сил, ни средства оказать чем-либо ему помощь. К всеобщему счастью, он, так как умел плавать, выбрался опять на поверхность воды. Между тем сила течения вынесла его на мелкое место и поставила его на ноги: отдохнув здесь, стоя по шею в воде, направился он в сторону острога. Я остался со своим казаком на другом берегу реки и разжег из-за множества медведей во многих местах костры. На заходе солнца мы увидели, к нашей радости, двух подъезжающих на лодках людей. Когда мы были переправлены ими через реку, мы добрались в полночь, не имея на своей одежде ни одной сухой нитки и целых два дня ничего на брав в рот, до острога. Таким образом, в течение семи дней нашего данного пути мы шли постоянно в мокрой одежде. Несмотря на это никто из нас не заболел. Наше второе путешествие из острога было хуже этого.

Был сентябрь: ночи стали холодными, неглубокая вода начала замерзать; я опять отправился в путь по воде в одну удаленную на 10 кесов местность с моим казаком и тремя проводниками, в место

сбора тунгусов, где нужно было произвести расследование. Когда я возвращался в острог с этого места на перекладных оленях, на том месте, где мы ночевали, выпал первый снег. Когда проводники рано утром встали, они не нашли ни одного из десяти оленей, которые у нас были: приходом волка ночью они были рассеяны по разным местам. Все три проводника отправились искать оленей; я остался лишь с моим казаком. Прошло три дня, но ни один из проводников не вернулся: между тем беспрестанно шел снег, смешанный с дождем; сухие дрова для костра были вокруг нас израсходованы, наши запасы продовольствия, взятые с собой на 6-7 дней, подошли без остатка к концу, место, где мы находились, превратилось в воду; одним словом, наше местопребывание стало невыносимо тяжелым. На четвертый день наши проводники привели шесть оленей, найденных кое-как, остальные были бесследно потеряны. С большим трудом оттаяв, едва прибыли с оленями наши проводники, отогрев нашу тонкую палатку, превратившуюся в лед и снег в три пальца толщиной, мы в тот же день отправились в путь.

Месяц сентябрь, как я выше отмечал, чрезвычайно неподходящ для путешествия: заболоченная поверхность истока озера, берущего свое начало от сырой травянистой прогалины, покрытая тонким слоем снега толщиной в 1-2 пальца, сразу проваливается, как только наступает на него олень, который иногда проваливается так глубоко, что его становится не видно, всадник, едущий на нем, несмотря на все свои предосторожности, также проваливается в воду.

Только тронулись в путь от места, где мы пробывали три дня, я упал в воду, промок до самых костей и ехал с полудня до позднего вечера. За эти 6-7 часов я со всей своей одеждой превратился в лед, руки и ноги мои окоченели до полной потери чувствительности, я думал, что заболею смертельной болезнью. На мое счастье большой разожженный костер, горячий чай и теплое одеяло не дали мне заболеть. На второй день мы прибыли в острог. После того как я здесь около 10 дней производил сборы снаряжения, отправился я в свой далекий путь с двумя казаками, двумя проводниками и почти 30 оленями в конце того же сентября, когда вся вода замерзла и выпал зимний снег.

От острога Удского мы пошли на юго-восток в место Борукан, которое удалено от острога приблизительно на 50 кесов. От этого

места до моря 4 кеса, до устья реки Амур, которая впадает в море, три или четыре дня пути. От Борука-на до истока Бурей 50 кесов, от Бурей река Селемджа удалена примерно на 30 кесов, от Селемджи до Удского около 60 кесов.

В первый день нашего пути мы остановились в том месте, где задумали ночевать, проделав только 2 кеса. Спешившись и сняв прежде всего багаж с оленей, отпустили мы их всех до одного, привязав пугливым оленям поперек к шее жерди толщиной в человеческую руку и длиной в полсажени, чтобы, если на другое утро при ловле они не дадут себя поймать и будут убежать, привязанное деревце било бы по коленям оленя и не позволило ему далеко убежать. Затем один проводник взял длинное деревце, исследовал почву под снегом, протыкая его, и выбрал твердый грунт. Пока я с двумя своими казаками при помощи трех лопат, которые мы взяли с собой, отгребал на этом месте глубокий снег, один проводник нарубил маленькими кусочками дров для костра, второй вырезал около 30 жердей, очистил их от ветвей и сволок их к тому месту, где мы отгребали снег. Здесь они установили прежде всего три жерди, связав их вершины вместе, сами растопылив в стороны; затем вокруг этих связанных жердей поставили наклонно все остальные вырубленные жерди, обтянули их очень плотно большими сшитыми вместе ровдужными полотнами, так что оставили только наверху маленькое отверстие, чтобы мог выходить дым. Эту конусообразную урасу засыпали кругом снегом, только с одной стороны оставили небольшое отверстие, чтобы наклонившись, можно было выходить и входить в нее. Затем нарубили множество тонких ветвей и настелили их кругом внутри урасы высоко друг на друга, поверх них расстелили постели из туго связанных звериных шкур, развели из тонко наколотых дров костер посреди урасы и растопили снег, который набили в котел и чайник. Пока мы растаивали этот снег, варили чай и ужин, пили и ели, раздевались и легли спать, наступила уже полночь. До той поры от разведенного огня, от тления сырого мха в нем, всю внутренность урасы заполнил густой едкий дым, от которого бесконечно слезились глаза и ничего не было видно в урасе.

На завтра, проснувшись рано до рассвета, выкопав из-под снега уложенную туда для вытяжки влаги одежду, быстро оделись и попили чай. С наступлением рассвета проводники взяли свои арканы,

поймали и привели оленей. Способ, как ловят оленей, следующий: наматывают тонкий, крепкий, длиной свыше 20 саженой аркан на правую руку так, что ему придают размер небольшого блюдца, из которого русские обычно пьют чай, держат оба конца в левой руке и бросают, стоя на удалении более чем 10 саженой, намотанную так веревку на рога оленя со свистом, скоростью выпущенной стрелы, которая безошибочно попадает на рога оленя. Едва олень почувствует на рогах веревку, он стоит неподвижно, затем ему на голову надевают другую веревку и уздечку и тем же способом ловят остальных всех. Тунгус, как бы ни был привычен к ловле оленей в холодные, зимние дни, всегда отмораживает себе пальцы.

После ловли и привода оленей проводники надели на них выючные седла, затем разобрав урасу, все сумы, ровдужные полотнища, убрав всю посуду, бывшие в употреблении вчера вечером, навьючили их на оленей и с восходом солнца мы тронулись в путь. Только в трех местах сбора тунгусов, где мы останавливались по двое суток, видели около десяти их урас.

На всей протяженности эта местность, простиравшаяся на 200 кесов, состоит из дремучих лесов, каменных гор и рек, нигде не имеется дорог. Тунгусские проводники знают каждую реку, каждый ручей по названию и добираются до места, куда они идут, без затруднений и не заблудившись. В некоторых местах выпадает снег высотой в сажень: этот снег они разбивают, проводя на лыжах незавьюченных оленей. Через густой непроходимый, длиной в 3-4 версты низкий кустарник идут пешком, вырубая его пальмой. В таких трудных местах проходят за один день не более чем один кес.

В середине зимы мы прибыли к горному хребту Буряя. Эти горы чрезвычайно высоки: переночевав у их подножия, достигли мы, со снятой верхней одеждой, вершины лишь с убыванием вечерней зари. Здесь мы повстречали много трудностей: мы отгребали лопатами наметенный ветром снег высотой в сажень, покрытый толстой коркой; встречались отвесно стоящие скалы высотой в большую сажень. После того как один человек с предельным усилием поднимался наверх, вытягивал на веревке одного проводника; весь наш багаж снимался с животных, и два человека вытягивали его наверх на веревках поштучно. Вытянув затем с крайними усилиями всех наших оленей незавьюченными, поднимались мы сами наверх, подтягива-

ясь на веревке. Трудности этих дней никогда не забудутся. Недостаточная, скудная пища, одежда из звериных шкур, обильный пот, ветер, не дающий человеку смотреть прямо, мороз — все это постигло меня и встретилось мне. Моя внешность ничем не отличалась тогда от таковой многострадального тунгуса. Мой цвет лица из-за ветра и воздуха днем, из-за дыма и жара костра вечером был неотличим от лица гиляка. Признаком русского оставался единственно цвет моих волос на голове и еще форма моего носа.

Так как при восхождении на горы я сильно потел, то ел я, хотя и не хотел, за отсутствием воды снег; из-за этого я сильно простудился. Едва взобрался я вечером на место, где мы решили ночевать, как я очень заболел. Вся кровь поднялась мне в голову, мое лицо горело огнем, по ознобу я понял, что меня охватила простуда. Так как я не имел при себе никакого лекарства и был лишен какой-либо помощи, то мое положение зимой, на высоких горах среди свистящего холодного ветра стало пугающе трудным. Казалось, будто тень смерти замаячила передо мной; однако это меня не испугало. Точно так же не испугала и остающаяся на этой земле в нужде семья: я ее не имел. Я пожалел только о бесполезных своих и своих людей хлопотах, когда после достижения конца света близок стал час возвращения я не смогу рассказать своему ведомству о всем виденном и слышанном.

Я не буду рассказывать о том, как всю ночь напролет боролись между собой смерть и жизнь, как мои оба казака и мои оба проводника всю ночь, без сна, искренне меня жалели, сидели около меня и следили за тем, чтобы прежде всего не было сброшено одеяло и не проник бы холод; в этом случае моя смерть стала бы очевидной. Утром я заснул; когда я проснулся днем, я нашел себя таким вспотевшим, как если бы я вышел из воды; к вечеру осталась только головная боль. На другое утро я отправился в путь. О том, что я видел и слышал в тот день, который я провел здесь нездоровым, я расскажу в другое время, в свободный час.

По истечении семи месяцев, я завершил все свои дела и был в острог.

Местность, которую я объехал, изобилует трудными дорогами, дремучими лесами, непроходимыми горами и бесчисленными реками. Не менее чем этим, богата она также разнообразными зверями. Вот названия их: пантера, медведь, волк, росомаха, рысь, черная

лиса, красная лиса, соболь, белка, заяц, выдра, лось, дикий северный олень, изюбр, лань, дикий баран, кабарга, дикая свинья, белка-летяга, летучая мышь, все виды мышей, горностай; из птиц: стерх, лебедь, утка, гагара, гусь, журавль, тетерев, рябчик, белая куропатка, турпан и бекас.

Пробыв в остроге полмесяца и полностью собрав царские подати, я отправился в апреле месяце в свой Якутск.

Путешествовать в это время года весьма опасно: голодный медведь выходит из своей берлоги и набрасывается на первого попавшегося, кто встретится ему на пути. Если только позволят его силы и он одолеет, не освободишься от него ни за какой богатый выкуп. Мясо и кровь — только это в его сердце; по этой причине путешественник, не имеющий в запасе ни мяса, ни крови, едет с большим страхом и осторожностью, если он не имеет желания отдавать собственные.

Второй страх и вторая опасность приходят от свойств пути. В апреле лед трогается на всех реках: когда вода стекает с гор, не только большие реки, но и маленькие, переходимые человеком ручейки выходят из берегов и несутся, как кипящие, через густые леса. Если ехать верхом через такую речку, вода, доходящая до брюшины оленя, из-за силы течения переливается через седло животного. Когда я однажды таким путем ехал через реку, мой олень, соскользнув с большого круглого, лежащего под водой камня, упал на все четыре; сильно текущая вода тут же с брызгами перелилась через мои плечи. Если бы я не оперся палкой, которую держал в руке и не удержался бы в седле оленя, ясно, что я упал бы в воду; но едва я упал бы в воду, в тот же миг меня унесло бы течение. Тогда никакая человеческая сила, никакой человеческий разум и никакая человеческая скорость не была бы в состоянии удержать и спасти меня. В других местах оленей сталкивают в реку с черного крутого берега высотой с человека. Когда они стоят по грудь в воде, вспрыгивают сверху так ловко, что оказываются верхом в седле: таким способом переправляются через реку. Таким путем, раз десять на день переезжают через реки, на каждой реке в большом страхе. Вечером после такого дня не находят никакого места для ночевки: вода, которая стекла с гор, превратила всю местность в грязь, достигающую колен человека. Не думай в таком месте ставить урасу или палатку и разжечь костер:

не утруждая себя отыскиванием сухого места, срубают два толстых бревна и кладут их на землю; когда срезаны молодые лиственницы и разостланы поверх них, складывают весь багаж друг на друга. На этих же молодых разостланных лиственницах место и для сна. Разжечь костер в таком месте, сварить чай и пищу — большое искусство. Но несмотря на это нужда учит этому каждого.

Путешествуя таким образом, я добрался до места сбора на Учуре. Пробыв здесь 14 -15 дней и собрав все царские подати, прибыл я в середине лета в Якутск, после того, как в течение 17 месяцев боролся я с невиданными и неслыханными тяготами. Едва я провел здесь один месяц, как был послан в город Аннях, удаленный на 60 кесов. Едва я вернулся из этого места, как поехал в середине зимы в Вилюйск; отсюда я через Сунтар и Аннях снова вернулся в Якутск, сделав вкруговую 230 кесов. О городе Вилюйске я должен сказать мимоходом несколько слов.

Город Вилюйск лежит в 60 кесах от Якутска как раз на запад, на реке, носящей имя Вилюй. Местность между этими обоими городами - почти 40 кесов - представляет собой пустыню; по этой причине почтовые станции основаны на отрезке в 90 кесов в местностях, населенных людьми. Все окрестности города Вилюйска, область, в которой живет около 30000 человек, чрезвычайно богаты лесом, водой, поросшими травой местами, скотом, рыбой, лесными четвероногими зверями и птицами разных родов. Поэтому зажиточность народа не может сравниться ни с какой иной стороной: здесь еще неизвестны недостатки продовольствия и голод. Говоря без преувеличения, эта местность полна благословения божьего. Я знал об этом очень хорошо и раньше, когда я пять лет тому назад посетил с губернатором Вилюйскую область.

Кроме того, Вилюй примечателен еще четырьмя явлениями природы. Из берега реки Кемпендйя выступает зимой в неизмеримом количестве соль, образуя большие холмы. Цвет этой соли троякий: прозрачная чисто-белая, красно-желтая и голубая, как цвет неба. Содержание соли почти в два раза выше, чем в той соли, которую всегда употребляют в пищу. Эту соль едят только жители Вилюя, ее не привозят ни в Якутск, ни в другие места, ибо цену перевозки ее, я не знаю отчего, считают высокой. Эта немерянная прекрасная соль смешивается весной и летом с дождем и растаивает вся: следующей

зимой она образуется вновь.

Берега рек и речушек полны прозрачных ценных камней. За неимением якутских названий для этих камней я хочу назвать их на языке русских той местности: сердолик, моховик, голыш или точный хрусталь, опал, тяжеловес и различные другие камни, чьи названия неизвестны. Если бы в том месте был знаток, он собрал бы много ценных камней.

Множество деревьев, которые окаменели. Рассказывают, что целые деревья, которые упали со всеми корнями, превратились вместе с ветвями в камень и свисают на обрывистых берегах реки. Я их не видел своими глазами, мне продал только один человек отколотый березовый пенёк, который вместе со свилеватыми наростами находящимися на корнях, так окаменел, что им можно высечь огонь. В местности, которая носит имя Сунтар (100 кесов к юго-западу от Якутска), хлеб растёт чрезвычайно хорошо. Тамошние священники никогда не покупают муку для своих потребностей, якуты же из предубеждения не умножают богатство своей страны выращиванием этого хлеба.

Эти путешествия за путешествиями, тяготы за тяготами заметно ослабили мои силы, безмерные зимние морозы, летний солнечный зной навлекли на меня ранее незнакомые болезни. Когда я как раз намеревался просить по этой причине о своей отставке, прибыла из России комиссия, чтобы установить для якутов новую дань. Эта комиссия должна была по прибытии в Якутск предпринять круговую поездку, причем ей нельзя было пропустить ни одной местности, в которой обитали якутоязычные и тунгусоязычные. По этому своему предписанию должна была проехать и Удскую местность. Но прежде всего отдаленность этой местности, которая лежит совсем в стороне, отняла бы у господ комиссии очень много времени; во-вторых, трудности пути в эту местность привели бы к большим тяготам для них; в-третьих, дорожные расходы трех господ комиссии, которые со своими толмачами, писарями и казаками составили бы в общем свыше 10 человек, должны были бы обойтись царю во много тысяч рублей. По этой причине было решено отправить меня в Удское для устройства дела новой дани.

Я уже был хорошо знаком со всеми бесконечными трудностями пути. Так как время, что расстался с ними, исчислялось только

месяцами, то я еще не забыл - хотя я не думал, что это забудется до моей смерти, - что было связано с обстоятельствами моего прежнего путешествия: ни страха, который прошел в одну минуту, ни напряжения, которое было постоянно. К тому же моя болезненность, вызванная трудностями пути, не давала мне никакой гарантии, что мои силы, как и прежде, вынесли бы эти трудности. Обстоятельство, что мое намерение уехать из Якутска не исполнилось и что я опять должен надолго остаться в этом городе, наполнило мое сердце некоторым мрачным предчувствием. Несмотря на это было совершенно недопустимо, чтобы я не поехал, так как я знал необходимость этого важного дела, порученного мне. Вследствие этого и так как я взял на себя закон не уклоняться от приказа и не избегать судьбы, я поборол свой дух и тело и отправился в Удское во второй раз, в сопровождении одного единственного казака. Эта моя поездка длилась семь месяцев. За это время испытал я много трудностей: днем я страдал от прежних же, описанных выше тягот пути, большую часть ночи я беспрерывно проводил за письмом, которое относилось к доверенным мне делам. Я обязан был записывать образ жизни всех тех, которые носили название тунгусы и дичь, добытую ими за предшествующие 10 лет. Таким образом, вся дичь, которую убивают тунгусы, от горностая до медведя, от рябчика до белого аиста, должна была быть учтена. Характер добычи в течение этих 10 лет должен был служить основанием для наложения новой дани. После завершения этого и многих других дел я попросил сразу же по прибытии в Якутск о своей отставке и ушел со службы.

Казалось, предчувствие, которое долгое время сидело у меня на сердце, пожелало сбыться: я натолкнулся в Якутске на неожиданное препятствие. Девять лет прошло с того момента, когда судьба познакомила меня с неведомыми до тех пор мне страданиями. В течение этого времени я познал такое несчастье, какое испытывают лишь очень немногие смертные. Это несчастье было новым испытанием бога. Тем не менее высшее божество спасло меня еще раз: благодаря его помощи в течение целых девяти лет меня не покинули ни на один день сострадания людей, любовь людей, внимание людей. Поэтому я мужественно преодолел многолетнее несчастье. Но несмотря на это, прошедшие девять лет достойны сожаления: на мои годы и на внешний образ моей жизни они оказали влияние, которое невоз-

можно считать несостоявшимся. Но довольно! Я обхожу молчанием эти девять несчастливых для меня лет: еще до сих пор воспоминания о них разрывают мое сердце. Прошлое не возвращается! Был примерно конец августа, когда я выехал из Якутска. Мысль поехать в Россию, никогда не изменявшаяся, радовала теперь, в момент отъезда, мое сердце доселе незнакомой радостью. Три почтовые лошади тянули мою баржу вдоль подножий отвесных скал у реки и через 37 суток доставили ее в Иркутск. Отсюда я, не задерживаясь нигде дорогой, с величайшей быстротой, как будто бы боялся, что, если я увижу императора на один день позже, то исполнение моего желания отодвинется на целый год. В крытых, влекомых лошадьми санях, после 40-дневного пути прибыл в большой город, где жил император.

Вступив в день крещения Иисуса Христа в большой город Петербург и едва проведя здесь две или три ночи, пошел с одним знакомым господином в дом, где собираются все высокие чиновники (в здание дворянского собрания). Сюда в тот день должен был приехать император.

Дом таких размеров, каких я до сих пор еще не видел, сияние бесчисленных свечей, оглушающий уши звук музыкальных инструментов, так же как и драгоценные украшения собравшихся дам, не отвлекали моих мыслей, моих ушей и моих глаз: мои мысли и взор моих глаз стерегли только одну дверь. Позже эта дверь широко распахнулась: вошел император. Его сияющий вид и его несравненный образ привели мое сердце и мою кровь в такое волнение, какое я с самого своего рождения не чувствовал. Я признаюсь: если бы от множества людей не было бы так тесно, никто бы не остановил меня, чтобы я припал к его ногам.

Едва прошло мое первое волнение, как покатались у меня слезы радости; затем мой дух обратился к богу с этими мыслями: «Боже! Только твоя творящая сила была в состоянии создать такого русского императора!» Я того мнения, что такая мысль должна прийти каждому, кто видит этого императора в первый раз.

Первым движением, которое я сделал затем с того места, где я стоял, было пойти вслед за императором. Следуя за ним постоянно в течение нескольких часов, ни разу не отвел я от него своего взора. Мои глаза никого кроме него не видели в тот вечер. Эта ночь осветила все несчастливые дни моей жизни; я испытывал невыразимо

большое счастье. Затем увидел я одного за другим всех членов семьи императора.

Таким образом, я полностью достиг желаний, которые вынашивал почти 30 лет. Никакое препятствие, никакие несчастья не смогли помешать мыслям, которые я страстно лелеял. Теперь я не боюсь даже видимой близости смерти: на том свете я опять увижу свою мать, не стыдясь при этом; я полностью исполнил ее последние слова.

Попав в этот большой город, я вновь увидел множество морских офицеров, с которыми я познакомился раньше. Убеждения этих господ, которые полюбили меня в Якутске во время своих путешествий из России в Охотск, Камчатку и Америку, не изменились и здесь. Благодаря их посредству я познакомился здесь со многими морскими офицерами высокого ранга. Их искренние взгляды и дружеское поведение приблизили меня к ним так, что я словно бы и не мог отделить себя от них. То обстоятельство, что они, объехав с детства землю, хорошо познакомились со всеми трудностями, опасностями и лишениями путешествий, приблизили к ним мое сердце с некоторым неизъяснимым чувством. Среди них я забываю все прошлое и не думаю о будущем, которое еще должно наступить.

Уже восемь лет, как я живу в городе: их постоянно радостную встречу в течение этого времени, их угощение, так же как и их дружелюбие, я забуду только в собственной могиле.

Восемь лет — долгий срок, если его подсчитывать, но для меня он прошел чрезвычайно быстро. И я вовсе не в состоянии сказать, беспримерное ли совершенство города и его жителей сделало так, что эти восемь лет прошли для меня незаметно, от того, что мое сердце с детства познавшее беды и нужду, не отдохнуло от них до сих пор. Как бы там ни было, но я с искренним сердцем люблю этот город: я полагаю, что если бы пришлось так, что я вынуждаемый обстоятельствами должен был бы уехать в какой-либо город, то это опять причинило бы мне большое волнение и печаль. Бедное сердце! Тогда опять прекратится твое свободное биение, ты опять будешь стеснено, опять сожмешься. Почему ты так создано, что любишь широкие отношения? Почему ты волнуешься только при высших творениях? Только потому, чтобы мучить меня? Судьба! Ты тоже виновата: сотворив меня среди никогда не тающего льда, почему ты не

дала мне холодное неволнующееся сердце! Тогда я жил бы близко к окрестностям страны моего рождения по обычаю тамошних людей, довольствуясь малым.

Это — картина моей жизни под солнцем! В ее облике ты не найдешь ни одного большого дела, которое могло бы прославить человека, никаких вновь открытых стран и народов. Это не было мне предписано. Поэтому я заканчиваю то, что относится ко мне, и скажу несколько слов, согласно своему данному обещанию, о стране и народе якутов. Это следующее.

Характер якутской земли двоякого рода. Если я возьму за центральную точку город, носящий то же имя (Якутск), то стороны, лежащие от него к востоку и югу, покрыты высокими каменными горами, западная и северная имеют плоский вид. Все эти четыре стороны покрыты густым кряжистым лесом. Свойством поверхности является чернозем; вследствие этого сила, чтобы породить траву и деревья, не имеет подобия. В первые дни мая ростки зеленой травы едва заметны под снегом; в конце того же месяца ты увидишь листья и иглы всего, что только называется деревом, полностью развившимися, а траву полей полностью выросшей. Покошенная трава за месяц достигает на речных островах высоты сидящего на коне человека. Поверхность земли оттаивает под лучами солнца только на 3 - 4 пяди; то, что лежит ниже, замерзло на 50 маховых саженой. Дальше, чем на эту глубину, человеческие усилия еще не проникли.

Масса рек и речушек не имеет числа. Их длина и глубина их вод значительны. Большие реки были бы очень пригодны для судоходства, если бы на их берегах в городах жили люди. Таковых не имеется, а так воду этих рек приводят в движение только лодки, сделанные из семи досок, либо деревянные или берестяные челны, в которых сидят два или три человека. Имеется бесчисленное количество озер. Эти реки и озера содержат всякую, по отношению к их большим или меньшим размерам, рыбу. Рука, которая старательно трудится, постоянно находит себе здесь пропитание рыболовством. Здесь я должен, используя случай, вспомнить мимоходом об этом достойном внимания обстоятельстве. Между Якутском и Вилуйском имеется озеро длиной в семь кесов. Живущие вокруг него якуты мне рассказывали, вспоминая, что место, где это озеро образовалось, раньше было сухим; что однажды огнем лесного пожара или

молнией, которые случаются как раз в сухие дни, деревья леса все до единого с корнями, глубиной на три или четыре пяди и с дерном были сожжены; что через два или три года это выжженное место наполнилось снеговой и дождевой водой и что наконец, так как вода из года в год волновалась ветром, образовалась глубина в две или три сажени. Они только никак не могли осмыслить, откуда в этом месте появилась рыба; что она вроде бы пришла из другого озера, нельзя сказать: ни одна другая вода не соединена с этим озером. Я же это так понимаю: чайки и морские ласточки плавают в соседних озерах, поедают икру мечущих ее рыб, взлетают тут же после еды и садятся на другое озеро, здесь они ее опять извергают, прежде чем съеденная икра перешла в гниение, так как поели они ее сверх меры. Таким образом, икра вновь соприкасается с водой превращается в рыб. Этот рассказ был для них чем-то новым, и радовались ему чрезвычайно.

Сила мороза в Якутске очень значительна; я не думаю, что в Сибири где-либо может возникнуть такой мороз. По инструменту, которым русские измеряют холод, сила этих морозов достигает во время четырех зимних месяцев от 40 до 49. Несмотря на это, мороз этот не навлекает на человека никаких особенно больших болезней кроме кашля и насморка. Люди не воздерживаются от выхода из дома и от поездок. Размер летней жары в тех местах, куда ударяют солнечные лучи, не уступает размеру силы мороза. Эта жара отбирает у человека силы двигаться, она не позволяет ступать босыми ногами по песчаной почве. Она гораздо вреднее для человека, чем мороз: она вызывает кровавый понос. Эта болезнь вызывает у якутов, так как они питаются летом молоком, в отдельные годы очень большую смертность. Жаль! Русский врач до сих пор еще не знает никакого лекарства, которое могло бы исцелить от этой болезни.

Неизмеримая протяженность якутской земли не распространяет этот мороз и эту жару на все области. В местностях, которые удалены от Якутска даже на 20 кесов, жара и холод чрезвычайно различны. От Якутска до Амги 20 кесов, от Оекминска - 60 кесов: в этих местах всегда хорошо растет хлеб и только потому, что заморозок случается позднее; в Жиганске же земля не оттаивает и на две пяди, зимний снег выпадает уже в августе.

Количество людей, которые носят название якуты, составляет более чем 100 000; если считать и женщин, то вдвое больше. Они

все крещены на русский лад, только две или три сотни, возможно, не крещены. Предписание церкви они по силам соблюдают постоянно; ежегодно они исповедуются, но к причастию ходят немногие, так как они имеют обычай не поститься. Утром они ничего не начинают, пока не помолились богу, вечером не ложатся спать пока также не помолились богу. Если им случится счастье, то они восхваляют бога; если случится несчастье, то они считают это наказанием бога вследствие их грехов: не колеблясь, они мужественно ожидают более лучшей судьбы. Хотя они и имеют эти похвальные убеждения, но вовсе не отказываются от своего старого обычая верить шаманам и поклоняться их черту. При затяжной болезни и при эпидемиях скота они все еще заставляют колдовать шамана: по его приказанию они приносят в жертву скотину какой-либо особенной масти.

Якуты среднего роста, тем не менее они должны быть названы коренастым народом. Форма их лица плосковатая, нос средней величины, глаза карие или черные, волосы черные, прямые и густые; борода никогда не растет, цвет их тела нельзя назвать ни черным ни белым: их облик изменяется трижды или четырежды в год. Весной ты не сможешь назвать цвет лица якута вследствие обветренности, летом - солнечного зноя, зимой - мороза и пламени огня. Ты не определишь цвет лица, не узнаешь даже знакомого человека весной или на протяжении лета, когда он пребывает в похудевшем виде от недостатка питания, от многообразия работы или летом перед началом сенокоса или осенью, когда он поправляется от изобилия молока, сливок, кумыса и мяса.

Вследствие того, что они ни с кем не ведут войны, вследствие своего мирного образа жизни, они не могут быть названы храбрецами, тем не менее они благодаря своим ловким и быстрым движениям, своей приветливой речи и образу мыслей должны быть причислены к потомкам доброго рода на этой земле.

Тем более достойны они этой похвалы: все якуты очень мирные люди. Они тут же познают убеждения, характер и ум людей, с которыми вступают в разговор, без труда понимают смысл высокой речи, угадывают обстоятельства, о которых будет идти речь. Могут найтись немногие лукавые русские, которые смогут обмануть сельского якута.

Бесплатная пища имеется только у якута. Здесь обнаружи-

вается доброе сердце якута без тени. Войди в юрту якута: всем, что он имеет, он угостит тебя; проводи десять дней, проводи месяц: ты всегда будешь сыт, будет сыт и твой конь. Требовать за это что-нибудь в уплату он считает не только стыдом, но и грехом. Он говорит: «Пищу дает бог, чтобы все люди ели; я снабжен этим, он нет: я должен поделиться с ним тем, что дано богом». Заболей в юрте якута: вся семья по очереди будет возле тебя, по мере сил будет выполнять все твои потребности.

Своих стариков они очень почитают: они не отступают от их советов и считают несправедливостью и грехом обижать и сердить их. Если отец имеет несколько детей, то он женит их постепенно, дает им отдельное местожительство, строя им около себя юрту и делясь с ними по мере своей зажиточности скотом и имуществом. Эти выделившиеся сыновья никоим образом не выходят из воли своего отца. Если отец имеет только одного сына, то он его от себя не отделяет; он отделит его от себя только в том случае, если он после смерти матери этого сына возьмет другую жену и если от этой жены появятся новые дети.

Якут оценивает свое богатство по количеству скота; по этой причине умножение скота является его первой мыслью, его первым желанием. Если он счастливо достигает этих мечтаний, то копит он другое имущество и деньги.

Они очень падки на вино и табак: не давай им есть, но только дай им эти оба. Зайди, путешествуя с любым количеством водки, в юрту богатого якута, и ты уйдешь с пустой посудой. Здесь тебя избавит только одна хитрость: как только ты пришел к богатому якуту, то дай ему водки в особой посуде, содержащей $\frac{1}{8}$ ведра; он через эту водку окажется совсем пьяным вместе со всей своей семьей и с десятью посторонними друзьями и будет считать себя полностью угощенным. Но если ты его угостишь по одной чарочке, то прощай твоя водка! На другое утро ты увидишь только свою опустевшую посуду: поговорка, гласящая «он высосал дочиста», проявляется здесь без всякого изменения.

Мужественное перенесение якутом нужды не имеет сравнения: выполнять тяжелую работу и при этом не есть два-три дня для него ничего не стоит. Если он в течение трех месяцев живет, питаясь только водой и сосновой корой, то он думает, что это так и долж-

но быть. Если им потом предоставится хорошая пища, то некоторые русские посчитают их обжорами из-за того, что они много едят. Я считаю, что проголодав, как они, много дней и месяцев подряд, потом увидев вкусную еду, невозможно не есть с волчьим аппетитом. Мечь — чувство, которое знает каждый народ. Того же типа и якут; но тем не менее якут легче, чем кто-либо другой, забывает о мести, если только обидчик признает свою неправоту и посчитает себя виновным.

Якут имеет пороки. Но я не отношу эти пороки за счет характера, свойственного ему от рождения. Якут ест украденный скот. Этому действию предается только бедный человек: он берет у украденной скотины только на два или три раза поесть, остальное оставляет лежать. Из этого явствует единственно его желание утолить голод, в то время как этот голод, который ему никогда не показывает что-нибудь вкусного, преследует его постоянно, месяцами и годами. Якутские князцы наказывают вора тем, что розгами избивают его на собрании. Человек, наказанный розгами, до самой своей смерти слывет порочным человеком: его не берут в свидетели; на сходе, где народ совещається, его слово не имеет веса; его не избирают ни в князцы, ни в старшины. Этот обычай якутов также показывает, что воровство у них не было ремеслом. Вор не только наказывался, но и до своей смерти не назывался честным человеком.

Якут — любитель судебных тяжб. Сородич или чужой берет у него в долг - допустим, корову - и не возвращает, относя это каким-либо образом на старый счет. Тот, который пришел за своим, жалуется сперва князцу и голове, а затем он не пропустит ни одной русской судебной инстанции и ни одного чиновника, пока полностью не израсходует 20 голов скота и всего своего иного имущества на написание жалоб. Хотя это они делают не всегда по собственному почину: дурно настроенные люди подбивают якута на этот разорительный процесс, так как имеют удовольствие от судебного процесса и от дачи свидетельских показаний или горазды получить плату за свою писанину.

Если якут имеет только желание стать каким-либо мастером, то ничто не минует его рук: в одно и то же время он является серебряных дел мастером, медником, золотых дел мастером и плотником. Он починит и ружье, и вырежет из кости; если он только захочет, то после рассматривания какой-либо красивой ценной вещи изготовит,

если только немного потренируется, точно такую же. Очень жаль, что в Якутске люди лишены более высокого искусства: он научился бы чему-нибудь от них и изготовил бы необычные, восхитительные вещи.

Якут — меткий стрелок из ружья. Никакой мороз и никакой дождь не остановит его преследование птицы или четвероногого зверя; якута не удержит ни голод, который его мучает, ни усталость, от которой он страдает, от такого желания. Он будет гнаться за лисой, за зайцем два-три дня, не обращая внимания ни на усталость, ни на падеж своего коня.

У якута много ловкости в торговле и большое желание для этого. Какого-либо невозможного соболя или лису, подправив их форму и цвет, он продаст их за высокую цену.

Как якут делает приклад ружья и прорезывает гребень для волос это превышает вершину искусства. Должно заметить, что сосуды изготовленные из бычьей кожи, не знают гнили, хотя бы и простояли десять лет, наполненные мокрой пищей. Торбазы, которые они шьют из кожи со спины коня, называемые саары, не только не пропускают воду, но и не позволяют несколько намочить твоей ноге если даже ты должен был бы ходить четыре или пять дней подряд по воде. Нож, который они изготавливают из железа, можно гнуть до черенка. Им они выдалбливают из дерева ложки и чашки. Хотя такой нож и мягок, но режет незакаленное железо как олово ничуть не затупляя лезвия и не изгибаясь.

В одежде, которую он носит нельзя назвать якута опрятным, тем не менее они берегут от загрязнения свою верхнюю одежду. Носильное белье, которое они надевают прямо на тело, и свои рубашки будут они с того дня, как наденут таковые на себя, и до того дня, как они в конце соскользнут заношенные с плеч, стирать два или три раза, а может быть, и того нет.

Исцелять болезни лошадей и крупного рогатого скота якуты не горазды. Не хорошо излечивают брюшные болезни, чесотку, прыщи, глазные болезни. Искусство якутов излечивать переломы кости на любом месте, непревзойденно, притом не оставляя никаких заметных следов после этого.

Среди якутских женщин много красивых. Они чище, чем мужчины. Наряды и украшения они любят по обычаю всех жен-

щин. Судьба не лишила их качества прельщать мужчину. Хотя они это свое свойство и пытаются скрыть, но вошедший к ним мужчина это заметит. Свое чувство симпатии к другому, нежели муж, мужчине они хорошо утаивают: они считают честью сохранить добрую репутацию и надежное имя. Поэтому их не следует причислять к поколению плохих, безнравственных и легкомысленных женщин. Мужа, мать и старых родственников мужа они чтут словно богов: они не до-пускают увидеть себя с непокрытой головой и с босыми ногами: они не ходят по правой стороне у каминного огня и не называют родственников мужа по их якутскому прозвищу. Женщина, чье поведение отличается от только что описанного, кажется каким-то диким зверем; ее муж считается очень несчастным.

Женщина солидного характера и острого ума является, одним словом, главой своего мужа. Муж передает ей всю власть над своим скотом, имуществом и слугами. Она управляет всем домом, ее муж занимается работой вне дома, заготовкой сена, дров и лошадьми или же ходит на охоту, ведет торговлю. Таким образом, умная женщина с помощью двадцати или тридцати голов скота делает из своего дома полную чашу. Голод, нужду и нехватки они никогда не имеют у себя дома, кроме как в несчастливый год, когда скот падает вследствие эпидемии или из-за недостатка корма. Такова большая половина якутских женщин.

Якут имеет две юрты: в одной из них живет зимой, в другой летом. В зимней юрте он живет с сентября по апрель, прочие месяцы он живет в летней юрте. Некоторые богатые якуты имеют, кроме того, еще две юрты: они живут в них осенью и весной. Но таких немного.

Зимнюю юрту якут строит посреди того места, где у него покос; здесь у него зимой нет хлопот с возкой сена. Весной, когда покосная трава начинает расти, он не дает ее вытаптывать скоту, а переселяется в летнюю юрту, которая от зимней удалена на три-четыре версты, а иногда и на один-два кеса. Летнюю юрту он строит там, где разыщет свободное, сухое, ровное место. Здесь рядом со своей юртой он ставит, если это возможно, конусообразную урасу из бересты; в этой урасе из бересты живет сам хозяин со своей семьей, в юрте же живут батраки.

Форма юрт неизменно одна и та же. В четырех углах устанавли-

ливают четыре толстых столба, на эти столбы кладут четыре толстые поперечные балки-матицы, вокруг этих поперечных балок кладут к ним немного наклонно гладко подрезанные расколотые бревна. Название этих стен — холлогос. Наверху опять стелют доски, сделав обе стороны покато, чтобы стекала дождевая вода. Затем поверх засыпают толстым слоем золы и земли. Стены зимней юрты обмазывают коровьим навозом слоем в полную пядь, летнюю юрту обмазывают тонким слоем белой глины. В середине они устанавливают якутский камелек, снабдив его шестком и толсто обмазав глиной вертикально стоящие жерди. В четыре или пять окон они вставляют зимой лед, летом слюду, оконное стекло или бумагу. Размер юрты от одной стены до другой обычно бывает от четырех до восьми маховых саженей. Чистота работы и размер юрты зависят от умения и мастерства строителя. Среднего достатка или бедный якут строит зимний хлев вплотную к стене юрты; здесь содержит крупный рогатый скот. Возле юрты во дворе у них масса кладовых, погребов, изгородей, в которых стоит скот. Все это они строят красиво, прочно и крепко. Следует быть замечено, что вход в юрту всегда обращен на восток, по той причине, чтобы хозяевам было удобно, когда они встают рано утром и выходят наружу, увидеть солнце и поклониться ему. Этот их обычай дает понять, что они до времени, когда были крещены, были поклонниками солнца.

Посуда их: котлы из железа и меди, горшки и чашки из глины; чашки, большие и малые кубки для кумыса и ложки из дерева, ложки из рога, посуда различных размеров (с различными названиями) из бересты, мехи из бычьей шкуры, сосуды из бычьей кожи особой выработки и сосуды из дерева. Теперь якут имеет также множество и русской посуды: самовар, чайную посуду и некоторые предметы, относящиеся к столовой посуде, такие, как серебряные ложки и вилки.

Их питанием является конина, говядина, птица, рыба, кумыс из кобыльего молока и, наконец, коровье молоко. Из коровьего молока они приготавливают сливки, сметану, русское (топленое) и якутское масло, пенки, керчях, суорат, простоквашу-тар, напиток из кислого молока (ымдаан) и кумыс. Летом они предпочитают кумыс всему прочему. В конце зимы остается из этих продуктов только тар — кислое молоко и молоко, которое они надаивают от коров; к этим двум они примешивают муку из сосновой коры и из особого корня,

редко настоящую муку и считают себя насыщенными. Если это у них подойдет к концу, то вода и натертая сосновая кора приводит их к голоду.

Сейчас якуты не могут обойтись без чая: они продадут все излишние вещи и купят чай и сахар; из-за этого они попадают в беду. Название верхней одежды — сон (шуба). Ее покрой совпадает с покроем черкесской шубы, только короче, так что она едва переходит за колени; она имеет талию и застегивается спереди на четыре пуговицы. Эти шубы, смотря по богатству якута, шьются из коровьих, конских, жеребьих или телячьих шкур, ровдуг из оленьих или лосиных шкур, из дорогого или солдатского сукна. Подол шубы оторачивают хлопчатобумажной материей шириной более чем в палец или красным сукном.

Покрой женской шубы не отличается от такового мужской шубы, только она немного длиннее. Нарядная одежда женщины такова: шуба из красного кармазинового сукна, снабженная вокруг опушкой из бобра шириной в ладонь, отделанная наряду с этим обшивкой из затканной золотыми нитями парчи; между ней и бобровой опушкой идет в том же направлении почти в два пальца шириной отделка из листового серебра. Свои шубы опоясывают они кушаком из шелка, поверх него они опоясываются серебряным поясом шириной в три пальца. Изнутри шуба подбита белкой. На шее и на груди они носят серебряные кольца, на их руках серебряные браслеты, на пальцах восемь-девять серебряных колец. С задней стороны грудных колец через оба плеча до поясов поверх них ниспадают серебряные украшения, называемые илин кэбиһэр, шириной в четыре пальца; с ее затылка до конца спины свисает украшение, называемое кэлин кэбиһэр, шириной в ладонь; в каждом ухе они носят по три-четыре большие серебряные серьги. Их шапка шита золотом, спереди имеет опушку из шкуры росомахи, с затылка - широкую опушку из бобровой шкуры, внутренняя подкладка - из беличьих шкур и украшена спереди большой серебряной круглой бляхой. Поверх этого сона они зимой носят доху из горностаевых, тарбаганьих шкур или белого пыжика; их рубашка сшита из красной китайской шелковой материи. Лука сзади и спереди у седла их коня сплошь покрыта серебром. Чепраки, свисающие по обе стороны седла, попоны, удила и недоуздки отделаны толстыми серебряными украшениями. Стоимость одежды

и украшений наряженной таким образом женщины превышает три тысячи рублей.

Намеревающийся жениться якут выбирает себе девушку в другом наслеге. Он совсем не имеет права брать жену из своего наслега; исключение в том случае, если отец девушки является якутом, прибывшим из другого наслега. Как только он выберет девушку, отправляет свата. Этому свату назначает отец девушки ее калым (покупную цену), каковая в зависимости от его богатства может составлять от 5 до более 70 голов скота, как в живом, так и в заколотом виде.

Затем отец девушки называет все приданое девушки в одежде, украшениях и скоте. Сват сообщает, когда возвращается, тому, кто его отправил, все слова отца девушки, не пропуская ничего. Жених, если он согласен с суммой покупной цены, положенной за девушку, собирает своих близких избранных родственников, запасается подарком в виде водки и идет в дом девушки, взяв с собой треть или четверть установленной покупной цены. Здесь с того же вечера, когда он прибыл, он вступает в права мужа. Так, он приходит и находится, пока полностью не выплатит цену и не уведет девушку в свой дом.

Визиты, которые жених наносит невесте, тянутся иногда один, два, даже три года. Если между тем у девушки выявится плохой характер или жених не любит от сердца, то он прекращает свои посещения, и девушка потом имеет право выйти замуж за другого мужчину. Жених не несет за отказ от отношений никакой ответственности, терпит этот убыток: из того, что он из калыма и в счет подарка во время своих посещений отдал отцу девушки, он ничего не должен требовать назад; все это остается девушке как возмещение за ее стыд. Брошенная таким путем девушка теряет свое прежнее доброе имя. Когда ее отдают в жены второму мужчине, ее калым уменьшается наполовину. Ее отец, хотя и потерпел разрыв своих добрых отношений с ушедшим зятем, не мстит ему за это: он считает это предопределением высшей судьбы.

Два месяца, с апреля, когда они переезжают в летние юрты, и до сенокоса, составляют их свободное время. Едва силы их отощавших за зиму лошадей в зависимости от того, как пышнее становится трава, возрастают, ловит якут жеребят; в это время заготавливается

кумыс. Угощать молоком и сметаной ходят один к другому в гости. Их старцы сидят, подогнув ноги, или лежат на боку, оперевшись на локоть, на улице перед своими домами, посреди зеленой травы с разнообразными цветами, обмениваются друг с другом различными речами, обмениваются остротами и вспоминают свои лучшие прошедшие дни. Потом они собираются на игры мальчиков и поднимают громкий хохот над тем, что сил их белых голов и ветхих костей не хватает; затем идут они к девочкам, мешают им, прерывая их игры и танцы и вновь поднимают сопровождаемый смехом шум. Как только трава станет достаточно пышной и как только начнут доить кобылиц по девять раз в день, богатый якут примерно десять дней собирает кумыс. За два или три дня он объявляет день, в который он задумал устроить ысыах. Тем временем он заставляет хорошо убрать окрестности дома и коновязи, к которым привязываются лошади, украсить молодыми, покрытыми листьями березками. Как только соберутся в установленный день люди издалека и из близости со своими семьями, конные на лошадях, пешеходы пешком, в своей нарядной одежде, произносит избранный для этого благословитель, который держит наполненный кумысом чорон средней величины и стоит на одном колене перед огнем в юрте, молитву о высшем божестве, всеводителе и вседержателе, который наделяет все сущее счастьем и благом; он произносит молитву о создателе полезного скота, питаясь которым дышат и живут все человеческие существа, о хозяине всей земли, который умножает скот и молоко, заставляя расти траву и деревья; о хозяине дома, чтобы его богатство не уменьшалось, а прибавлялось из года в год и насыщало народ. Произнося эти или другие благословения, он льет в огонь по малому количеству кумыса. После этого он оборачивается назад в сторону запада и обращается к злему духу, чтобы он не замышлял недоброе, не приводил к тому, чтобы скот падал или терялся. Едва благословитель заканчивает слово, он восклицает: «Уруй! Уруй! Уруй!» Все собравшиеся в доме люди в один голос повторяют то же самое. Как только завершается церемония, хозяин дома сажает всех своих гостей в кружок на лугу, женщин отдельно; назначенные для этого люди наливают в чорон большого размера кумыс и подносят его почетным гостям. Каждый, кто выпил, передает кубок сидящему рядом с ним человеку. Таким образом две или три сотни человек приканчивают весь кумыс, собранный в ше-

сти или семи больших кожаных сосудах-сумах, в течение двух-трех часов.

Едва завершат питье кумыса, сажают 13-14-летних тренированных мальчиков на беговых лошадях без седла и посылают их шагом на расстояние в пол- или целый кес. На означенном месте поворачивают мальчики коней, понукают их и мчатся во весь опор, и так прибывают к собравшейся толпе. Едва народ услышит голоса мальчиков, кричащих «хый! хый!», все взоры устремляются на состязание бегущих лошадей. Невозможно описать радость владельца бегущего первым коня, хвалу и удивление толпы по этому поводу. Затем выбирают известных борцов и заставляют их бороться. Способ борьбы этих людей, которые совершенно голые, единственно только в коротких штанах, ничуть не отличается, верь этому или нет, от боя двух русских петухов. Если при этой борьбе и мерянии силами один упадет, поскользнувшись или повиснув на чем, на все четыре или упадет так, что он одним пальцем руки коснется земли, то он считается побежденным и повергнутым. Два его родственника подбегают с его одеждой, набрасывают ее на него и уводят его в середину своего круга. Причину его падения они надолго приписывают случайности или слабости суставов вследствие перенесенной болезни. Радости же и восхвалениям родственников и близких вышедшего победителем борца, напротив, нет конца.

Как только заканчивается борьба, вновь раздеваются и начинают состязания по бегу. Затем начинаются прыжки на одной ноге по меткам, разостланным через каждые два или четыре шага. Других игр, чем эти, не имеется.

Танец их женщин остается из века в век одинаковым. Хоть было бы и сто женщин - к ним присоединяется немного мужчин, - они становятся все в один круг, очень медленно кружатся, взяв друг друга под руку и напевая в течение нескольких часов «Эгэйбинэ оџолор».

Собравшиеся посредине открытого зеленого луга люди, их праздничная одежда, их радостные лица и их свободные движения представляют нечто красивое и своеобразное, особенно тому, кто этого раньше не видел. Такими, обычно, не бывают их свадьбы: якуты, которые туда пришли в гости, сожалеют по большей части о своем приходе, хотя они и очень желали зрелищ и сборищ. Якутская

свадьба всегда происходит зимой, в то время, когда подарок в виде мяса не портится. Якут, празднующий свадьбу, приводит свою жену с ее родственниками; в этот день собирается в его доме весь народ его наслега. Теперешний человек может представить степень тесноты и духоты, образуемых сотней человек, собравшихся в небольшой юрте. Являющаяся дороже всего, ни с чем не сравнимая чарка водки не достигнет по назначению человека, который только сел чуть подальше: она выпивается по дороге. Кусочек мяса, брошенный сидящему в углу Ивану, достанется жадному батраку Ваське или, существующему хождением из юрты в юрту, проворному ловцу Кирилке, который поймает его на лету по дороге. Из-за чада в юрте, от шума разговора людей, никто этого не увидит и не услышит. Здесь все купаются в своем поту, так сожмут и затолкают их, что у них вспухают бока: одним словом, якут, пришедший в гости поесть и повеселиться, еле-еле найдет свою шапку и рукавицы, и возвратится к себе домой голодный, намятый и взмокший.

Размер моего письма не позволяет мне больше писать здесь о всех особенностях якутов. По этой причине я не говорю ни одного слова о тунгусах, которые живут по всей Якутской области, также я не говорю о народе чукчей, чуванов и коряков-это увело бы меня слишком далеко. Поэтому я завершаю это мое письмо и прошу, чтобы если оно когда-нибудь попадет в руки человека, читающего по-якутски, он не осуждал какое-либо неверно произнесенное слово, так как это первое со дня возникновения Земли письмо, написанное по-якутски. Поэтому сейчас, при первом начинании очень трудно и даже невозможно написать хорошо; второе и третье письма удадутся лучше. Таков закон.

А.Я. Уваровский «Воспоминания» -
пер. с немецкого В.И. Рассадина;
Редактор перевода Е.И. Коркина
Якутск, Бичик – 2003. С. 74 - 123.

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ ЯКУТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АЛЕКСЕЙ ЕЛИСЕЕВИЧ КУЛАКОВСКИЙ -
ЕКСЕКЮЛЯХ ЕЛЕКСЕЙ
(1877 - 1926)

Сновидение шамана

Восьмилучевое из мглы
Величаво, ярое добела,
Вечное солнце, искрясь,
Восходило - и в этот миг

В облачении белом сел
В юрте в священном углу
Важный - мой дядя - великий шаман,
Старец, служитель добрых божеств,
Белый шаман начал камлать -
Бубен огромный округлый взял,
Бубен, как озеро,- продолговат,
В нем крестовины гремучей жесть;
В бубен трижды ударил он,
Буйно понесся гул и гром,
Стал он протяжно петь,
Пением стал прорицать, предрекать,
Бурно голос взмывал, трепетал,
Бубен яростно грохотал, рокотал...

-Бой-бой-бой!
Дом-дом-дом!
Дом-ини-дом!

Внимайте -
Вот что стряслось
Прошедшей ночью со мной,
Покрытой глухой потаенной тьмой,
Полной смутных загадок, тревог.

Помню, в глубины вещего сна
Пав, утопая, моя
Потрясенная тайною тайн
Пророчески взволновалась душа.

Но я провидец-шаман,
Навострив волхвование свое,
Устремил колдовскую мощь,
Мне дающие смелый дар
Превращаться в птиц и зверей,
Властью дивного волшебства
Вмиг обернулся среди земли
Горбоносым
Грозным Эрили,*
Гигантским орлом обернулся я,—

Заклацал мой
Звонко-железный клюв,
Зев гулко-каменный
Заклекотал,
Зрчками меж перепончатых век
Завращал,

Крапчатой грудью, литой,
Как металл,
Простор пространства
Я раздвигал,
Медно-гудящими крыльями
Бури я поднимал,
Хвостом, - наподобие остроги, -
Облака разрезал,
Стальными когтями лап
Искры из них выскребал,-

И с кликом взметнулся ввысь,
В великую неба ширь,
Многоликий потрясши мир,

И вечных небес достиг,
На млечной вершине сел,
В озаренный купол ее
Вонзив остроту когтей!

В вихрях ревущих Млечный Путь,
Вверху в седловине гребня я,
Вгнездившись, мир оглядел,

Вселенную всю и весь круг земной,
Взлелеявший род людской...

В середине светилась моя страна,
Внизу серебрилась она,
Словно пластинка с шапки старинной,
С шапки, чей белый султан
Из перьев белого журавля.

Всеобъемлющим зреньем я
Всю мать-землю - из края в край
Объял от морей огромных до
Отдаленных ее уголков.

О дети мои,
В вышине, недоступной вам,
Все вызнал и понял я,-

Предсказания Одун-хана
Наказаньем грозят роковым,
Повеления Чынгис-хана
Подступают - повергнуть нас.

Шнур, на коем шаманский знак,
Порвется вот-вот,
Солнце с нашего неба
Сорвется - и ужас взойдет!

На восьмисторонней - вокруг,
На восьмипредельной - везде,
На священной родительнице-Земле,
Наряженной в зелень и цветъ,
Наполненной злом и добром.

Столько пагубы и грехов,-
Что и сказочный божий конь
Ни за что их не увезет;

Столько провинностей нас гнетет
Что и божий всесильный бык
Не потянет их тяжкий груз.

«Почему,- вы спросите,- дядя наш
Проклятья горестного слова
Прокаркал вдруг,

Невдомек нам, зачем старик
Неотвратимость напастей, бед
Накликает пеньем своим?» -

Видно, выговориться пора,
Все повысказать пробил час,
Вдумайтесь в мой ответ!

Вслушайтесь, люди, в мои слова,
В смысл их вникайте, дети мои,
Внимайте, родные...Когда -

Волосом белый, что рысья шерсть,
Владыка верхних небес,
Владелец лазурных высот,
Всевышний Юрюнг Аар-Тойон
Увековечный ласковый бог,
Всемогуший Айыы-Тойон

Вечное солнце творил,
Вселенную созидал:

Разновидную жизнь,
Разномастную красоту,
Разнообразие уродств,

Насекомых и всякую тварь,
На лапках зверей, на крыльях птиц,
Невиданный мир живой

Неисчислимых существ,
Неразгаданного еще,
Непостижимого благодать

Сотворил - и не перечесть,
Создал - не оглядеть,
Свершил - не познать всего...

И вот - посмотрите! - он,
Изверг,
С лицом, глядящим вперед,
Сам двуногий, алчно-скупой,
Стремительно-верткий весь,-

Сгибающиеся колени и
Свободно клонящаяся голова,
Серый уранхай - сорвиголова,

Лихо, как мор в гололед весной,
Ликуя, губит живое все,

Неизлечимой болезнью он
Настигает, чтоб истребить,

Чтобы попать и пожрать, идет
Человек, как черная смерть...

А сам он,
Разумное существо,
Раздираемый думами зла,
Ревниво, как сатана - нечистый сах,
Раздоры стал затевать, хитрить,
Родом своим планету обсел,

Вселенную всполошил,
Весь срединный опутал мир,
Всюду греховно он проникал,
Везде хозяйничать захотел.

По дну морскому, в волнах,
Подобно рыбе, впрямь котик морской,
Плавает в лодке стальной,

Как смело вверх,
Как демон, обитающий в облаках,
На летучих своих кораблях
Носится в небесах.

В сияющей синеве,
В блистающей высоте,
Невидимым чертом, грозно гудя,
На трепещущих на крылах,
Пересекая весело небеса,
Потешается человек.
Молнию он поймал,
Мощь ее заключил
В железо заговоренное и
«Электричеством» это назвал,
Это чудо известно всем.

Вспышки молнии он
Волшебным камнем - сата
Собрал, как того хотел,

Силу ее навсегда
Полонил, приручил - и решил
Применить для других чудес,

Желая от смерти уйти,
Жизнь свою длить и длить,
Воду бессмертия стал искать.

Смерти чтоб не поддаться, он
Соки живительные земли,
Сколько можно, по капле хоть,
Силится для себя извлечь.

Он, смертный, гордиться горазд,
О себе чересчур возомнил,
О возмездии позабыл...

Обстали его - пороки, грехи,
Отвратился от духов добра,
Он стал враждебен богам.

И тогда
Из-за этих пагубных дел,
Из-за этой дерзости бог

Обиделся на человеческий род,
Оскорбился добрый Создатель наш,
Ожесточился Всевышний-отец.

В гневе подумал бог:
«Всевозможных животных, любую тварь
Выхаживал я, а ты,
Человек, наделенный умом,
Чревоугодник, бахвал
Ненасытный, их истреблял,
Не давал размножаться им.
«По уму,- размышляешь ты,-

Под солнцем, чей пыл бел,
Мне равного не найти».
Многоразличье наук постиг,
От спеси раздулся ты,
Объят гордыней, хвастун.

Неистощима жадность твоя,
Необорима зависть твоя,
Под общим солнцем ведь ты
Присвоил все блага земли,
Блаженно ликуешь, что так
Безудержно плодovit;
Безумец, тобой забыт
Всевышних и
Вездесущих закон...

Раз так
Размножиться ты спешишь,
Безрассудно, безмерно,- что ж,
Без препятствий - из века в век -
Бесконечно плодись,
Без числа подобных себе
Потомков пускай по земле -
Посмотрим, к чему потом
Похоть тебя приведет...»

Предназначив такое, бог
Предсказал роковой исход,
Бросил роду людскому кенчѐ.

От страстей погибель придет,
Оскудеет от похоти род,
Отпрысков вожденье сгрызет...

Не оттого ль
Народы наречий всех
Полуденных государств

Переполнили владенья свои,
Перенаселили Европы простор
Прекрасной части Земли,-

Одолела корысть их сердца,
Оскудело обилье удельных богатств,
Опустошили счастье срединной земли,
Чересчур расплодились они,
Что их, ищущих крова, еды,
Ныне мать-планета-Сибирь*
Нивою благодатных щедрот
Не насыщает уже никак,
Недра ее, искрящиеся добром,
Не убажают их...
Дом-дом-дом!
Дом-ини-дом!

И разум, кажется, есть у людей,
А разобратся неумоготу,
Где семя невзгод роковых
Гнездится, им невдомек;

Кажется, мыслящие они,
Как же не могут постичь
Алчущие, что корень всех бед -
Азарт размножения, дикий прирост...

Кажется, мудростью наделены,
Как же впали в глупость тогда,
Наобум - горе мыкать, страдать,-
Несметных потомков пускают на свет.

В старые отошедшие времена,
В вечность канувшие года,
В невозвратные дни

Свирепо народы, те, что сильней,

Слабых соседей своих
Стирали с лица земли,

Радовались победам своим,
Рабов вели,
Разлучали с отчизной навек.
Равнодушно их изгоняли, гнали на смерть,
Разрушая жилища их,
Восславляли успехи свои,
Вырубали чужую жизнь,

Оставив мертвыми - без огня -
Очаги, и угоняли людей
От изобильной судьбы в полон;

Они - победители - как всегда,
Осклабясь зло,
От поселений веселых на
Озаренной солнцем земле
Оставляли одну золу.

Только лишь тех,-
Тех, малочисленных, живших вдали,
Там, в неприступных краях,
Осененных тайгой,
Около льдов и студеной рек -
Оставили, как волов для ярма,

Пощадили малые племена,
Потому что далече становья их,
Пожалели, чтобы на них надеть
Позже, как на лошадей,- хомуты,
Очень доверчивых, добрых, простых
Обитателей длинных зим
Коварно приветили, чтоб затем
Круглый год обирать,
Как яловых коров - доить.

Но хищников это еще
Не устраивало никак,
Нет у них жизни без грабежа,
Неумна жадность великих стран,

Оттого и пошло -
Самые сильные из государств
Стали исподволь замышлять
Схватиться друг с другом в боях,

На великих великие - вдруг,
На лучших лучшие - враз,
Народы, копившие мощь,

Вздумали броситься вооружась,
Ворваться на земли врага,
Врасплох друг на друга напасть,
Внезапностью сокрушить...

Вот почему,
Все это почуяв, сын
Беспощадной резни,
Безумных битв
Бешеный бог,

Зловещий Уот Солуонный*
Заликовал, затрепетал,
Закружил над людьми,
Закликая беду.

Разузнав о таком,
Раздоров злорадный дух,
Распрей кровавых исток,
Сумасшедшего Илбиса дочь,
Свирепая Куо-Кустуктай,

Опьяненная радостью зла,
Облетает земную твердь,
На семи языках
Напевает тревожную песнь,

На восьми языках
Неистово, склочно орет,
На девяти языках
Народам воинственный гимн

Нагло поет...

Дом-дом-дом!
Дом-дили-дом!..

Ну, молоде!
Ну, бабье!

Сидя вверху, я слух напруг,
Силой зренья окидывал мир.

В неизвестность будущих лет
Вдохновенно я проникал,
Видел смысл бытия:

На востоке изгиб
Необыкновенной земли,
Над морем нагретым край
Наподобие ободка, Абрис
Американского материка,
А на ней молодцы
Мужественные живут,
Мускулистые дельцы,
Множество хитроумных там,-
Они, эти хваты, вдруг
Отчего-то со всех сторон
Оглядывать стали нас,

Отчего-то якуты, мы,
Озаботили думы их,
О, их мысли над нами летят...

Но потом свой взгляд
На вздохи гигантских волн,
На море Охотское перевел,
На южный его оком,
Пристально посмотрел,
Привиделись острова,
Очень стесненные средь воды,
Обитателей их хлопотлива жизнь,
Особого лада быт;
Коренасты, рост невелик,
Крепки, ловки, усердны в труде
Японцы...

Но почему дельцы,
Самурайская знать
Явно заглядываются на материк?..
Когда перекинул взор на юг,-
Куда осенней порой
Каждый год белоснежный клин
Курлыкающих прощально птиц,
Клин грациозных стерхов, клин
Кротких белых родных журавлей,
Колеблющихся в синеве,
Красавцев, улетающих от зимы
К теплым пределам, - я
Кропотливо все разглядел,
Какие в той стороне
Коротают люди свой век,
Китайка-ткань облекает их,
Коротко стриженные они,
Как щели - узки глаза,
Крошечны ножки у женщин всех,
Колодками уродованные для красоты;

Кажутся бессчетными в суете,
Кучей муравьиной кипят
Китайцы, да и нет-нет,
Истомленные тяжким трудом,
Испитые от непосильной нужды,
К нашей северной стороне,
К нам поворачиваются лицом...

Дом-дом-дом!
Дом-ини-дом!..
Дом-дом-дом!..
Дом-ини-дом!..

И затем
Индийский океан
Извилисто обогнув,
Гималайских гор
Гряды обойдя,

Не касаясь киргизских мест,
Не затрагивая персидских земель,
Не задевая турецкой страны,

Уже за русским большим
Уральским хребтом
Устремился я
По небу напрямик,
Правей, где Россия-мать
Простерла огромность свою,
Проницательный пал мой взгляд
Подле пределов, где -

Морем Каспийским подпертая спереди, где
Морем Черным окаймленная сбоку, где
Морем Средиземным как бы опоясанная, где
Морем Красным, касающимся слегка,
И Атлантическим океаном

Изначально окутанная, как платком,

Не тронутая стужей злой,
Не снедаемая зимней нуждой,
С днями, сияющими теплом,
С веселым, радостным, голубым,
С зеленым летом в цвету,
Сердцевина блистательная Земли,
Самая лакомая часть,
Высокое всей планеты чело,
Величавая, счастья полна,
Вечная Европа, она

Возвышается вот уже девяносто веков,
Прославляется восемьдесят веков,
Преуспевают все семь десятков веков,
Пораскинулась, мои милые, широко:

На этой части Земли
Народов, всяких племен,
Наций разнообразных - тьма,
Наиболее лихие из них
Науками отягощены,
Наказаны теснотой,
Наплодилось их чересчур.

Милые, поэтому там -
Между народами разными распри идут,
Вечно друг с другом не ладят, хитрят,
В хищных схватках живут на краю беды,
Вот что бушует там...

На нас же, бедных, они
Не косятся, завистливо не глядят,
Не касаются в помыслах наших дел,
Не в силах представить наш край наяву,
Для них мы как ненужная рыболовная снасть,

Вот так утверждает свое
Владычество
Империя англичан;

Умно рассчитывают власти ее,
Уловов разных они полны,
Ухитряются вынуждать

Другие страны к распрям идти,
Домогаются розни - и ждут,
Когда раздор полыхнет,
Когда распалится вражда,
Чтобы затем
Чужими руками в карманы свои
Денежный жар загрести.

С сильными сильных столкнув,
Сами, как будто бы ни при чем
Сладость коварства тая,
Со стороны следят

За схваткою государств,
Злых и зубастых - одних,-
Не менее клыкастых других,
Натравив друг на друга их,
На чужой беде
Наживаются хитро
Фабриканты, биржевики,
Плутовато выгадывают для себя
Лакомый кусок из чужой вражды...

Одна в Европе страна
Особо опасной кажется мне,
От ее устремлений я
Отвожу в смятении взгляд.

И мурашки по телу бегут,

И волосы дыбом на голове...

Это Германия. Вижу ее -
Империю острых умов,
Матушки-Европы давно
Макушку самую обжила,

Середину всю заняла,
Самый центр - колыбель ее,

Заселила спокон веков
Затейно талантливая она.
Имперская ее знать
Неумолима горда,
Властителей род спесив,
Не уважает народов других,
Недоростками считает их,

Даже прославленных,- и
Давно видит их под своей пятой,

На сильные страны глядит
Насмешливо, свысока.

Образованнейшее из государств,-
Огромных заводов и фабрик не счесть,
Они ритмично работают день и ночь,
Владеет ими хищников род -
Промышленников-воротил -
«В мире всемогущ лишь я!» -
Вселенским быком о себе ревет:

«В мире людском не найти сильней,
Воинственнее меня!» -
Взбалмошным жеребцом он ржет.

Загордился так, что штыком

Захотелось небо проткнуть,

На тридцать лет вперед загадал,
Наметил уже войну
Имперский генералитет,

Давным-давно оружие кует,
Дерзко побоище начать готов.

Уже правители говорят:
Бог мой, если бы удалось
Большие царства все,
Благословенные нации, племена,
Будто кумыс в берестяной
Бадье, перетряхивать нам,
Были б мы властелинами мира одни;

Счастливых народов жизнь,
Судьбы великих держав,
Стали бы беспощадно тогда
Свирепо ногами топтать,
Словно воду в берестяном лотке,
Сильные мира сего, мы - господа;

Когда бы весь человеческий род,
Как чашу с напитком из молока
Кислого, мы кичливо смогли б
Каблуком опрокинуть и раздавить,
Конечно, нам, хозяевам, шар земной
Дань платил»,- дума их такова.

Дом-дом-дом!..
Дом-ини-дом!..

Наплодилось в Европе людей,
Наподобие мошкары,
Тучами роятся они,

Туманом всюду порасползлись,

Неисчислимых мать-Земля
Не в силах уже прокормить,
Многим животы подвело,
Множатся острые мысли в умах:
«Старый порядок пора сломать,
Светоносное житье-бытье
Создадим»,- говорят;

Обжитые места
Обеднели из-за тесноты,
Острый голод людей грызет,
Они тревожно требуют все:

«Надо, надо переменить
Нашу немощную судьбу
На изобильную жизнь,- и впредь
Не страдать никогда».

Силою рук своих
Старались - и не могли
Сытое житье создать,
Скудость и нужды преодолеть,
Странно настаивают не потому ль:
«Справедливости ради черный гнет
Сбросим долой»,- говорят.

Но на этот клич -
Те, что бесконечно давно
Творить привыкшие зло,
Твердо держащие власть и суды,
Не дают неимущим поднять глаза,
Непокорных и возроптавших всех
Преступно, легко
Приказывают истреблять.
Да, еще с древних времен,

Даже за робкий протест
Неимущих и попираемых всех
Невольно восставших порой
Неумолимо рубили мечом.
Беззаконие законом назвав,
Безобразно ожирев,
Безнравственно набив мошну,
Большие правители государств
Бедных, кто супротив вставал,
Бросали в остроги - и там
Бессрочно держали их под замком.

Вот отчего
Возмущенные злом
Втайне сходились и -
Возникали заговоры в разных местах,

И как семена
Из-под земли прорастают вверх,
Из подполья замыслы шли,

Потом, минуя уши судей, властей,
Тайно в цехах фабричных и заводских
Прокламации шуршали в руках...
«Свобода» - все чаще, упрямей твердят,
«Революция» - вот неимущие чего ждут,
«Республика» - всюду кричат, и эти слова
Приветствием стали для них.

Речей этих смысл
Недоступен мне, сознаюсь,
Не могу разобраться в них -
вот какая беда,
Неясен смысл, как говор гусей,-
вот какая напасть,
Не понял еще призывов я -
Вот что меня тяготит.

Черный бедный народ
Чрезмерным гнетом прижат,
Что бросается легко в глаза,
Вот почему народ восстает:

Весьма нагладен гнет,
Веский повод, чтобы роптать,
Вот почему смелы протесты их,

В мире видна, видна
Величина обид бедняков,-
Вот почему они бороться хотят.
Что такое борьба? -
Чуть-чуть погодите, а я,
Что знаю, про то спою.

Многочисленные богачи
На огромных заводах своих
Люто заставляли народ
Лихорадочно работать впрок,
Лихоимствовали, как могли,
Людей до отчаянья довели,
Лучшие силы выжимая из них.

Ненасытные богачи
На заводах своих
Настойчиво рабочих людей
Обессиливали до худобы,
Обездоливали всегда,-
Обрекали на вымирание их.

Бешеные богачи,
Бесстрастных наделав машин,
Быстро ими смогли заменить
Благодатную силу рук,
Безработицы маета

Безжалостно рабочих людей
Охватила, как хворь,
Ожесточила сердца.

Огнедышащие всегда
Огромные заводы, гудя,
Донимают трудом парней,
Дробят изо дня в день
Длинные кости их,
Дико разламывают жизнь.

Стальные валы машин
Схватывают, чтоб раздавить
Старых и молодых,

Железные пасти машин
Жадно глотают людей,
Женщин и мужчин,
Мельча их кости, кожу жуя,
Мощными зубьями шестерен
Мерно выбрасывают вон,

Вот потому
Быстро растущий, сверх мер,
Будто рой муравьев.
Чернорабочий люд
Часто волнуется и кипит,
Гневные мысли его
Грозно зреют в умах...

Как летом в тайге мошकारа,
Которой после дождя
Тьма-тьмушая, тучей летит,
Так и рабочий люд
Смело всей массой идти
Стремится к деяньям крутым...

Белым пухом всюду поразлетясь,
Бедные люди труда,
Бедствующие всегда,
Безмерно обиженные, они,
Бесстрашно объединясь,
Борются за правоту...

Но я -
Не знаю, как обернется еще
Непримиримая эта вражда,
Но все же что же произойдет,
Кто же возглавит и первым их поведет
К Свободе, к счастью - на штурм?!

Дом-дом-дом!..
Дом-ини-дом!..

Вот так я сидел, думал, глядел,
Видел, что делается вокруг,
Внимая миру, нечаянно задремал,

Незаметно забылся, и вдруг
Незнакомый испуг пробудил меня,
Бешеного Илбиса дочь, друзья,
Безумная Кустуктай,

Облак перистый оседлав,
От востока на запад мчась,
Обкаркивая небеса,
Облетывая весь мир,
Ознобно вопя, визжа,
Злобной пляской своей
Зазывала войну...

Бога Несчастья Осола сын,
Беспутный Уот Солонный,
Бесчеловечно лют,

Вечно готовый к схваткам лихим,
В центре южного неба как раз
Сел на облак быстрый верхом,
Славословя войну,

Во все горло орал, рычал,
Великий восторг выражал,
Вот и ужас настал...

После этого крика вмиг -
Полная деревьев густых,
Узорчатых теплых трав,
Удивительных всяких цветов
Наша мать-Земля,
Ненавидящая войну,
Отвергая кровавый бой,
Заступаясь за добрые племена,
За солнцеликих людей,
Дважды вздохнула глубоко,
Трижды вострепелась она,
Дрожь потрясла ее,
Тревожно всем нутром
Зарычала так, что гул пошел,
Загрохотала потом,
Задышала огнем,
Раскалывая вершины гор,
Разрывая утесистые хребты,
Ревущее пламя из недр
Рывками выбрасывала ввысь
До кричащих верхних небес,
Дым, и чад, и пепел седой,
Коричнево-ржавый мечя,
Как бы прокашливалась земля,
Выплевывала жгучесть она...
Выброшенный из горловин ее
В вышину огонь
Осыпался вниз раскаленным дождем,

Опадал на цветущую жизнь
Долго, долго и широко,
Даже солнце погасло, рдела темь.

А между тем
Огненные реки текли,
Опаляя землю, и лава жгла
Огромные города.

Коричневато-серым был,
Красноватым пепел летел,
Облаком бесконечным плыл,
Обволакивая мглой
Огромных селений жизнь,
Опадал,- опадал, горяч,
И хоронил, хоронил,
Их засыпал навек,
И слышал я плач земли...
Дом-дом-дом!..
Дом-ини-дом!..

И вслед за этим войска
Многих-многих царей
Стаями собрались,

В разных царствах пришли
В движение ряды солдат,

В разных странах народ
Вскоре взволнован был,

Как водопад реки,
Как водовал ее
Катится, остервенясь,
Двигались так же, ярьась,
Друг на друга войска.

Как звезды на небесах,
Команды бессчетны, быстро вели
К сраженьям жестоким войска.

Многочисленной рыбы морской
Могучие корабли
Грозно в одних местах,
Гудками рыча, сошлись,
Похожих на щук
Подводных лодок не счесть,
Снуют в глубине,
С собою носят беду.

Подобно елям в снегу, серебрясь,
Парят, грохоча, треща,
В синей груди небес
Воздушные корабли.

Строго, как вереницы гусей,
След в след,
По полям поезда
Потянулись вдаль,
За вагоном вагон, как цепь,
Звякая, лязгая ночью и днем.

Но с ними вместе в одной цепи
На платформах в чехлах
Пушки и в ящиках динамит
По рельсам летят.

Плавучие мины в морях
Погибель таят,
Взрываются вмиг,
Вглубь опрокидывая корабли.

Глухо, молча, в земле
Гнездится множество мин,

Готовых войска подстеречь,
Грозно взорваться вдруг,
Громом железа, вихрем огня
Гибельно изорвать людей.
В небе, тайком подлетев,
Воздушные корабли
В виде дьяволов - из синевы

Сеяли ядра на землю, в которых - беда,
Сбрасывали заряженные смертью стаи бомб,
Свирепо уничтожали несчастных солдат.

Тяжко лязгал железнодорожный путь,
Телеграф, как безумный, стучал,-
Телефоны надрывались от жутких вестей,
Тупорылые пушки слали гром,
Ружья стреляли в темь и в свет,
Пули жадно искали жертв,
Пики с хрустом входили в грудь,
Плотно, ощерясь, встали штыки,
Омылись кровью клинки,
Острая сталь колола, секла,
Отточенная, впивалась в тела,
Охотилась за людьми.

Множество опрокинуто крепостей,
Множество опустошено городов,
Множество обуглено областей,
От многих губерний остался прах.

Сколько загубленного - не счесть,
Столько армий искромсанных полегло,
Умов командных постиг разгром,
Отборные из людей
Сгинули навсегда,
Стройные сломаны молодцы,
Превращены в калек,

Прекрасные обликом и душой мужи
Покинули жизнь навек...

И в ямах кучно тела
Изуродованные лежат -
И нет для павших могил,

Разбитые - в блиндажах -
Руки, ноги лежат -
И нет для павших могил,

Траншейные рвы полны
Теми, кто мыслил, любил,-
И нет для павших могил,

Красно по лику земли,
Как смерти ручьи,
Кровь убитых течет.
На много лет,
На долгие времена,
На длинные ночи и дни

Охватили сраженья мир,
Отчаянные убийства людей,
Опустошительно велика,
Обширная длится война.

Это и есть
Эпохи последний предел,

Горя-злосчастья край,
Грохота, гула жуть,
Ужасной схватки врагов,
Ударов безмерной беды,
Рожденных бешенством перемен.

Поулетали птицы из адских мест,

Поразбежались звери, прячась в лесах,
В донный ил нырнули рыбы в морях.

Созерцали побоище божества:
Сверху - с небес, тревожась, духи добра,
Снизу - дух злобы выглядывал из-под земли.

Сын бога
Несчастий - слава! - кричал,
Дочь бога
Распрей Илбиса пела в честь битв.
Повсюду месть и вражда,
Проклятья уже звучат,
Плач по убитым в каждой семье.

Чудовищно много стало вдов,
Чрезмерно число сирот,
Черными думами мир объят.

Лихо банки росли,
Ловко вводя в обман
Людей труда,
Люто на их поту
Наживались они,
Бешеные деньги скопив,
Бурно расходовали теперь,
Бросали в огонь войны.

Главные царств столпы,
Государственные мужи
Извлекали потоки монет
Из слез и крови людской,
И эти деньги из их мошны
Иссякали в бездне войны.

Высшие ведомства стран
Выжатый из народа налог
В государственную казну

Вкладывали в осаду врага,
Внушительный золотой запас
Вскоре истаивать стал
В пекле войны...

Закрылись фабрики - и началось:
Заговорили - станут заводы вот-вот,
Залихорадило города,
Заволновало бесхлебье народ.

Распался торг базарный, обмен,
Разбойно пошли нажива, корысть, обман,
Забыли люди игрища, смех,
Задумались о желудках своих,

Вместо пиров, и забав, и вина
Внезапно познали они
Вторгшуюся слабость в тела,
Волчий голод их стал глотать...

Сгинь! Ух-хо-ди!..
Скройся! Пропадом пропади!
Сам не пойму,
Почему виденья войны,
Предчувствия бедствий сжали меня,

Право, не разберусь,
Почему же мои
Предзнаменования рвут на части меня,
Почему, не пойму,
Зашлась от боли душа,
Зловещим прозреньем разум объят..
Владевшие царствами долго цари
Внезапно шатнулись, и троны - вдрызг;
Неужто паденье царств
На малое счастье якутов впредь
Невзгодами отзовется, злом,

Неужто добросердечных судьба
опрокинется в прах?

О якуты, чьи мысли закрыты совсем,
Отчаянно ли повлияют на ваш
Оскудельный удел,
Обложенный горем кругом,
Образованных наций борьба,
Огромных империй спор,
Неужто бедная благодать саха
низринута будет в прах?

Вот и поднялись
Великие из государств
Друг на друга в боях, а от войн
Доверчивый, с проигрышным умом.
Душу утратит свою
Народ мой потерянный, как дитя,
Неужто со света исчезнет он,
развеясь, как прах?..

Дом-дом-дом!
Дом-ини-дом!

Ряд обширнейших государств
Раздробил на части войны удар,

От прочных империй в эти дни
Остались куски одни,

Крупные царства, что в бой рвались,
Как по швам,- разошлись,

Все, кто смог уцелеть, победив,
Возвеличившись, все равно
Впали в горе и нищету.

Заводов, фабрик станки
Заброшенные - молчат.

Овощи перестали сажать,
Одна лебеда растет,
Перестали сеять и жать,
Поля полонил осот:

Семян не добыть,
Съедены семена,
И коней не впрячь,
Искалечила их война.

И скот не ревет -
Изглодан скот.
Потому
Бешеная, как никогда,
Беспощадная разразилась беда,

Несчастья сильней,
Неистойей не было на земле.

Наступил злосчастья предел роковой,
Жизнь заградил смертельной судьбой.

И не осталось уже еды,
Испарилось съедобное, как роса,
И, что требовали животы,
Исчезло все, ничего не росло,
Искоренились злаки, дающие корм..

Уйти из жизни никто не хотел -
Ужасно сгинуть со света совсем...
Упрямо отстаивал каждый себя,
Упорно, зуб на зуб, схватка шла;

Кто устойчивей, тот был готов

Кидаться, остервенев,
Каннибальски за счет других
Жизни миг себе добывать,

Несносность житья довела
Народы до крайних безумств:
Грызть зубами друг друга, но жить,
Глотки перерезать, но жить...

И сколько было
Истреблено -
Исчислить никому не дано,

Мучительно разум тьмой заслонен,-
Много губерний опустошено,

Дикою смертью, что нет лютей,
Съедены миллионы людей.

Еще в разгаре зарев войны
И на исходе ее
Из родимых мест
Изгонялись тысячи тысяч людей,
И они ушли
Из селений, где пестовали
Их отцы,
С милой земли
Согнанные землепашцы несметно вдаль,
В край чужой,
Выбиваясь из сил,
Вереницами -
Вкривь и вкось -
В сторону якутов ехали, шли,
В самый
Якутск их пути вели,
В край наш начали переселяться они...

Тяжко, парни мои,
Трудно, девушки, мне,
Неотразимо
Над нами
Навис гнетущий рок,
Неколебимый указ судьбы
Нам встал поперек,
Неотвратимо тягостный нам
Уготовлен
Удел,
Нас
Нешадный рок углядел,
Неизбывен и лих;
Но как только сонмище их
Навсегда прибудет сюда:
Душный
Дыханья шум,
Душ их нор, что строг, угрюм,
Дельных, смекалистых дум,
Ловкий,
Любезный, корыстный ум,
Многоопытный разум их,
Мыслей уловки, хитрости их
Мы не выдержим, не снесем...

Здесь обжитые места
Захватят пришельцы сперва,

Вольготно расселятся, а потом
Властительно распоряжаться начнут,

На берегах
Наших рек
Настроят жилищ своих.

Но когда
Начнется дележ

Наделов подушных, лучших угодий земли,
Нас пришельцы от изобильных рек оттеснят,

Отгонят к верховьям речек глухих,
От цветущих аласов родных
Отодвинут к окраинам
Оголенным, скудным и ледяным;

Летних выпасов изобильных мы
Лишимся, видимо, навсегда,

По самым диким местам
Придется скитаться нам,

Станем ютиться в таежных углах,
Судьба возвратиться не даст - и мы

Не припадем к изначальным землям своим,
Не притулимся к усадьбам родным,

Где (помнит каждый!), повешенная на ель,
Глухо покачивалась колыбель;

Назад по старым следам не придем
На отчий порог - и все пропадем...

Белого изобилья наших коров
Больше не будет - в чащах коровы падут;

От ржущего черного потока коней,
Разобьющегося в черных лесах,
Останутся гривы одни да хвосты.

Когда истощится зажитка запас,
Когда иссякнет сытость в крови,

Жадность
Живота нас сведет с ума,
Жестоко голод изъест нутро,
Желанье еды нам иссушит рты,
Тогда мы сами к переселенцам придем.

Сделают рабами
Сирых нас,
Самых расторопных - в слуги - нас,
Сильных, работать принудят нас
в невыносимом ярме.

Женщинам тоже печаль не избыть:
Пожилые - коров доить,
Молодые - печь и варить,
А юные - в няньках будут ходить,
Подаяньем старухам жить,
Кумаланками быть,
Старики у печек чужих
Станут греться -
и стыть, и стыть...

Не потому ль
Наши дети
Начнут хиреть,
Непрерывно болеть,
Не взрастут потомки, умрут...

На усадьбах
Не станет юрт,
Не раскудрявится дым печей,
Некому будет рожать детей,

И за столетье одно
Искоренится наш род,

Истают наши огни,
Имена наши время сотрет...

Может, когда-нибудь,
В преданье каком-нибудь,
Возможно в стихах,
В будущем вспомнят о нас,
Ученые-знатоки
Упомянут, коснутся нас:

«На раздолье пойм Сайсары
Некогда жил народ
Непокорный, с добрым умом,
Навозом он юрты крыл,
Называл он себя «Саха».

Да, был
Якутский край,
Долго якуты в нем
Дни коротали - и
Дельно мыслили жить,
Да исчезли совсем»,-
Сообщат...

* * *

Вечно враждебный спор
В архивах крупнейших наций давно
Вот как запечатлен:

Когда бок о бок вместе живут
Кипучий большой и малый народ,
Конечно, малый из них,
Как ни противится, угаснет всегда;

Когда совместно долго живут
Крепкий старый и малый народ,
То младший обычно народ

Тайно и явно во всем обделен всегда;

Когда враждовали, рядом, живя,
Крупнобогатый и бедный народ,
Буйного дыха врага не стерпев,
Бедный народ исчезал,
Белый свет покидал навсегда.

Вот так жизнь
В мире и шла,
В веках без числа
Вгонялись в небытие
Всегда малые племена,

Безмерно много их,
Болезных, вымерло на земле,

Даровитых наций, мужей и жен,
Дыханья лишенных давным-давно.

Ужели, единственным, нам
Удастся, как купе дерев,
Уцелеть островком,- так мечтать
невмоготу...

Что ж, указаний нам роковых
Чынгыс-хана - не отвратить,

То, что предначертал
Одун-хан,- не переступить,

То, что нам предсказал
Танха-хан,- не перестало грозить...

Ох, горемыки мы!

Обхватило железом нас,

Обручами тремя
Ужасно окован наш
Угасающий ум.
Неужели в тяжкий момент
Отчаянная беда
Обрушится прямо на нас,
Обречет на несчастье всех?

Неужели в лихой этот срок,
Когда свет наших мыслей смерк,

Когда разум наш заключен,
Кажется, в шестикратный обвив змеи,
Крошечное счастье саха
Могут отнять у него?..

И обидно,
И горько так...

Дом-дом-дом!
Дом-ини-дом!

Что, дорогие мои,
Если такое случится все ж,
Если нам предстоит уйти
От счастья: жить и жить
На зелено-вечной Земле,
Не печально ли будет нам?

Радостей жизни впредь не знать,
Разных лишиться ее щедрот,
Разве не будет досадно нам?

Нет, умереть,
Не видеть животворящей - в солнце - земли,
Несказанно веселой и дорогой,
Не правда ль, будет невыносимо нам?

Может, есть

Какой-либо сердцу блаженный совет,
Как уйти от лютой казни нам?

Открою вам думы свои,
Они таковы:

Древние старики,
Предки в свой смертный час,
Отцы создавшие нас,

Уча, вразумляли потомков, как
Участь оберегать:
«Если на вас нападет
И неотступно начнет
Гнаться за вами горе-злосчастье вслед,

Если станут вихри невзгод
Вас крутить-вертеть,
В жизни ходу вам не давать,

Если какая-нибудь
Вас лихая беда
В час роковой прижмет,

И ум препятствий им не найдет,
И наступит миг, когда вы
Испытаете мук предел...

Один совет,
Отточив
Острие ума,
Ожесточась душой,
Отчаянно противостоять,

Более обозлить
Бешеное сердце свое,
Буйство мыслей, решений крутых
Бесстрашно противопоставить, как щит,

От которого бы назад
Отскакивала
Острая сталь,
Непременно тупилась бы; потому
Не захлебываться от страха, нет,
Не слабеть душой, а внушать себе -
«Самое большее - мы
Сами лишь
Сгинем в борьбе,
Самое
Страшное, что может быть,-
«С этим миром расстанемся мы»,-

Все же будьте тверды и т. д.

Все же будьте тверды в мыслях о жизни свое
Вы не забудьте о главном - о жизни своей,
Вы думайте неуклонно о жизни своей» -
Вот их слова.

Ну, а если так, то нам
Не пристало, как деревьям, с мест не сходить:

Пока не иссякнем мы,
По дороге жизни с другими будем идти,

Пока не кончимся скорбно мы,
Падая, мучаясь, будем с другими идти,

И, сколько можем, с другими мы
Поспорим все же, умрем в пути...

Хотя и мало нас,
Хотя и бедны мы,

Но издавна, с древних лет,
Неимоверно гонимые, мы
Не поддавались смерти нигде,
Недрузи знали упрямыми нас.

Нацией-ребенком считались мы,
Наша участь прекрасна, хотя

Со времен
Омогоя-бая всегда

Сильно, сурово теснили нас.
От Элляя, пращура всех саха,
Одинокого удальца,
Неистребимыми были мы,
Никогда - до теперешних лет -
Не истощалась воля живая в нас...

Верно, что нас
Обнимали морозы зло,
Обжигали, бешеные, чело,
Оттого и остер наш взгляд,

Обкатывал тело буран,
Окачивал ледяной туман,
Оттого мы крепки, каждый душой крылат,

Они, угрожающие, ярься,
Обдували и закаляли нас,
Оттого непрерывно дыхание у нас
много веков подряд.

Видимо, суждено
В пазухе торосистой, ледяной,

Вечно
Ледовитого моря нам
Внезапно удел обрести иной,

Единодушно, скрываясь, борясь с судьбой
Еще раз изменим облик свой,
Естество саха преобразится вновь,
Если разрежут - части соединим в одно,
Если утопят - вынырнем все равно,
Сколько раз мы умрем,
Столько и оживем...

Переселенцев спокойно мы
Подождем иждемся их,

Пришельцев, конечно, мы
Повстречаем, раз ожидаем их,

Уверенно к нам стремящихся мы
Увидеть хотим, и увидим их,-

У этих грозных гостей
Усвоим изобретенье их:

Ученость и образованность и
Уменье мир постигать;

Дотянуться б до знаний их - высоки!
Да, наука их много благ
Добыла, трем мирам прибавив ума.

Семьдесят семь их тайн
Мы умом должны воспринять,
Мощь их знаний в себя впитать,
Впредь, как раньше в медных божков,
Веря в науку, чтоб ею вскормить
Душу-Родительницу саха.

Восемьдесят восемь познав
Всевозможных хитростей их,
В свое волшебство превратим,
Дабы насытить им
Душу-Воздух саха,

Девяносто девять наук
Дивно-божественных переняв,
Дружно, жадно в себя впитав,
Да, мы ученостью обогатим
Душу-Землю саха...

Вот тогда пусть нагрянут они
К нам, наши гости, и встретим их,
Как равные равных, что ж,

Зуб на зуб,
Рога на рога,
Копыто на копыто, - мы равны.

Лишь после встречи такой
Узнали б мы свой удел,
Уготованный нам Творцом,

Указанный ханом Танха,
Угаданный ханом Джилга,

Позже сами б разобрались -
Плох ли, хорош ли жребий наш,

Сами увидели б долю свою
Брошенной волей божеств на траву,-
Сами! Вот что может значенье иметь,
парни мои.

Дом-дом-дом!
Дом-ини-дом!

* * *

Владыки всех девяти пречистых небес,
Возносим наших стенаний песнь,
Не отвергайте, я вас прошу!

Благодетели лучезарных восьми небес,
Большую нашу услышьте мольбу,
Богу безмолвья не бросьте, прошу!

Семи блистающих мощных небес князя,
Смиренно раскаянье наше,- его
Сердечно, безгневно принять прошу!

Склонена голова перед вами моя,
Согнут стан мой прямой, низко кланяюсь
Ставлю я на колени себя,

На три солнечных тени божеств
Мой почтительный ляжет поклон!..

Определяющая судьбу, моя ворожба,
О преграды бедствий не расшибись,
О помехи зла не споткнись,
О, только не опрокинься! Удачу дай!
Тускуро!

1910

Эпилог

* * *

Полезных людей
После войны мировой
Почти не осталось, сгинули,- думал я,-

Переиначили времена:
Двуногих существ
Дивно множились племена,
Изнутри распирала страсть,
Испламеняла любовь извне,
И стало больше, чем прежде, их,
Кипела в них страсть и любовь,
Как забродивший кумыс,

Пьяно бушуя, шипя
Пеной хмельной. Они
В каждой стране разрослись
В мощные нации вновь.

«Новых законов власть
Надобно установить,
Наше счастье свежестью их
Навсегда обновить,

Неизбежность иных судеб
Надо открыть, чтоб самим управлять
Нашим будущим»,- их призыв,

И одного за другим
Извергов сбрасывали - царей,

Главным властителям кое-каким
Головы снес народ,

Изгнали господ,
Издавна утеснявших народ,

И вот -
Переворот,
Разгромлены богачи,
Разогнали банкиров мы,

Стали затем устанавливать мы
Свои законы и власть,
Счастье будущее определять...

Споры, разлад -
Вооружась, шел на брата брат,
Сын - на отца, припася заряд,
Вступали: дочь - в красный, мать в белый
отряд.

Ужасно много людей,
Убранство из белых одежд избрав,
Устраивали резню,

Безмерно больше людей,
Бедных, в красном во всем,
В боях проливали кровь,

Орды подлых людей,
Одетых в черный наряд,
Отчаянно лили чужую кровь,

Нарушена жизнь
Народов сраженья волной,

У многих счастье навек
Унесено войной.

Как трудно установить,

Кто с кем воюет, за что,

Право, кто с кем заодно -
Почти нельзя угадать.

И тот, кто сегодня был рад,
Что наверху очутился он,

Через день всеславы терял,
Чудовищно падал вниз,

А те, что смогли победить,
Азартно сражаясь вчера,
Артельно гибли на третий день,
Тот, кто в удачном году
Дорвался до власти, теперь

Терпел поражение в другом,
Терновом, новом, крутом...

Дом-дом-дом!..
Дом-ини-дом!..

О будущем я намерен порассуждать,
О грядущем идущем порассказать,
О том, что наступит в мире потом:

Первой партией,- говорю,
Прекрасной партией,- говорю,
Партия большевиков,
Парализовавшая гнет,
Пусть направляет она всех нас
Безвозвратно отсечь
Бедную старую нашу судьбу,

Пусть законам былым
Проснуться не даст,

Прахом забвенья затмит
Переполох, возбуждавший нас,
Порядки прежние искоренит,
Утихомирят чуть-чуть,
Умерит запальчивость чувств,
Устойчивостью решений своих
Умно устраним разлад,
Учения своего
Узко понятые места
Убедительно разберет,
Удача в делах придет,
Если не станет пустопорожних слов,
Если нужно - и отступи чуток,
Не свернув с прямого пути,
Не накрываясь на правый бок,
Не разливаясь влево, будто весной,
Неистово, куда попало, поток,
Если искать дорогу свою -
 посредине видна,

Если объединит она
Помыслы многих - в один,
Если горе и нужды людей
 угаданы будут ей,

Что ж, только тогда,
Через тридцать лет,
Чаемая нам улыбнется жизнь.

Спустя еще двадцать лет
Славно поправится наша жизнь,

Позже, через полвека, придет
Полная счастья жизнь...

Беспредельный простор,
Бесконечные времена

Беспрепятственно не охватить.

Нападает сна черная тень.

Дом-дом-дом!..

Дом-ини-дом!

1924 г.

Кулаковский А.Е. Сновидение шамана:
Стихотворения; Поэмы: Пер. с якут. С. Поделкова
М.: Худож. лит., 1990. С. 153-194.

Спор между умом и сердцем

ум

Эй, сердце, там, внизу,

Угомонись,

Послушай, что скажу.

Уж очень ты ретиво.

Уж очень ты не в меру расходилось.

Того гляди меня, владыку своего,

Толкнешь в огонь и воду...

сердце

В чем, не вижу,

Моя вина,

Мой грех, мои проступки?

За что наш господин

На нас напрасно гневаться изволит?

ум

Постой, не тарахти.

Раз говорю,
Так значит, мне виднее.
Из-за сердца,
Из-за твоих капризов,
Из-за капризных прихотей твоих
Все время страсти нас одолевают,
Несчастья, беды нас сопровождают
По жизни.

Шум и суматоха нас окружают
День и ночь,
А там - убытки,
А там - и разоренье
И - гибель.

Дешевое веселье где увидишь,
Ничтожной красоты увидишь лучик,
Впадаешь сразу же в соблазн.
Или игру случайно где увидишь,
Ничтожное кипенье низкой страсти,
Впадаешь сразу же в азарт.
Или увидишь мишуру и блески,
Стекляшки, побрякушки, украшения -
Уж сразу чаще начинаешь биться.

сердце

И все же я не вижу,
В чем, господин, моя вина?
Кому какое дело,
Как бьюсь я - чаще или реже?

ум

Хозяина нашего с толку сбиваешь,
Он хватает то, что ему не нужно.

Обладателя нашего с пути совращаешь,
Он стремится, куда ему не нужно.

Неопытный и молодой,
Он ищет то, что найти невозможно,

С затуманенной головой
Он ловит то, что поймать невозможно.

Начинаются заблуждения,
Появляются затруднения.

Хочется ему то и это,
Нравятся ему те и эти,
А оказываются кругом капканы,
Силки, западни, сети.

Увлекаясь особами в длинных одеждах,
Переживает он сердечные муки.
Прельщаясь существами с нежной кожей,
Совершает он постыдные поступки.

Соблазняясь красавицами с длинными волосами,
Попадает он в скверные положения.

Разве не ты его понуждаешь
Водку пить?

Разве не ты его подбиваешь
За тройную цену
Полюбившегося коня купить?

Разве не ты его толкаешь
За понравившееся ружье
Последние деньги отдать?

Разве не ты его втрапляешь
В компаниях до утра кутить?

Последними модами щеголять,
Зловредное табачное зелье курить,
Об заклады биться, в карты играть.

Из смирного человека ты его в спорщика превращаешь
Из доброго человека вспыльчивым можешь сделать.

Тихого огрубляешь,
Чистого развращаешь,
Уравновешенного заставляешь споткнуться,
Выдержанного - встрепенуться,
Добродетельного пороками наделяешь.

Туз бубновый - дороже чести,
Крестовая дама - дороже спокойной жизни,
Червонная дама - обворожила,
Пиковая дама - состоянья лишила.

С быстрыми он тягается,
С сильными силу меряет,
По пустякам сокрушается.

О смерти не думает,
О душе не заботится,
Гибели не боится.

Будущее не обеспечивает,
В трех деревьях плутает,
В окно норовит выйти вместо двери.

А разве не ты его отправляешь
В верховья великих рек,
В земли далекие,
В города многолюдные,
Выводишь на пути многотрудные,
Где все - погоня, погоня, погоня...

Спокойной жизни он там не знает,

От родной Якутии отвыкает.
Заключает рискованные контракты,
Попадает в кабалу,
Теряет последние средства.
И все это делаешь ты,
Горячее, но глупое сердце.

Если же о будущем мы не подумаем,
Никто за нас не подумает.

Если достойной жизни мы не устроим,
Никто ее за нас не устроит.

Если мы якутами - уранхайцами не будем,
Никто за нас ими не будет.

Если мы надежного потомства не вырастим,
То и якутского племени на земле не будет.

Так ли я говорю?

сердце

Хорошо говоришь.
Красно говоришь.
Но дай-ка теперь и я скажу.
Ты - властелин мой,
Но и товарищ мой.
Одному хозяину служим,
Обитателю среднего мира,
Одному
Из числа бесчисленно многих
Появляющихся на свет
Существ двуногих.

Много на земле происходит разного,
Но не случалось еще ни разу,

Чтобы родившийся не умер,
Чтобы пришедший не ушел,
Чтобы появившийся не исчез,
Чтобы смертный бессмертным стал.
Каждого ждет надгробный амбар.

Мирно прожить,
Тихо дышать,
Смирно сидеть,
Горя не знать,
До ветхой старости
Червяком доползти -
Это нам не годится.

Бурно прожить,
Жадно дышать,
Горечь испить,
Радость вкушать,
Через беды-несчастья
Смело идти -
Вот для чего
Стоит родиться!

Одиноко прожить,
Песен не петь,
Деньги копить,
Над богатством корпеть,
В хмелю не ходить,
Пороков не знать,
Грешным не быть,
Но и святым не стать -
Это нам не годится.
Страсти изведать,
Холод и зной,
Горе и беды
Жизни земной,
В поте денежки добывать,

На деньги радости покупать -
Вот для чего
Стоит родиться!

Глубин не измерить,
Высот не познать,
В добро не поверить,
А зла не понять,
С правдой не спорить,
Правде не вторить -
Это нам не годится.

Искать и метаться,
Пылко мечтать,
Падать, скитаться,
Снова вставать,
Птицей лететь,
Калекой брести,
Врагов нажать,
Друзей обрести -
Вот для чего
Стоит родиться!

А жизнь коротка - надобно торопиться.

Если бы мы,
Затевая повсюду танцы и пляски,
Зачиная где можно игры-забавы,

Попивая водку пьянящую,
Играя в игры азартные,
Куря табак возбуждающий,

Глотая яства с приправами,
Поглощая кумыс веселящий,
Смакуя напитки душистые,

Общаясь с людьми хорошими,
Дружа с людьми интересными,
Знакомясь с людьми почтенными,
Став утешником дамы важной,
Став приятелем девы нежной,
Став дружкой молоденькой девки,

Споря, ссорясь с сильными мира,
Состязаясь, не уступая,
Побеждая сильнейших мира,

Начиная дела опасные,
Заключая сделки рискованные,
Устремляясь на пути неизведанные.

Укрощая коней породистых,
Объезжая оленей диких,
Проплывая на пароходах быстрых,

Бороздя моря-океаны,
Преодолевая горные перевалы,
Повидав заморские страны,

Изведав удачи и поражения,
Насладившись жизнью и смерть познавши.
Уходили бы мы из этого мира,

Сознавая, что не напрасно
Мы на этом свете родились.

Отправлялись бы из среднего мира,
Из Якутии солнечной, из
Якутии лунной,
Из осенней, летней, весенней, зимней,
Не особенно огорчаясь,
Но в душе своей утешаясь,
Сознавая, что не напрасно

Мы на этом свете болтались.

А ты хоть и ум,
А, пожалуй, глуп.

Или хочешь живым засохнуть?
Или надеешься быть бессмертным?
Или ты подобен великому старцу,
Который по старости неспособен
Ни радости чувствовать и ни боли,
Ни огня, пробегающего по жилам,
Ни биенья пульса, ни кипенья крови?
Остороженько да умеренно,
Прохладненько да спокойненько
Делаешь каждый шаг.

После долгих раздумий,
После разных предположений,
После вздохов да опасений,
После длительных рассуждений
Делаешь важный шаг.

Ты умрешь,
Не истратив больше того,
Что лишь было в твоих руках.

В могилу сойдешь,
Не съев больше того,
Что лишь было в твоих амбарах.

В могиле сгинешь,
Не прожив больше того,
Что лишь было в твоих карманах.

Прозябал, от родной елани не удаляясь,
Проскрипел, от тесной юрты не отъезжая,

Просуществовал, от изгороди не отходя,
На своей подстилке умрешь, смердя.

Нет,
Я хозяина нашего
Жить заставлю по-своему,
Пока он пригож да молод,
Пока он в цвету и в силе.

Успеет налегаться в могиле.

А когда приутихнут страсти,
Когда поослабнут жилы,
Когда поостынет буйство
По жилам текущей крови,
Кипеть она перестанет,

Тогда, пожалуй, главенствуй,
Тогда, пожалуй, командуй,
Тогда, пожалуй, и царствуй.

Ты, мой товарищ верхний,
Жилец костяной коробки.

1912 г.

Кулаковский А.Е. Сновидение шамана:
Стихотворения; Поэмы: Пер. с якут. Вл. Солоухина
М.: Худож. лит., 1990. С.
88-96.

АНЕМПОДИСТ ИВАНОВИЧ СОФРОНОВ -

АЛАМПА

(1886 - 1935)

Городчик

Обмазанная навозом юрта чернела посередине ровной заснеженной шири аласа. В ранних сумерках зимнего вечера она казалась неестественно большой, объемной и по мере приближения к ней странно увеличивалась в размерах, словно ее выталкивали из земли. Над жильем из трубы камелька изредка взвивались мелкие красные искры. Издали можно было подумать, что кто-то невидимый сильно ударял кресалом по огниву. Взметнувшись роем, искры весело и радостно летели вверх, напоминая какой-то диковинный цветок. Затем они обессиленно опадали, теряясь во мраке. Но из трубы тотчас возносится новый огненный сноп. Обгоняя друг друга, искры вихряются выше и выше, светят ярче, словно их породило вечное неугасимое пламя.

Якутские дороги длинны, а зимой они кажутся бесконечными. Жилье от жилья отстоят далеко. Путник, едущий на худой неторопкой кляче, вконец озябнет, пока доберется до следующего пристанища. Он много часов провел на морозе и, когда впереди, в темном затуманенном небе возникнет живой клубок искр, путник моментально повеселеет, как будто всем своим существом уже ощутил приятную, ласкающую теплоту очага.

Однако, когда он вплотную подъедет к юрте, на некоторое время наступит разочарование. Пусто. Ни души. Мертвая, непробудная тишина залегла вокруг. Только ледяные окошки просвечивают тускло, похожие на глаза кота, притаившегося в укромном уголке.

Да искры беспрерывно сыпятся из трубы, бросая слабые отсветы на поседевшую от инея черную собаку, которая, дрожа всем своим тощим телом, прикорнула на куче щепья.

Пес-то и служит самым убедительным признаком того, что здесь обитают люди.

Сразу поясним, что, черневшая посередине аласа, постройка — совсем не юрта. Это самый обыкновенный хотон. Переоборудовав одну половину его под жилье, в нем коротал зиму Длинный Степан, сын Кривого Ильи.

В камельке, обмазанном глиной, догорали и обугливались дрова. При тусклом неровном свете молодая женщина Дайя чинила прохудившийся торбас. Низко склонившись над работой, она сидела слева от очага. Напротив муж ее Степан молча щепал лучину и озабоченно поглядывал на огонь.

В юрте давно уже стояла полная тишина. Каждый был занят своим и никто не произносил ни слова. Лишь изредка в камельке звучно потрескивало смолье. Где-то ритмично, как часы, поскрипывал сверчок. Из-за камелька, с другой половины, доносилось мерное похрустывание и протяжные вздохи. Там стояли коровы, лениво пережевывали жвачку и шумно сопели.

Иногда огонь в очаге вспыхивал ярче. Свет его озарял жилье. Тогда из мрака проступали заледенелые, в бахrome инея, углы. Доброй-то мебели в юрте не увидишь. Все, что есть из обстановки — невзрачно и убого до того, что наводит тоску.

Степан сидел, погруженный в свои мысли. Он размышлял, как прокоротать эту зиму. Думай* не думай, а, видно, придется резать одну корову. Без этого вряд ли выкрутишься. В самом деле, возможно ли обойтись без муки, без табаку и без чая? К тому же не уплачены еще и подати. Мелкие долги незаметно скопились в довольно крупную сумму. Нужда ведь заставляла занимать у таких же бедняков, как и он. Если честно подсчитать, сколько он всего задолжал, то получится что-то около тридцати рублей.

Сегодня Степан, расхрабившись, наведаясь к соседу - богатому старику. Он питал слабую надежду, что богатч ссудит ему хоть небольшую сумму денег. Однако тот не дал ни копейки.

«Ладно уж. Хорошо еще, что согласился подождать с уплатой моего долга. Но тут другая беда. Соседи-заимодавцы определенно прослышали, что я был у богача. Теперь жди их. Непременно навелят, чтобы забрать у меня деньги», - размышлял Степан.

- Разве они поверят, что жадный старик ничего не дал? - неразборчиво пробормотал он, чтобы не поняла жена.

Мысли перенеслись на коров, мирно отдыхающих в хотоне.

1 Г о р о д ч и к — житель отдаленного наслега, ездивший по каким-либо делам в город.
2 Кресало и о г н и в о — старые приспособления, посредством которых человек добывал огонь.

3 Хотон — специальное помещение для скота.

4 Торбаса — обувь из сыромятной кожи с мягкой подошвой

Какую из них заколоть? До щемящей боли в сердце жалко ему и ту, и другую, и остальных. Да и как не жалеть! У него ведь скота - не табуны! Всего четыре головы. И заколоть одну из них - все равно, что отсечь себе палец.

«Ох!.. Что там охать! Куда денешься? Нужда большая, давит! Помощи ждать ниоткуда... Если я сам покажу вид, что мне жалко, жена совсем осмелеет и не позволит забить скотину... Ну, что ж, пусть будет то, что будет!.. Мясо продадим... какую колоть?»

Степан отчетливо, зримо представил себе своих коровушек. Они как будто выбрались из закутка и выстроились в ряд перед ним, кротко и боязливо посматривая на хозяина.

«Э, что там тянуть, не год же выбирать! Ладно, забьем Яловку. У нее мясо, пожалуй, самое подходящее на продажу!» - решил, наконец, Степан и воровато огляделся по сторонам, словно кто-то мог подслушать его мысли.

Сверчок, облюбовавший себе тепленькое местечко за камельком, заскрипел еще громче, точно поощрял намерение хозяина. И пламя в очаге вспыхнуло ярче, озарив заиндевелые углы. Оттуда лучисто взблеснули рубиновые огоньки.

-Дайя! - обратился Степан к жене так громко и повелительно, что та от неожиданности вздрогнула, вскинула голову и насторожилась. — Так вот. Нынче забьем Яловку. Мясо повезу продавать в город. Накуплю там чаю, табаку. Оставшиеся деньги отдадим за подати. Потроха и голову, конечно, сами съедим, — заключил он, выжидательно косясь на жену. Во взгляде его была и просьба и боязнь.

Дайя оторопела от этого внезапного для нее решения, хотя о бедственном положении семьи знала не хуже Степана.

«Оксе ... Как плохо быть беднейшим из бедных! - подумала Дайя. - Что возразишь ему? Придется разделявать мою ласковую, хорошую коровушку!».

Она неслышно встала, подошла к детишкам, которые кучей спали на ороне, и улеглась вместе с ними. Ответа Степан так и не дождался. Он продолжал одиноко сидеть у затухающего камелька. Немного погодя, тоже забрался под одеяло.

Степану долго не спалось. Непрерывной чередой в голову

Оксе— возглас удивления.

лезли докучливые, надоевшие мысли. В разгоряченном воображении рисовалось, как в юрту к ним бесцеремонно заваливаются заимодавцы и настойчиво, крикливо требуют немедленно возвратить долги. Получив отказ, одни молча уйдут, недовольные. Другие сильно рассердятся. Впрочем, с этими можно сладить. Больше всех его страшил сосед по прозвищу Иван-непоседа.

«Какой он злой! Страсть! Придет, узнает, что денег у меня нет, разъярится, примется, задыхаясь, бегать по юрте, отшвыривать табулетки, размахивать руками...» - поморщился Степан.

В хотоне тягуче, сонно промывчала корова. Степан приподнял голову и прислушался. «Это, пожалуй, Яловка, - определил он. - Ей, бедной, наверное, невдомек, что я собираюсь снять с нее шкуру? А может быть, подсказывает сердце? Все же божья скотина!».

Опять воцарилась ничем не нарушаемая тишина. Лишь сверчок, казалось, еще усерднее и громче высверливал свою бесконечную песенку.

«Что-то раньше не замечал, чтобы сверчок так звонко шумел», - обеспокоенно подумал Степан и в душу его, неизвестно отчего, вползла тревога.

Прежде, бывало, они поужинают, потолкуют о своих немногочисленных насущных делах и со спокойной совестью укладываются на покой. А нынче, должно, всколыхнулись все залежавшиеся мысли о беспросветной тяжелой нужде. Ни день и ни два они копились на сердце. Уж не сверчок ли так растормошил, взмутил думы Степана?

Другие и не подозревают, что в некоторых юртах обитает домашний сверчок. Сказывают, что он селится там, где развелось много клопов. Поэтому-то якуты и окрестили его «клоповым шаманом».

II

На следующее утро, выгоняя коров во двор, они оставили Яловку в хотоне на привязи. Старший, десятилетний сынок моментально сообразил, почему Яловку не выпустили на прогулку. Весь день его не покидало приподнятое настроение, ожидание лакомства. Мальчик весело топал по юрте и распевал во все горло.

Поздно вечером, когда соседи не могли уже навеститься к ним, Степан взял топор, лежавший за камельком на куче дров, и приказал

сыну:

— Нохо, приведи-ка белоногую Яловку!

Поджидая сына, он присел перед очагом и внимательно осмотрел топор. Дая, наклоняя по очереди пустые берестяные ведерки, заглядывала в них и составляла в ряд поближе к огню. Степан и жена готовились к забою с таким видом, словно им предстояло совершить что-то исключительно печальное. Глядя на родителей, приуныл и сынишка, который привел из хотона скотину. Он низко опустил голову и усталился затуманившимся взглядом в земляной пол.

— Дая, поддержи Яловку! - хриплым шепотом попросил Степан, засучивая рукава.

Дая покорно подошла к корове, одной рукой взялась за ее равнодушную морду, другой — за рог, и отвернулась. Лицо ее болезненно сморщилось. Степан что-то нечленораздельно пробормотал и осенил себя крестным знамением. Набрав полную грудь воздуха, он приподнял топор, широко размахнулся и, крикнув, ударил корову обухом в лоб. На подогнувшихся ногах та посунулась назад и, как подкошенная, грохнулась об пол.

Яловку разделявали молча. Степан быстро, сноровисто содрал кожу. Старший сын посвечивал ему лучиной, чтобы отец не порезал невзначай шкуру. Разрубая тушу на части, Степан размышлял: «Хорошо, что мясо не шибко-то жирное!.. Голову мы съедим за два больших зимних праздника, а потроха станем варить в обычные дни!».

Копаясь в теплой, приторно пахнувшей брюшине, Дая думала о своем: «Не приведи господь, если соседи проведуют, что мы забили Яловку! Завтра же, их, черт знает сколько припожалует в гости. Если на стол поставишь мало, в обрез, они уйдут недовольными и будут еще бурчать, что хозяйка скупая, вредная: вдосталь не потчевала их жиром и тревухой. Их ведь нисколько не касается, что нас нужда горькая заставила заколоть коровушку! Им что — подавай угощение и-никаких! Ничего не поделаешь: таков обычай...»

Эти мысли привели Дайю в негодование и она рассерженно прикрикнула на сына, который, мешая, крутился вокруг с горящей лучиной в руках и тайком принаравливался отщипнуть кусочек жира. — Мясо пойдет на продажу в город, а ты портишь его! — укоризненно заметила она.

Между тем, старшая дочь исподволь, незаметно уже наполнила тонким брюшным жиром небольшой горшочек. Брат последовал примеру сестренки. Самый маленький из семьи сидел на загрязнившемся полу и пихал в рот все, что попадало под руку. Средний ребенок, насытившись до отвала, сладко спал.

Камелек сегодня топили специально заготовленным сушняком. Смолье горело ровно, ярким пламенем, озаряя даже те уголки, которые обычно таились во мраке. Иней на стенах оттаял.

Перетаскивая стегна в амбар и прикидывая их примерный вес, Степан с радостью подумал, что мяса, пожалуй, наберется пудов шесть. Если в самом деле будет столько, то вырученных денег хватит рассчитаться с долгами и избавиться от мелких повседневных забот. Сложив мясо к стенке, Степан рукавом рубашки вытер со лба пот. Довольный и возбужденный, негромко сказал жене: — Дружок, Дайя, ты скоро справишься со своим? Наварика побольше требухи. У нашей Яловки она должна быть особенно вкусной. Он взял палку с обгорелым концом и принялся ворошить в камельке поленья, которые и без того горели отлично. Пламя с шумом взвилось вверх, потрескивая и разбрасывая вокруг светлячки-искры. В юрте стало тепло, светло, празднично. Обитатели ее были оживленны, как никогда. Лица их сияли тихой радостью. От недавней жалости к корове не осталось и помину. Старший сынок и дочка занялись делом. Они насадили кусочки брюшины на тонкие листовенничные палочки и поджаривали их на огне. Жир трещал и капал, окрашивая пламя в желтоватый цвет. По юрте разнесся соблазнительный запах поджаренного мяса.

III

В то утро Степан поднялся много раньше обычного. Одевшись с особым старанием, он принялся загружать сани мясом. Тем временем, Дайя вдосталь наварила требухи и по-праздничному накрыла стол. Отделив детям сколько надо, Степан плотно позавтракал и вдоволь напился чаю. Затем молча надел на себя шубу.

Степан собирался в дальний путь неспеша, продуманно. Домочадцы пользовались его неторопкостью и заказывали купить в городе, кому что нужно. Одному — материалу на рубашку, другой — платок. А старший сынок попросил, чтобы отец привез ему сафьяновый ремень.

— Ну, дружок, счастливой тебе дороги. Веди там себя достойно, не балуй, в карты не играй, - ласково напутствовала Дайя мужа. Повременив, она вскользь поинтересовалась: — Сколько дней пробудешь? Когда ждать обратно?

— Недели через две вернусь, наверное, если бычок мой будет шагать проворно, не засматриваться на каждый клочок сена! - шуточно ответил Степан, натягивая рукавицы. — И вы тут без меня живите благополучно!

На улице было еще сумеречно. Степан быстро завел быка в оглобли, накинуд на шею ярмо. Затем ловко взобрался верхом на животину, и сани монотонно заскрипели, оставляя за собой блестящий двойной след. Дети выбежали проводить отца и стояли на морозе до тех пор, пока в туманной дымке не затихло мерное повизгивание полозьев. Озябшие, они вприпрыжку побежали в юрту.

То верхом, то присаживаясь на сани, то ведя быка в поводу, Степан безостановочно продвигался к городу. Он ехал и днем, и ночью. Тишина вокруг была какая-то особенная, непроницаемая. Лишь слабо шумел воздух, вылетающий изо рта, да переливчато повизгивали полозья.

По натуре своей Степан был человеком бесхитростным, мягкосердечным. Он никогда не кривил душой, никого не обманывал. Работал как вол, если не больше, но всю жизнь проходил в короткой потрепанной шубейке. Короче говоря, жил крайне бедно, в нужде. Да еще, на беду, был одержим неизлечимым пороком. Степан вполне серьезно считал, что страсть его родилась на свет вместе с ним и он не в состоянии ничего с ней поделать. Он был заядлым, азартным картежником. Он пристрастился к картам с детства. Но поди, ж ты — никогда, ни у одного двуногого Степан не выиграл ни копейки. Он всегда оставался с пустыми карманами.

Иногда Степана мучило раскаяние за спущенное добро. С тоской он думал, что, если бы не эта пагубная страсть, если бы он не проигрывал заработанное тяжким трудом, он не жил бы так бедно, почти нищенски, не преследовала бы его безжалостно бесконечная нужда.

Впрочем, подобные приступы раскаяния одолевали его не часто и не на продолжительное время. Вдруг подваливало счастье: Степану удавалось где-нибудь малость подзаработать. И вот, он уже

втиснулся в тесный кружок потных, разгоряченных картежников. Степан совершенно забывал тогда о своих недавних благочестивых размышлениях. Как повелось, он проигрывал все до последней копейки и лишь после этого начинал испытывать новые приступы угрызения совести. Возвращаясь домой, он заранее намечал, что нагородить жене в свое оправдание.

Дайя росла сиротой, скиталась по чужим людям. За Степана она вышла не по любви. Куда там! Только бы занять собственный уголок, в котором можно было бы чувствовать себя полновластной хозяйкой.

Впрочем, она уже давно привыкла к мужу. Постепенно они обзавелись своим хозяйством. А когда пошли дети, хлопот Дайе прибавилось. Надо было одевать и обувать семью, доглядывать за малышами и главное— ухаживать за скотом. Все это лежало на плечах женщины. С рассвета до позднего вечера Дайя крутилась, как белка в колесе.

Когда муж, просадив в карты все до последней медной деньги, заявлялся в юрту, Дайя со слезами умоляла его больше не играть, не разорять окончательно семью. Иногда на нее вдруг нападала ярость. Озлобленная вечными нехватками, Дайя на чем свет стоит ругала мужа. Степан сначала покорно сносил ругань и стенания жены, затем приходил в бешенство и набрасывался на нее с кулаками. Бывало, что избивал Дайю так жестоко, что она несколько дней не в состоянии была подняться с постели. Степана это несколько не мучило. Виноватым он себя не считал. Как все мужчины, Степан был уверен, что мужья обязаны бить своих жен. Это послужит им же на пользу. Ничего противоестественного в том Степан не находил.

Пряча лицо от кулаков мужа, Дайя безмолвно сносила побои и тихонько, таясь, плакала. Она считала, что муж обязан колотить жену и тут ничего не поделаешь: такова судьба, веление божье.

После расправы проходило немного времени. Дайя забывала нанесенную обиду и ласково обращалась к мужу:

— Дружочек мой, Степан!

Она не сердилась на Степана, не таила зла. Поэтому они и живут душа в душу более двух десятков лет одним хозяйством, пуская к небу собственный дым.

IV

Полозья саней безостановочно скрипели да скрипели. И наконец доскрипели. Степан въехал в город, весь засыпанный инеем. Он сильно устал и замерз, но не показывал виду. Тихо, с достоинством тащил он за повод своего закуржавевшего бычка, сворачивая из улицы в улицу.

Степан смотрел во все глаза по сторонам и ему представлялось, что вокруг снует масса пешеходов и всадников. Все они страшно торопятся по своим, видимо, очень важным делам. Ни один из них не удостоит Степана даже мимолетным взглядом. Пробираясь вперед, он думал: «Как много здесь людей! Интересно бы узнать, куда они так спешат? Ишь ты, все подряд хорошо одеты! Видать, люди самостоятельные, богатые, словно нарочно родились для жизни в городе. Ох, как они легко и свободно ходят и ездят!».

С непривычки Степан смущался и уступал дорогу всем подряд. Было ясное, тихое утро. В лучах низкого солнца, поднявшегося на край неба, ослепительно сверкали большие окна огромных красивых домов. Степан поглядывал на них с боязливым почтением. Пробираясь серединой улицы, он косился по сторонам и уважительно размышлял о создателях этих домов. По его мнению, они заблаговременно предусмотрели, что все здания будут выглядеть именно так, а не иначе. Вот диво-то! Степану казалось уму непостижимым — как это сразу, вдруг, будто из-под земли возникли и строения и люди. Ему представлялось, что солнце здесь светит ярче и уже заметно пригревает. Увлеченный своими мыслями, Степан забыл про дорожную усталость. И голод как будто перестал мучить желудок, и телу стало теплее.

Белый от инея бык, измотанный круглосуточной ездой, и тот веселее задвигал ногами.

— Эх-ма, как прекрасно, чудесно здесь! - рассуждал сам с собой Степан. - И как мы с бычком: невзрачны и плохи!.. Вот если бы жить мне всегда в городе. Я бы тоже стал хорошо одеваться!

Едва Степан подъехал к базару, многочисленные бойкие покупатели обступили его со всех сторон, перегородили дорогу. Отовсюду наперебой раздавалось:

— Друг, продай мясо?.. Почем продаешь?

Торгуй бар — торговать будешь?

— Торгуй бар?

— Здесь продавай! Чего там!

Горожане орали, перебивая друг друга. Степан опешил, растерялся и ничего путного ответить не мог, да и не знал, к кому следует обращаться в этой неразберихе.

«Ишь, галдят, суетятся, негодники! — неприязненно покопился он на тесную кучку людей. — Не ровен час, еще упрут кусок. Сказывали, здесь это умеют!».

Все же он вынужден был остановиться. Мясо Степан оптом продал одному представительному человеку и взамен получил двадцать пять рублей с копейками. Взяв деньги и тщательно пересчитав их, Степан до того обрадовался благополучному окончанию торга, что у него задрожали руки, а на глаза навернулись слезы. Да и как не возрадоваться! Пожалуй, ни разу за всю свою жизнь он не получал такой огромной суммы и не держал ее при себе. Правда, когда-то давно он получил у одного старика пятнадцать рублей чистенькими. То были первые его деньги, заработанные на подряде. Похрустывая новенькими бумажками, тот старик умильно приговаривал:

— Я своему сынку плачу свеженькими денежками. Это тебе специально за - усердие, чтобы не вспоминал меня, старика, недобрый словом!

Покупатель тоже отсчитал Степану новенькими, — трехрублевыми. Городчику они показались замечательными, какими-то особыми деньгами. Их так приятно было ощупывать в кармане, что он подумал: «Яловка стоила их. Мясо у нее вкусное, жирное».

Когда Степан управился с делами, уже свечерело. Порасспросив встречных, он пошагал к ночлегу. Там, по обыкновению останавливались все, приехавшие из дальних наслегов, такие, как Степан.

Войдя в дом, он увидел много людей. Степан не заметил ни одного знакомого, но тотчас сообразил, что здесь собрался свой брат, приезжий. Обогревшись, он поужинал остатками зачерствевшей лепешки и забрался в свободный угол. Прежде, чем уснуть, Степан накрылся с головой одеялом и ощупал деньги. Удостоверившись, что они в полной целостности и сохранности, он, на всякий случай переложил их во внутренний карман и затянул потуже ремешок. Кто не знает, что сильно уставший человек спит, как мертвый. Деньги у него могут вытащить и даже очень просто. И подозревать не будешь, что

в твоём кармане побывала чужая рука!

Остальные постояльцы вскоре тоже улеглись, кто где нашел удобным. Человеческие тела валялись на полу, как валежник в лесу. Помещение тотчас наполнил разноголосый храп. А Степан, несмотря на усталость, уснуть почему-то не мог. Он беспрерывно подсчитывал в уме, сколько следует оставить на подати и на выплату долгов, во сколько обойдется покупка ситца жене на холодай и детишкам на рубашки. Беспокоило и другое — какой расцветки материал лучше взять? А расцветок здесь — глаза разбегаются. Он мысленно принялся подсчитывать, во что обойдутся гостинцы домашним, но тотчас сбился со счета.

«Да, - вспомнил вдруг Степан, — совсем позабыл толком поговорить с Дайей. Вот еще что надо бы купить. Хоть одну бутылку водки, чтобы угостить хозяина... То-то обрадуются ребятишки, когда увидят материалы и остальные гостинцы, которые я им привезу. И Дайя, конечно, останется довольна!»

Сведущие люди утверждают, что беда сама намечает время, когда ей следует вмешаться в дела человека... Степан лежал и мечтал. Краем уха он слышал, что поблизости, в боковой комнатухе, какие-то люди весь вечер играют в карты. Степан старался не обращать на них внимания, чтобы искушение не перебороло его. Он твердо, неуступчиво сказал себе: — Нет, нет! Играть ни за что не стану! Когда все подарки в уме были распределены, Степан не вытерпел и осторожно, чуть-чуть выглянул из-под одеяла. В боковушке на столе горела свеча, вокруг нее плотно, тесно сгрудились игроки. Кто-то тасовал карты, сноровисто двигая пальцами. Согнув колоду, он с треском распрямил ее. Донесшийся до Степана звук показался очень даже приятным. С нежным протяжным звоном на стол падали и подпрыгивали золотые монетки. Кто-то вполголоса расхваливал счастливую карту, на которую несколько раз подряд пал выигрыш. Другой, наоборот, поносил карту-неудачницу. Немного погодя, он начал браниться с новой силой.

«Бедняжка, наверное, проигрывает, поэтому и ругается больше остальных!» - пожалел его Степан.

— Есть! - радостно выкрикнул кто-то и сильно ударил кулаком по столу.

«Ух, ты! — про себя возликовал Степан. — Если бы мне вы-

пала эта удачная карта. Все деньги моими бы стали!.. Хотя, куда мне, уж тягаться с сидящими за столом! Не стоит и думать... Интересно, на какой карте тому повезло и много ли он взял? Подсмотреть бы, ставил он в цвет масти или наоборот?.. Как же замечательно, когда человеку везет! Спросить бы: по сколько они играют?».

Степан пощупал спрятанные деньги, перевернулся на другой бок, носом к стене, и почесал спину. Кусали клопы. Он плотно зажмурил глаза и попытался размышлять о чем-нибудь своем. Но там, в боковушке, словно нарочно подзадоривая его, опять принялись тасовать карты.

— Т-р-р-р! — донесся до Степана соблазнительный треск колоды.

Зовуще звякнули монеты. Следом установилась напряженная тишина. Степан тоже придержал дыхание, ожидая, что будет дальше. Послышался шлепок и кто-то хрипло выкрикнул:

— На полрубля!.. В цвет масти!

«Ага, вон они как! По мелочи ставят!» — догадался Степан, переводя дыхание.

Раньше случалось, если карта падала удачно, он выигрывал даже целковый. Здешние, должно быть, играют без всякого мошенничества и жульничества. Деньги сразу ставят на кон. Наверное, и у них разрешено вступать в игру и выходить из нее, когда заблагорассудится. Это старое правило.

«Нет, лучше не связываться!» — одернул себя Степан, но тотчас вскинул голову.

— Есть! Бита! — радостно воскликнул тот же голос и последовал удар по столу.

Дремотное состояние у Степана окончательно развеялось. Почему-то особенно настойчиво стали донимать клопы. Он беспokoйно ворочался и ожесточенно царапал тело.

«Все равно эти проклятые твари не дадут уснуть!»- досадливо поморщился он. - Я, однако, встану, посмотрю, как они там развлекаются... Может, и сам маленько поставлю. Нет, больше рубля проигрывать не позволю себе. Один целковый — не велика утрата! В конце-концов, не одноголовый несчастный рубль меня породил! Случалось, не по столько проигрывал — по пяти целковых наличными! Это тебе — не шутка!».

Размышляя подобным образом, он извлек из потайного кармана сверток, развязал его, достал хрустящую бумажку и сунул ее поближе.

«Что это за дело, быть в городе и не поразвлекаться, не поиграть, не увидеть, как сдают карты городские! Позор для меня!.. О чем же тогда рассказывать, когда возвращусь домой? — успокаивал он свою, не очень-то протестующую совесть. — Неужто мне раньше не доводилось просаживать да разматывать добро? Подумаешь — рубль!.. А если повезет? Может, пофартит матушка-карта?».

Степан решительно поднялся с лежанки. Переступая через разметававшихся на полу, громко, заливисто храпевших людей, он осторожно пробрался к столу. С минуту Степан стоял в сторонке, тихонько икал и смотрел на картежников хищным загоревшимся взглядом.

За столом сидел мужчина средних лет с короткими густыми усами. Воротник его рубашки был распахнут до отказа, рукава засучены по локти. Он быстро, сноровисто бросал карты направо и налево. Напротив банкмета пристроились двое, и тот, и другой неважно одетые. Степан тотчас определил, что все трое отчаянные, заядлые картежники. Однако больше всех его почему-то страшил банкмет. Степан подивился его бойкости, развязности и подумал о том, что вот-де городские игроки какие ловкие и разворотистые.

Пока Степан таращил глаза на стол, те двое, плохо одетые, заметили его и перемигнулись между собой.

— Хозяин, брось еще одну картишку, этому вот человеку, нашему новому приятелю, — попросил один из картежников и, уставившись на Степана, приветливо предложил: — Дружище, по твоему лицу и глазам видно, что ты, кажись, человек бойкий, острый, бывалый. Садись с нами за кампанию, сыграй по маленькой.

Он пододвинулся к стене, освобождая место на скамейке, и бросил молниеносный, выразительный взгляд на банкметчика. Тот неторопливо собрал карты в колоду и принялся тасовать с таким важным видом, точно совершал священнодействие. Старательно перемешав карты, он с размаху положил их на стол и прикрыл ладонью. Затем ухмыльнулся, схватил верхнюю карту и бросил ее в сторону нового игрока. Степан неуверенно потянулся было к ней, но отдернул руку. Банкметчик покосился на него, помедлив, нагнулся,

достал откуда-то начатую бутылку водки, плеснул из нее в чашечку и протянул Степану.

— На-ка, дружище, выпей ради знакомства! Не бойся нас. Мы — люди смирные, честные. Обманом и мошенничеством не занимаемся, не плутуем, как некоторые. Честное слово! - наговаривал он сладким голосом.

Откинувшись на спинку стула, банкометчик умолк, терпеливо ожидая, когда Степан выпьет и включится в игру.

Степан никогда еще не пробовал водки, но много слышал, что она поднимает у человека настроение, веселит его. Значит, интереснее будет играть. Поэтому он взял услужливо протянутую ему чашку, опрокинул содержимое в рот и не заметил, как засаленная колода из рук хозяина перешла в его руки. Степан сел на свободный стул, словно бы приготовленный специально для него, и привычно послунывил пальцы.

Примерно через десять незапомнившихся минут три рубля перекечевали в чужой карман. Проигрыш страшно огорчил Степана. Раззадоренный вином, он в нерешительности ощупывал карты и растерянно молчал.

— Дружище, ты, похоже, человек очень бедный, - ласково заметил банкомет и незаметно подмигнул одному из игроков. - Пожалуй, будет лучше, если ты бросишь карты. А то, не дай бог, проиграешься. Как сам-то думаешь, дружок?

Эти проникновенные слова пришлись очень даже по душе Степану. Какой славный, чуткий этот банкомет! В самом деле, однако лучше будет уйти отсюда и завалиться спать.

«А вдруг выиграю?» — мелькнула мысль. Она положила конец колебаниям Степана.

Между тем, банкомет снова наполнил водкой чашечку и осторожно пододвинул ее Степану.

— Выпей еще малость, дружок! — сказал он. — И ступай себе отдыхать!

Возражать Степан не стал — послушно выпил предложенное. После этого решительно поднялся со стула, с видом человека, послушавшегося разумного, доброго совета, и вышел на улицу. Дрожа, как в лихорадке, он вытащил из потайного кармана деньги, переложил их поближе и вбежал в дом.

От выпитой водки в голове слегка кружилось. Степан чувствовал себя легко и весело, словно за плечами выросли крылья. Сейчас ему все было нипочем. Он шумно плюхнулся на прежнее место за столом и потянул с колоды карту.

— На рубль в цвет! — удаło выкрикнул он.

Игроки удивленно переглянулись. Один из них понимающе улыбнулся и потребовал:

— Дружок, когда идут на такую сумму, деньги кладут на кон! Ты должен бы знать этот обычай!

Трясущейся рукой Степан достал деньги, выхватил тройку и небрежно бросил ее на стол.

Не минуло и пяти минут, три рубля безвозвратно были проиграны. И еще один рубль навсегда ушел от Степана. После этого он окончательно раззадорился и перестал здраво мыслить. Он позабыл все свои нужды и надежды. Не вспоминал, ради чего проделал такой путь из наслег в город, ради чего забил свою Яловку. Вздвинченный, разгоряченный, он делал ставку за ставкой и неизменно проигрывал. Комкая потными пальцами бумажки, банкомет не уставал повторять:

— Доставай-ка, дружок, новенькую!.. Были ваши, стали наши!

Степан был, как в бреду. Он не замечал, сколько времени сидит за столом в кругу картежников, сколько просадил денег. Перед затуманенными глазами мелькали лишь карты.

— Ну, хватит! Шабаш! - закричали, наконец, игроки. Они встали» и, без лишних слов, разошлись кто куда.

Только после этого Степан опамятовался. Оказывается, в доме уже было совсем светло. За столом остался он один и перебирал трясушимися пальцами растрепанную колоду карт. Он хотел было пересчитать оставшиеся деньги, но считать было нечего: уцелело всего-навсего две трехрублевки.

Ужаснувшись сделанному, Степан в отчаянии уронил голову на стол и долго пробыл в неподвижности. На висках и на лбу его высыпали капельки пота. Они копились, набухали и блестящими полосками ползли по лицу. В ушах звенело и покалывало. Сердце учащенно билось и ныло. Только сейчас Степан осознал всю тяжесть беды, которую накликfл сам на себя этой угарной ночью. Он мучительно думал над тем, как выпутаться из несчастья, но ничего подходящего

придумать не мог. От сознания непоправимости совершенного, становилось еще тяжелее и горше. Хотелось плакать, но не было слез. Веки казались горячими, как огонь камелька.

Степану до того было стыдно самого себя, что, кажется, будь возможность — он без колебания вознесся бы на небо или, наоборот, провалился бы под землю, если бы она была не такая мерзлая.

«С каким лицом предстану я перед своими? - горестно, подавленно вздыхал он. — Что я натворил?.. Как теперь пережить зиму?».

Особенно мучительно стыдно было детей. Бессовестно обманул! Степан не привезет им никаких гостинцев. Жены он не боялся. Не первый раз он проигрывается и не впервые Дайя будет проклипать его. Степан знал, как отвязаться от жены. Делалось это очень просто. Он гаркал во все горло на Дайю и недвусмысленно подносил к ее носу судорожно стиснутый кулак. Тут без слов жене должно быть все понятно...

«На этот раз не стану лупить ее, бедную! - убито думал Степан. - Пусть поносит меня, как хочет. Ой, как совестно!».

Долго, долго сидел он так, не замечая, что творится вокруг. Между тем, все ночлежники встали, позавтракали и, шумно переговариваясь, уходили по своим делам. Слушая гомон и незнакомые веселые голоса. Степан горевал еще сильнее. Ему не хотелось жить.

Через минуту он тихо встал, боком пробрался на кухню, где чаевали приезжие, и тоже развязал узелок со скудной снедью. Но кусок черствой лепешки застревал в горле. Беспрестанно вздыхая, Степан медленно оделся и незаметно выскользнул на улицу. Оказавшись на дворе, он быстренько накинул на своего бычка ярмо и потянул его за повод.

Лениво переставляя ноги, Степан понуро брел по улице. Сегодня город рисовался ему совсем не таким, как вчера. Казалось, что в городе все переменилось — и дома, и люди, и лошади. Степану думалось, что прохожие подозрительно косятся на него, а некоторые смотрят враждебно. Хуже того, какая-то бродячая собака и та сердито зарычала на беднягу и оскалила зубы.

«Оказывается, я самый глупый, самый дурной на этом свете! - уныло заключил он. - Хуже меня, однако, никого нет. Дернул же меня черт ввязаться в игру! Вот и прохудил карман. Выходит, шибко, шибко плохо, если большой город - батюшка глянет на тебя своим

недобрым глазом!»

У последних домиков Степан взгромоздился верхом на быка, который сразу зашагал проворнее.

V

Дайя давно уже перебивалась без табаку и без чая. Каждый день она наведывалась к кому-нибудь из соседей и брала в долг на заварку чаю и на трубку себердыху. При этом Дайя непременно предупреждала, что как только придет ее Степан, все взятое немедленно будет возвращено. А городчик должен нагреться не сегодня так завтра. Старшие мальчики все чаще выбегали во двор в своих истрепанных накидках, загадывая, кто из них первым уловит скрип отцовских саней. Чутко прислушиваясь, они стояли на морозе до тех пор, пока уши не начинало больно-пребольно щипать. Создавалось впечатление, что кожа трескается, издавая резкий звук:

— Тыс... Тыс...

Заскочив обратно в юрту, парнишки забирались на шесток камелька и отогревались перед огнем.

Теперь каждый вечер Дайя выгоняла на улицу Басыргаса. Она стучала пса обгорелой палкой по спине и приговаривала:

— Лаем предупреди нас о подъезжающем городчике!

Детишки допоздна не могли уснуть и беспрерывно перешептывались между собой.

— Отец привезет мне платок! - бесконечное число раз повторяла старшая девочка и, довольная, улыбалась.

— А мне тятя обещал купить ремень, новенький, сафьяновый! - вторил ей старший сынок и сердце его сладостно замирало.

Мальчик беспокойно ворочался под одеялом. Он вспоминал прошлую осень. Тогда сын Якова ни за что не показал ему красный сафьяновый ремень, который привез ему отец из города.

«На такое добро даже смотреть приятно, а он не показывал! И я не покажу ему свой ремень. Он плохой, жадный, не дал мне простую картинку. Я ведь просил не все, а из двух одну. Погоди, и я тоже...» — думал мальчик, прислушиваясь.

В былые времена возвращение городчика в свой отдаленный наслег являлось целым событием. В юрте приехавшего собиралось много народу — родственники, ближние и дальние соседи. Всем не

терпелось побеседовать с человеком, побывавшим в городе, выпросить у него самые свежие новости. Потом уже, вернувшись в свое жилье, эти новости надо непременно пересказать своим домочадцам, для которых особый интерес представляет, что привез городчик своим. Хозяин должен полностью удовлетворить их любопытство. Он подробно перечисляет, что именно из товаров привез городчик, какого качества, в каком количестве. Дело, по обыкновению, не обходится без преувеличения. Послушать рассказчика, так в самом деле покажется, что городчик привез в свою юрту чуть ли не весь город. У него теперь появилось все, что известно якуту. Нет лишь птичьего молока.

Конечно, рассказчик прекрасно знал, что городчик беден, что в город его погнала нужда, привез он очень и очень мало, только самое необходимое. Но с преувеличениями получалось как-то красивее.

Если соседкам случалось повздорить между собой, то одна укоряла другую:

— Ишь, не пожелала даже рта раскрыть и поговорить с человеком потому, что твой муж ездил в город и переселил половину товаров в свою юрту!

Как правило, в виду имелось событие, совершившееся несколько лет назад.

Эту привычку Дайя знала не хуже остальных женщин наслега. Выгребая из хотона навоз, подметая в юрте земляной пол, или починая торбаса детей, она думала: «Сколько теперь женщин станут поносить, хулить меня, выпрашивая лишнюю щепотку табаку или чаю! Сколько мужиков затаит зло на Степана за то, что он не смог каждого вдосталь угостить водкой!».

Сегодняшнюю ночь маленький сынок вел себя беспокойно — ворочался и хныкал.

«Наверное, он предчувствует человека, дорога которого лежит к нашей юрте... Эх, если бы я была способна видеть вещие сны, как моя умершая мать! Та умела предсказывать все в точности... Как там мой бедный Степан? Пока он не приедет, остатки брюшины Яловки трогать не буду. Мы все же в тепле, можем терпеть, питаться как-нибудь. Обойдемся и без обеда», — лежа в постели, размышляла Дайя.

Себердах крепкий листовой табак.

Она и так уже несколько дней жестоко экономила продукты. Дети не наедались досыта. Они заметно похудели и беспрестанно приставали к матери, выклянчивая кусочек лепешки.

VI

Долго, очень долго ехал Степан. Он ехал днем и ночью. Сзади бесконечную слезливую песенку тянули полозья саней. И чем ближе к дому, тем тоскливее, безотраднее становилось на сердце Степана. Унылое отчаяние тяжелым, невидимым грузом давило на плечи.

«О, как худо мне!» — вздыхал Степан, рассеянно поглядывая на стройные заснеженные лиственницы.

Он картинно представлял себе: вот подъезжает к юрте с протянувшимся к небу дымком. Во двор выскакивает старший сынок. На нем чиненая - перечиненая рубашонка. Увидев отца, он приоткрыл дверь и восторженно закричал:

— Мама!.. Мама, тятя приехал!

Вот он, раскинув ручонки, мчится к отцу, бросается ему на шею, горячо обнимает и спрашивает:

— Как, тятя, сафьяновый ремень привез? Где он? Покажи!

В этот момент из юрты выбегает простоволосая Дайя. За ней наперегонки несутся остальные ребяташки. Все они радостно возбуждены, оживлены долгожданной встречей.

Что же Степан ответит старшему сыну? Узнав, что отец приехал пустой, ничего никому не привез — дети горько заплачут. Дайя понуро сгорбится. Алдяххай. Хуже и быть не может!.. Непрошенные слезы поползли по щекам Степана. Они падали на воротник и моментально превращались в тоненькие хрупкие сосульки.

— О, какое горе я принесу всем! Больше никогда, никогда не сяду играть, пусть мои руки отсохнут! — всхлипывая, прошептал Степан и выдрал из воротника сосульки.

На свой алас он въехал вечером, когда на западе исчезла последняя полоска зари. Посередине поляны чернела его юрта. С каждым шагом быка она увеличивалась в размере, точно вырастала из земли. Из трубы снопом взвивались яркие искры. При виде их Степан так смутился, что лицо его будто опалило огнем.

«Лучше бы я не ездил в город. Спокойно сидел бы себе дома

Алдяххай — беда.

и все было бы хорошо. А вот так возвращаться... Славно было бы, если детишки уже спят, а Басыргас бы в юрте. Он, вредный, хозяина издалека зачует! Примется лаять», - думал Степан, зябко поводя плечами.

Он медленно подъехал к воротцам. Остановился. Кругом непробудная тишина. Только из трубы непрерывающимся потоком летели искры, ярко вспыхивая на миг, озаряя заснеженные стены юрты.

Дрожа всем телом, как разгоряченный конь, напившийся студеной воды, Степан осторожно бесшумно сдвинул жерди, освобождая проход.

- Не играть бы мне больше! – невнятно пробормотал он одувшими на холоде губами.

* * *

Не прошло и месяца после возвращения Степана из города, а по наслегу уже распространился слух, что он проиграл какому-то человеку трехгодовалого бычка...

После этого случая Степан ходил по соседям и всех убеждал, что у него такая уж неисправимая страсть к картам, что она родилась вместе с ним и что ничего с собой поделать он не в состоянии...

1924 г.

Якутские рассказы.
Якутск, Якутское Книжное Издательство, 1962
Пер. с якут. Ю.Шамшурин С. 11-33.

Николай Денисович Неустроев
(1895-1929)

Балыксыт Платон

Интересно бы знать, кто предопределил, что именно вот на этом самом месте выросла такая дикая тайга? Могучие чернокорые деревья заслонили собой и луну, и солнце.

Действительно, лес дремучий, могутный!

Ишь, какая тайга вымахала на вечной мерзлоте! Деревья смело вознеслись ввысь. Как бы негодую, что своими остроконечными

макушками не могут скрести голубой купол небосвода, лиственницы покачивают пирамидками вершин. Они шумят глухо, недовольно, безостановочно днем и ночью.

И ты стараешься ступать как можно тише, словно боишься помешать невнятному перешептыванию деревьев. Ударяя со всех ног, впереди иногда промелькнет трусишка заяц. На верхушке листвяшки изредка завиднеется черный длиннохвостый глухарь. Он сидит, задрав голову кверху, словно ведет мудрую беседу с вечно чистым небом. И мнится, что они говорят о чем-то своем, таинственном и непостижимом.

В середине этой дремучей тайги поблескивает мелкой волной круглое провальное озеро. Выйдешь к нему из наскучившей своим однообразием черной чащобы, и очень удивишься, не обнаружив пологих берегов. Замшелая земля отвесно обрывается в воду. Мертвые деревья с обломанными верхушками и сучьями, с отставшей корой, наклонившись вкривь и вкось, уныло торчат из воды. Жалкий вид их наполняет сердце щемящей тоской, угнетает мысли и чувства.

Впрочем, в остальном озеро как озеро.

На огромной лиственнице со срезанной макушкой выделяется гнездо скопы — птицы-рыболова. Оно напоминает растрепанную прическу курчавоволосого дикаря, которую срезали острым ножом и насадили на дерево.

Через равные промежутки времени птица-рыболов вылетает из своего раскосмаченного прибежища. Плавно, размеренно взмахивая крыльями, она кружится, парит над озером, зловещая и безмолвная, как привидение. Затем бесшумно исчезает вдаль. Не подумайте, что и там, где-то за лесом, скопа издаст хоть один звук. Нет. В молчании птицы есть что-то жуткое.

Но может ли щедрая, благодатная природа обойтись без какой-нибудь приятной взору птицы или зверушки, живым голосом дающей знать о себе? В самом деле, смотрите-ка! Над серединой озера, выделяясь серебристым оперением, мелькает черноклювая, краснолапая чайка. Она издает резкие, хриплые крики. Эхо не подхватывает их и они моментально глохнут.

Чайка-мартышка, узкая спереди и широкая сзади, кажется, состоит из крыльев, хвоста и перьев. Она, как деревянный волчок, беспрерывно мечется над озером. Иногда птица, пронзительно вскрик-

нув, стремительно падает в воду и тут же винтом взмывает кверху. Чудится, что она мучительно стонет и рыдает, жалуясь кому-то на свое безутешное горе. И трудно понять, к кому обращены ее стенания. Или к приветливому ясному солнцу, сияющему в зените беспрельдно лазурного неба, или же чайка просто негодует от обиды, что не успела схватить черноспинного гальяна, юркнувшего в глубину.

Интересно, бывал ли в этой таежной глухомани двуногий? Может, в конце или в начале года, преследуя зверя, здешними местами прошел человек? Возможно, он краем обогнул лесное озеро, круглым зеркалом лежащее в обрамлении сплошной крапчатой зелени? Очень вероятно, что он обратил внимание, как в озеро смотрятся низко ползущие облака и, развлекаясь, заглядывает ясное солнышко, стянув в одну точку весь блеск безгранично сияющего неба.

И как-то не верится, что на необъятных изумрудных просторах могучей замшелой тайги не обитают разумные существа. Так и есть! У западной курейки лесного озера, на самом мыске, густо поросшем молодым кудрявым лиственничником, каждый вечер к небу одиноко протягивается сизый дымок.

Если пройти на мысок, там обнаружишь убогий шалашик из корья. Оно примостилось у самой воды — человеческое пристанище, покосившееся, почерневшее от копоти и дождей. Перед шалашом слабо дымит костер. На боку валяется древний, выкованный, наверное, еще во времена Дыгына, медный котел. Он весь измят, а края выщерблены. Тут же в беспорядке раскиданы несколько берестяных чабычахов. Ложбинка вблизи жилья засыпана рыбьей чешуей. К лиственнице с затесанной корой прислонено несколько вершей.

В шалаше никого нет. Однако, повернувшись к озеру, можно сразу же заметить человека. Он сидит в утлой лодочке и медленно, нехотя гребет к берегу, где притулился шалашик. Немного погодя, мелькнув в куртинах пожелтевших камышей и разогнав по сторонам мелкие морщинки-волны, в берег мягко, бесшумно ткнулась носом старая обветшала ветка. Из нее с большими предосторожностями выбрался дряхлый старик.

— Здравствуй, балыксыт Платон - бог рыболовства Сыараанда-кюлюк! - приветствовал я хозяина сих мест. - Ты стал настоящим

Балыксыт — рыбац.

Озеро, образовавшееся на месте протаивания вечной мерзлоты.

духом-охранителем этого величавого, тихоструйного лесного озера! Оказывается, сегодня счастливый день: я смог увидеть тебя, буду говорить с тобой, стану слушать твой голос!

Не сердитесь, друзья мои, слушатели, я давно собирался поведать вам о рыбаке, которого звали Платоном. Но, увлекшись описанием красот безмолвного таежного озера, зря потратил на это столько драгоценного времени. Ну, ничего, рассказ ведь сплетается из отдельных слов, подобно тому, как из конских волосков плетется сеть.

... При звуках моего голоса старик повернулся ко мне и, не выказав ни удивления, ни радости, тихо спросил:

— Что поделяваешь в наших местах, юноша?

— Э-э, брожу по лесу, промышляю маленько. Надеюсь, что покровитель охоты чем-нибудь да и осчастливит меня! А ты, старый человек, как живешь-можешь? - в свою очередь поинтересовался я, пристально вглядываясь в старика.

— Живу ничего, благополучно. Да вот беда — добычи мало! - прошамкал старик и отвернул лицо в сторону, точно был недоволен моим посещением.

Затем, упершись узловатыми пальцами в землю, он низко склонился над костром и, вытянув бледные, бескровные губы, принялся шумно вздывать огонь. Из очага взметнулся холодный пепел и серым пухом осыпал лицо старика. Не обращая на это внимания, он продолжал дуть на ярко заалевшие угольки.

Глядя на неуклюже согнувшегося человека, мне почему-то захотелось смеяться. И я невольно улыбнулся своему нелепому желанию.

— Что ты смешного увидел, друг? - поинтересовался балыксыт, бросая в разгорающийся огонь мелко наломанный сушняк.

— Э-э, просто так! Смотрю на зеленый лес, на тихое озеро и — радуюсь!

Поднявшись от костра, Платон подхватил котелок и чайник, не говоря ни слова, старчески торопливым мелкошажьем затрусил к воде. Задевая друг о друга, шаркали худенькие торбаса.

О, лесное пугало! Ты очень редко встречался с людьми, давно

Дыгыны — один из предводителей якутов к моменту прихода русских в Якутию.

Чабыхахи — оригинальная якутская посуда из бересты.

Ветка — легкая лодка.

покинул свою юрту, превратившись в отшельника. Постоянно находясь наедине с самим собой, ты сжился, слился с тайгой и озером. Теперь тебе только и осталось, подобно медведю — владыке лесов, выкопать берлогу и, однажды, завывать по-звериному дико. Как ты одичал, человек! Стал жить, как та вон птица — скопа-рыболов, — бесшумно, словно привидение.

Я размышлял о судьбе старика с оттенком жалости и досады. Между тем, Платон нес в оттянутых руках со скрюченными пальцами наполненные до краев котелок и чайник. Руки дрожали и капельки воды бисеринками падали на землю.

Незаметно, но внимательно, изучающе я рассматривал внешность старого нелюдима. Лоб у него прямой, несколько суживающийся кверху. Пряди седых волос отливают желтизной. Цвет их удивительно гармонирует с завядшими камышами у лесного озера. Нос мясистый и довольно длинный. Воздух с сопеньем проходит через него. Очевидно, старик с избытком зарядил ноздри нюхательным табаком. Между тонкими прямыми губами проглядывают несколько уцелевших зубов. На подбородке, не прикрывая морщинистой кожи, росла тощая, реденькая борода. Опаленное летним зноем, выдубленное лютой зимней стужей, обветренное метелями и пургами лицо его кажется выкованным из самородной меди, которое, не поленившись, расписал кузнец глубокими извилинами морщин. А вот глаза у старика ясные, лучистые. Они не потеряли своей былой ястребиной зоркости.

У Платона привычка — во время разговора не смотреть на собеседника. Он, видимо, боится встретиться взглядом с себе подобным и поэтому беспрестанно блуждает глазами.

— Если я рыбки сварю, покушаешь, дитя мое? - спросил старик.

Он подцепил чайник своими пальцами-коряжинами, повесил на крюк и опустил над огнем.

— С удовольствием и сколько угодно! - живо отозвался я.

— Неужели отказываться, если ты обещаешь угостить без ограничения! Действительно, давай-ка, вари карасей покрупнее и побольше!

— Хе-хе-хе! Откуда сейчас быть крупному карасю-то? Похоже, нынче наша «матушка» рыбкой нас не очень-то намерена баловать! Видимо, что-то не понравилось ей, чем-то не угодили.

— Скажи-ка, старина, сколько уже лет ты кормишься возле этой «матушки»?.

— Хе-хе-хе!.. Исстари! С малолетства, с той поры, как научился распознавать людей. С тех пор, как помню себя, все на этом берегу. Да-а, поди много времени уже миновало. Мне-то откуда знать! Одряхлевший, выживший из ума человечешко!.. Хе-хе-хе!

— А сколько лет подряд ты рыбачишь здесь, не отрываясь от груди «матушки»-кормилицы?

— Лет десять, однако, будет, — прикинув в уме, ответил Платон. - Я поселился на этом месте, когда умерла моя старуха. Мне стало трудно справляться с домашней работой, я бросил все, перекопал сюда и стал ловить рыбу. Ох-хо-хо! Оказывается, старость — проклятое мученье. Я теперь немощен и даже не могу справиться с ловлей рыбешки. Но все равно полегоньку двигаюсь, ползаю...

Рассуждая, старик ловко счищал с рыбы чешую. Не споласкивая, бросал карасей в котелок. Затем пристроил посудину над огнем. Усевшись возле меня, он неспеша набил табаком трубку. Вырезанная из лиственничного корня, она была без чубука и насквозь пропиталась никотином.

Платон оказался заядлым курильщиком. Он с наслаждением набирал полный рот дыма, долго не вы пускал его, раздув до отката щеки.

Вдоволь наговорившись, я прилег на траву и довольно долго молчал, слушая невнятный шум леса. В это время за озером возник какой-то странный, незнакомый гул. Вершины деревьев взбудораженно заколыхались. Мощный вихрь вырвался из чащобы, с размаху ударился о спокойную озерную гладь, рассек, замутал ее и, бешено вращаясь, помчался к восточному — противоположному от нас — берегу.

— О, оказывается, вихри и в этих местах разгуливают! — удивился я.

— Хе-хе-хе-хе! Правильно заметил, друг! А то как же? Это ведь дух — «хозяин» озера — навестил нас. Он любит так вот иногда разбежаться.

— Ясно. Такое большое, славное озеро непременно должно иметь своего духа-охранителя! Ты, старина-Платон, всю свою жизнь безвыездно провел здесь, на берегу озера, возле своей «матуш-

ки»-кормилицы. Признайся, хоть раз, когда-нибудь, ты подсмотрел своими глазами его самого — духа-охранителя?

Балыксыт долго сидел в глубокой мрачной задумчивости, уставившись немигающим взглядом в огонь. Наконец сказал:

— Доводилось. Хорошо помню, как позволил однажды взглянуть на себя. Да вот не смог я точно заприметить, какая у него наружность. Но все равно знаю, что то был он — владыка озера.

В это время в котелке вскипело и на костер полилась пена. Старик проворно вскочил и деловито принялся помешивать варево из карасей. Потом опять присел рядом со мной.

— Как-то вечером плыл я на лодочке возле того берега, — рассказывал Платон, — и почему-то хорошенько не присмотрелся к камышам, а «он» там черной собакой притаился. Увидел меня, вошел в воду и потерялся, словно утонул. Мне это очень даже не понравилось. В ту ночь я от страха шибко плохо спал. Вот так-то дух-хозяин озера и дал мне знать о себе. Потом уж, через несколько лет, в ту зиму, как умереть моей старухе, лед на озере вдруг полосой вздыбился от берега к берегу. Определенно, дух-хозяин его взломал. Старые люди давно еще говорили, что «он» может превращаться в громаднейшего рогатого быка. Рогами-то он и взламывал лед. Выходит, те люди правду сказывали. Перед тем, как в наслеге кому-нибудь умереть, на озере всегда беспокойно бывает. Что-нибудь да стрясется. Это «он» предупреждает...

Старик умолк и долго, сосредоточенно смотрел на таинственно поблескивающее озеро. Я тоже молчал и незаметно, но внимательно разглядывал Платона.

Похоже, он что-то пытается воскресить в памяти, усиленно о чем-то размышляет. Но кто сумеет разгадать, о чем именно думает старый нелюдим в эту минуту?

Но вот он, опершись на колени, тяжело поднялся и пошел к затухающему костру. Через минуту вернулся и поставил передо мной котелок с рыбой.

Я начал лакомиться отличнейшими карасями. Древний насельник этих мест в свою очередь принялся расспрашивать меня обо всем на свете, даже о русском царе. Я постарался, как умел, добросовестно и подробно выложить ему все, что было известно мне. Честно признаться, у меня и в мыслях не появлялось, что старик способен

думать и толковать о таких отвлеченных, далеких от него предметах.

Из беседы я вынес убеждение, что балыксыт несколько не хуже остальных людей. Мне было вполне понятно, что мысленно он больше витал где-то в несусветных далях, как вон та скопа-рыболов, беззвучно парящая в воздухе.

Вдосталь отведав жирных карасей, я поблагодарил хозяина и собрался уходить. Увидев мои сборы, старик непритворно опечалился. Он горько улыбнулся и недовольно спросил:

— Нохо, милый мой, ты уже собираешься покинуть меня?.. Хотя да, к чему задерживаться здесь, зачем терять время с дряхлым, выжившим из ума старым бесом. Если бы я был Молод, тоже не сидел бы, как привязанный, на одном месте, а странствовал бы по земле... Хе-хе-хе! Если доведется навестить меня в другой раз, принеси гостинцев — табаку. А я тебе славных карасиков приберегу.

Я пошагал к лесу. На опушке остановился и оглянулся. Бедный старик, один во всем свете, сгорбившись, медленно ковылял к берегу по тропинке, протоптанной им.

Тихоструйное, молчаливое, лесное озеро! И ты — «матушка»-кормилица! Скоро, возможно, очень скоро вы потеряете своего единственного хозяина-насельника...

Осенью того же года я услышал, что старого рыбака нашли мертвым на берегу своего озера. Окрестные жители, проведав об этом, вздыхали и жалостливо говорили:

— О-о, бедненький старичок, преставился!.. Чему быть, того не миновать!

Впоследствии мне рассказали следующую выдумку о последних днях и часах рыбака Платона:

Темнющей осенней ночью, досыта наевшись карасей, Платон улегся на свое жесткое ложе и накрылся дохой, которая по возрасту была, быть может, много старше своего хозяина.

Вскоре он уже крепко спал в своем шалаше из корья. Внезапно его разбудил какой-то гулкий, странный шум. Приподнявшись с лежанки, Платон обратил внимание, что дверка шалаша распахнута настежь. Дремучая тайга глухо, угрожающе гудела. На озере ревели и бесновались вспененные волны. Чистое лазурное небо сплошь затянули черные, слезливые тучи. Следом разразился страшный ливень. За его темной зыбучей пеленой невозможно было ничего разглядеть.

Казалось, что неистовый порыв бури всей своей мощью обрушился на жалкий шалаш, точно намерен был разметать его, разнести в прах.

Напуганному расвирепевшей природой старику было уже не до сна. У него мучительно разболелась голова, сердце учащенно билось. Такого никогда еще с ним не было. Вдобавок старика донимала жажда, а тело горело огнем, будто его обложили раскаленными углями.

«Ишь ты, кажись, захворал я!» - подумал балыксыт.

Он опять улегся на постель и накрылся дохой. Неистовый гул и вой бури, переливчатый стук проливного дождя еще более усилились.

Жажда одолевала Платона. Он хотел подняться, чтобы отыскать воду и промочить пересохшее горло. Однако встать старик не смог. Он лишь немного приподнялся. Голова тотчас со звоном закружилась, желтые искры замелькали перед глазами. Теряя сознание, он упал ничком на холодную землю. Тяжело, мучительно застонал.

— Эх-ма, видимо, приспела пора умирать! Сил больше нет. В жизни я не знал, как это люди стонут! Значит, вот-вот наступит миг и — день мой закатится во тьму. Прощайте, люди, и ты, темная тайга...

Так грустно и печально рассуждал беспомощный старик. По морщинистым щекам его струйками бежали слезы. А ведь он не плакал даже тогда, когда перестала шевелиться его старуха. Дышать рыбаку становилось все труднее и труднее. Откуда-то стало наплывать черное бездумье. Видимо, смерть подступила к нему вплотную.

В непродолжительное затишье между шквалами старику, скорчившемуся в предсмертных судорогах, вдруг явственно, вполне отчетливо послышалось: на берегу озера громко залаяла собака.

«Дух-хозяин напоминает о себе!» - подумал холодеющий рыбац.

Вскоре кто-то подошел к нему и подергал за ноги. От неожиданности старик привскочил и, дико озираясь, сел. Размазывая по скулам грязь, он торопливо вытер слезы и пристально всмотрелся в какой-то неясный силуэт. У входа стояла его давно умершая старуха подслеповато заглядывала внутрь шалаша. Разглядев Платона, она, по обыкновению, принялась бранить его:

Н о х о — обращение старшего к младшему.

Преставился (старорусское) — умер.

— Вставай, старик! Полнобуйтесь, до чего же крепко дрыхнет этот окаянный бездельник! Ну, поднимайся! Пора идти!

— А куда мы пойдем в такую страшенную ночь!- голосом обленившегося человека поинтересовался Платон.

— Он еще сидит и мелет всякую чепуху! - возмутилась старуха. - Не слушаешься!..

В ярости она вцепилась ему в плечи, сдернула с постели и начала щедро одарять бедного рыбака пинками и тумаками. Затем подхватила его. Они легко оторвались от земли и вихрем понеслись куда-то...

«Окаянная, еще утопит человека в озере! Страсть-то какая!» - мимоходом подумал старик. Это была его последняя мысль.

...После кончины балыксыта минуло несколько лет.

Как-то я преследовал в тех местах быстрого лося, но упустил его. Возвращаясь обратно, заблудился.

Долго я плутал по дремучей замшелой тайге и внезапно оказался у обрывистого берега большого лесного озера. Внимательно осмотревшись, я понял, что попал на то самое озеро, которое некогда кормило рыбака Платона. Добрым словом вспоминая о нем, я зашагал к мыску, где когда-то одиноко стоял шалашик. От человеческого жилья остался лишь темный сгладившийся след. Под раскидистой лиственницей валялось несколько трухлявых обломков от воронок вершей. Я повернулся к зарослям камыша. Там слабо белело днище сгнившей лодочки-ветки, на которой в былые годы плавал старик.

«Эх-ма, бедный старый рыболов! Исчез ты с лика земного и даже памяти о тебе не осталось. Едва ли кто из людей еще поселится здесь, у лесного озера».

Печально размышляя о судьбах человеческих, я знакомой, но уже заглохшей тропинкой выбирался из леса. Поднявшись на пригорок недалеко от платоновского стана, остановился и еще раз осмотрел окрестности. Сверх всякого ожидания поблизости я обнаружил расчистку, засеянную ячменем. Кто-то не побоялся непролазной таежной глухомани, раскорчевал небольшой участок и занялся земледелием. Густой, ровно поднявшийся хлеб уже начал колоситься.

«Смотри-ка, ты оказывается, хлеб растет! - удивленно подумал я и по наитию определил: - Наверное, сын балыксыта здесь сеет... »

Налюбовавшись зеленью, я задумчиво пошел вдоль изгороди, которой была обнесена пашня. Вскоре передо мной возник небольшой холмик. На вершине его виднелся могильный бугорок и над ним — крест. Старого рыбакова, оказывается, похоронили здесь. Видимо, кому-то он завещал, чтобы его не увозили далеко от озера, так долго кормившего его.

Я остановился над могилой старика и снова оглянулся на озеро. Расцветенное яркими лучами летнего солнца, оно искрилось, переливалось всеми красками радуги, разбрасывая вокруг голубые отблески.

В эту минуту лесное озеро было величественно-спокойно и очень красиво. За красоту его, наверное, и любил рыбак Платон.

1924 г

Якутские рассказы.
Якутск, Якутское Книжное Издательство, 1962
Пер. с якут. Ю.Шамшуриной С. 33-44..

ПЛАТОН АЛЕКСЕЕВИЧ ОЙУНСКИЙ
(1893-1939)

Видение кожемяки

Пожалуй, все знают старого Сюэдэрэпяна, который ворочает мялкой, как всадник лошадьё. Если не встречались, познакомимся. Кожемяка — это я и есть.

Всю жизнь мне выпало спать в темном углу за камельком, где сплошь кишат черные кусачие твари. Кормили меня невкусными, тощими объедками. Но я не привередлив. Все подчистую убирал со стола. Ничего, иногда наедался. К слову сказать, не посчитайте меня вдовым. Я еще юноша: девушек не ласкал, жены не заимел. Не до того было. Если уж встречаются святые в этом срединном мире, то один из них, конечно, я!

Коль у камелька началась дружеская беседа, не пристало мне сидеть в стороне и молчать, посасывая трубку. О чем же вам поведавать? Разве о привидениях, о злых и добрых духах, незримо населяющих землю? Можно и о них. Кое-что интересное знаю. Итак, я

начал. Слушайте.

Дело было зимой. Однажды я мял кожи славному человеку, сыну Бэлэс, которого люди еще звали Уйбаан-потеха. Помню, вечер выдался ничего, хороший. В большую, скрепленную в трех местах, чашку из лиственничного наплыва, с шумом и плеском, налили похлебку из кислого молока. Эту добрую посудину, с уважением и почтением, преподнесли мне. В еде я неприхотлив. Мне все по вкусу, лишь бы больше было. Но тут я вроде бы смутился, помедлил приличия ради. А как съел похлебку, и сам не заметил. Потом языком так обработал чашку, что она заблестела, как натертая суконкой.

Посидел немного и вышел из юрты.

На улице трещит, лютует скрипучий негодник мороз. Окрестности затянула мгла. Снежинки, твердые, как алмазные опилки, взметнувшись столбом, кружились в вихре. Я задрал голову к небу — сплошная темень. Ни луны, ни звезд. Тихо. Лишь в просторной, как у сказочных великанов, затиши звонко похрустывает сеном удалой бегун. Надежный жеребец — гордость славного человека Уйбан потехи.

Повернувшись на своих ноющих, расхлябанных ногах, я потащился обратно к юрте. У славного человека, которого люди прозвали Уйбаан-потеха, замечательное жилье. Сугробы снега как будто вдавили его в землю и оно, бедное, словно задыхается и стонет под их тяжестью. Из трубы беспрерывно извергается багровый огонь, обрамленный искрами. Живое пламя старается отпугнуть от крыши жуткую мрачную ночь. Тщетно! Не осилить маленькому огоньку безграничную темень! Яркие искры, на лету превращаясь в сажу и пепел, густо оседают вокруг дымохода. Беззвездная ночь, словно обретя в этой мгновенной неравной борьбе еще большую силу, наваливается непроницаемой завесой, свирепеет и ярится.

В юрте сумрачно. Тишина — ни звука. Только с орона чуть-чуть доносится: «С-С... Сылла "...» Это сопит носом почтенная женщина Матайэр Мария. В камельке из-под остывающего пепла нет-нет да и сверкнет звездочкой уголек. Затем снова навалится безмолвный мрак.

Если бы я, горемычный, имел собственную юрту, я бы, как полновластный хозяин-распорядитель, развалился на ороне, что устроен напротив камелька. С одного бока у меня была бы жена, с

другого — стенка. Благодать! Беззаботно хлюпая носом, я тоже выводил бы: «С-с... Сылла!» Я бы наслаждался сладким покоем под теплым заячьим одеялом.

Мечтая так, я раскинул в холодном углу на лавке сухую, покоробленную шкуру быка. Немятая, она жестка, как железо. О, как плохо лежать на такой! Между прочим, на эту самую шкуру я еще днем обратил внимание. Она была рыже-пегой масти.

Тут по моему костлявому телу пробежали мурашки. Я подумал, что это не иначе, как шкура жертвенной скотины. Она была нужна шаману при камлании. Цвет ее самый подходящий — рыже-пегий. Ну, теперь, поди, во сне кошмары давить будут. Измучаюсь до утра. А подстелить больше нечего.

Только я, пригревшись, задремал, твердая постель моя вдруг захрустела и начала слегка колыхаться. Меня даже в дрожь бросило. Сердце заныло. Испуганный, я сел на лавке, осмотрелся. И что бы вы подумали? Оказывается, я сижу верхом на живом рыже-пегом быке!.. Огус как прыгнет, только свист, вой в ушах раздался и в глазах замелькало. Когда я пришел в себя, вижу, прямо подо мной зияет черная прорубь.

«Выходит, я не ошибся. Эта шкура в самом деле снята с быка, которого шаман принес в жертву злым духам!» - подумал я.

Напасть-то какая! Тут огус поддал задом и я полетел головой прямо в прорубь. Глазом не успел моргнуть — бултых в ледяную воду! Только шум и плеск пошел. Вокруг меня сразу все потемнело. В голове помутилось.

Очнувшись, я вытаращил глаза и удивился: неужели и мертвые способны приходить в сознание? Чудно! Посмелее мне стало. Огляделся. Оказывается, я стою на четвереньках на ледяном дне какого-то озера. Но холода почему-то не чувствую. Дышу свободно, не захлебываюсь. «Эгэ,- думаю,- значит, я в самом деле умер!» В озере человек непременно захлебнется.

Я понемногу расхрабрился и попробовал шевельнуться. Сразу же возле меня в воде появились пузырьки, мелкие, как бусинки. Пригляделся и глазам своим не верю: ведь это тело мое худосочное сплошь из водяных бусинок слеplено. Сияю я, сверкаю, переливаюсь, как радуга. Вот диво-дивное!

Подводные травы вокруг меня сплошь украшены ледяными

сосульками. Висят неподвижно, как будто оцепенели. Над головой лед, что твое голубое небо. В нем повсюду поблескивают красные и зеленые крапинки. Удивляюсь: никогда такого не встречал, когда живым был.

«Эгэ, — сообразил я, — в самое царство водяных духов попал!»

Смотрю туда, сюда и — дивлюсь. Вдруг кто-то быстро подплыл ко мне и издал звук: «сыр!» Пригляделся — рыбка гальян длинной с чехол моего быхака. Брюшко у нее белое, нежное. Золотистые плавники насквозь просвечивают. На серебристой спинке, на боках разноцветно переливаются водяные бисеринки.

«Жирная. На вертеле бы ее поджарить!» - подумал я. Давно известно, что голодному волку теленок снится. Я протянул вперед руки с растопыренными пальцами и попытался схватить рыбешку. Но в воде забулькало. Возле рук моих моментально взбилась белая пена, вверх посыпались пузырьки. Когда чуть посветлело, вижу — не гальян, а кто-то другой уже передо мной плавает. Руки, ноги раскорячены, как у лягушки. Раздутый живот выпятился книзу. Выпученные глаза, холодные и мутные, как у сумасшедшей. Я с отвращением рассматривал чертову девку. А она вдруг обняла меня, да так крепко, что я шевельнуться не смог. Стою, как замороженный. «Ну-ну! Ну-ка, смелей!.. Ох, и заждалась я тебя, дорогой ты мой!». И противным слизистым носом понюхала меня в щеку. От ужаса я вскрикнул и поймал ее за горло. Однако голая ослизлая кожа не удержалась в пальцах. Тогда я вцепился в волосы чертовой образины. Они были редкие и крепкие, как медная проволока.

— Хотя и неженатый я, но как смеешь ты, противная вонючая гадина, соваться ко мне с нюханьем-поцелуями. Мерзкая ты тварь болотная! Шлюха, я вырву из тебя боевую жилу! - в отчаянии кричал я, вырываясь из объятий.

Я начал было пинками и кулаками отбиваться от проклятой девки-жабы, но поскользнулся на льду и опрокинулся на спину. Когда привстал и глянул на руки - опять чудеса! На пальцы намотались мягкие, длинные волосы. Казалось, они уже кем-то были расчесаны на золотистые пряди. Я сидел остолбенелый и ничего не пони-

О р о н ы — узкие лежанки вдоль стен в якутской юрте.

"С-с... Сылла" — звукоподражание словам "нюхай", "целуй".

Матайэр — эпитет, означающий "выставившая", "выпятившая" брюхо.

мал. Вдруг пряди волос, разламываясь, на моих глазах начали превращаться в кучки золотых рублевиков. Сверкая и переливаясь, они неслышно текли меж пальцев. Я попробовал подгрести их к себе, но не прихватил ни одной монеты. Падая на дно, золотые денежки моментально превращались в мох. Я снова рукой попытался подцепить монеты, и опять не поймал ни одной.

Обида и злоба охватили меня. Я чуть не заревел благим матом. «Такого, как я, дурака, наверное, на всей земле не сыскать! - ругал я себя. - Надо было выдрать с жабьей головы все волосы и запихать их себе за пазуху, не обронив ни одного. Тогда бы деньги не превратились в мох!»

Получилось, как в поговорке: «Худая собака сама отвернулась от полной чашки». Какими только обидными словами я не обзывал себя!

В это время откуда-то донеслись голоса людей. Я обернулся. Ко мне подходит светлолицый почтенный старец. На голове его высокая соболья шапка с оторочкой, на плечи накинута дорогая доха, обшитая по краям пышнохвостыми лисицами. Старец говорит мне что-то низким раскатистым басом, но что именно — непонятно.

Смотрю, рядом с ним появилась девушка невиданной красоты. Брови прямые, тонкие, как соболиные волоски. Щеки румяные. Одета она в меховую шубу, крытую цветным сукном. Воротник и правая пола шубки украшены бобрами. Сукно расшито бисером, выткано золотом. На шее узорное кольцо-ожерелье. На подвесках позвякивают пластинки. Шапка на девушке из отборных соболей. На макушке ее бляшка сияет, как солнце. Околыш подобен утреннему зареву на небе. К тому же, девушка подпоясана радужно-искристым ремешком.

Кто наделен сердцем, у того оно непременно екнуло бы при виде красавицы. Чудесная девушка! У меня и в мыслях не появлялось, что на свете могут быть такие красивые девушки.

Старец дородный, представительный, грозный. Он сердито хмыкнул и заговорил гулким рокочущим басом:

— Этот, не усидевший на дворе негодник, в юрте не ужившийся бродяга, на тропинках-перевалах оскандалившийся глупец посмел

Огус - бык

Б ы х а к — нож.

В старину якуты не целовали, а нюхали друг друга

обидеть тебя, дочь?! А ты, бедная, посчитала, что наконец-то явился твой нареченный! На радостях подплыла к нему озерным гальяном. А этот вонючий двуногий выродок хотел сожрать тебя. Тогда ты, приветливая, накинула на себя другое обличье. Ты желала узнать, как эта вонючка отнесется к твоему появлению. Кожемяка поганым языком загрязнил твоё чистое лицо. Никто из имеющих глаза не видел, имеющий руки не прикасался к твоим мягким, волнистым волосам, расчесанным чистой водою, а он, земной червяк, их безжалостно вырвал. Ни одного приветливого слова не произнесли его губы. Он не приветил тебя лаской, принятой у людей. Этот тощий глупец не достоин тебя! Мы вышвырнем негодяя обратно... Если бы он поговорил с тобой по-другому, ответил бы поцелуем на поцелуй, и тоже бы понюхал тебя — я осыпал бы его богатством. Я бы стал всегда пригонять к его «мордам» * самую вкусную рыбу из своих обширных голубых владений. Я бы выдал тебя замуж за этого человека и каждую зиму приводил бы его, своего зятя, сюда. Вы жили бы счастливо... Не печалься, голубка Нуоралджыма куо! Как ни досадно, но ничего не поделаешь. Нечесанный кожемяка недостоин тебя!

Старец отвратил от меня своё нахмуренное лицо, Прекрасная девушка тряхнула своими восемью волнистыми косами. Румяные щеки её побледнели. Она потупилась, вздохнула и тихо произнесла:

— Что поделаешь. Видимо, я не предназначена для двуногого!

Из прекрасных глаз её выкатились крупные, как жемчужины, слезы. В то мгновение я понял, что мне не видать счастья, как своих ушей. У меня больно сжалось и защемило сердце. Я сильно полюбил ту девушку-красавицу. Но от досады на себя стоял, как окаменелый. Я не произнес ни одного слова, будто язык мой пристыл к небу.

Тут лёд над моей головой с треском и грохотом раскололся на мелкие куски. Вода с шумом забурилась. Зашипела белая пена. Меня пробрала дрожь. Барахтаясь, я вылетел из проруби и шлепнулся о лёд. От боли я вскрикнул и... проснулся.

Глядь, лежу в холодном углу на жесткой невыделанной коже...

Вот какой чудной сон приснился мне в те годы, когда я был молодым и сильным. Долго я молчал про ту девушку-красавицу. Вам вот только решил поведать.

Старею. Работать уже много не могу, да и прыть не та. Быстро

устаю и спина не сгибается. Изнемогая, тружусь я над неподатливыми кожами, но ту девушку из подводного мира позабыть не могу: Если бы не видел ее, то не досадовал бы, не тосковал. Не печалился бы, что упустил сытую жизнь, большое счастье.

Порой приходит мне в голову: чем так маяться весь свой век, лучше бы в молодости утонуть. Тогда бы, может, жил бы я с той девушкой в замечательном подводном мире. Но что поделаешь: сон — есть сон. Обман, призрачное видение. Открыл глаза и все исчезло. Да и кто видел, чтобы мертвый обрел себе счастье?

Много я прожил на свете, обходил десятки улусов. Дни и ночи пыхтел над мялкой. Бился, словно рыба о лед. И вот кончились мои силы. Потом, кровью извелся на работе, высох, отощал — кожа да кости. Теперь я никому не нужный старик. Ни разу не испытал я сладость мягкой теплой постели, не знаю, что такое настоящий отдых. Хоть и видел я солнце над головой, но радость и веселье стороной обходили мое сердце, словно оно зачумленное.

Сотворенный для жизни на земле, я не мог найти своего счастья, не познал любовь, не воспитывал детей. Сам не знаю, для чего я жил, для какой надобности слонялся от юрты к юрте и в зной, и в стужу? Неужели я родился только для того, чтобы весь свой век мять кожи и, наконец, нищим умереть с голоду на чужом подворье?

Эх, горе ты горькое! Даже во сне счастье отвернулось от меня! Сам не пойму, может вся жизнь моя — это непрерывный сон? Может, и я еще дотяну до лучшей поры?

* * *

Я был совсем маленьким, когда старый, согбенный кожемяка рассказывал мне этот чудесный сон и сетовал на горькую трудную судьбину. Да, тяжелые были те времена. Назад им возврата не будет!

Якутские рассказы.

Якутск, Якутское Книжное Издательство, 1962

Пер. с якут. Ю.Шамшурина. С. 3

Улус - единица административно-территориального деления в старой Якутии.

Морда — снасть для ловли рыбы.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Раздел I. Первое литературное произведение на якутском языке Уваровский А.Я	
Письмо А.Я. Уваровского О.Н. Бётлингку	5
Воспоминания	7
Раздел II. Основоположники якутской литературы Кулаковский А.Е. – Ексеkjюлээх Елексей	
Сновидение шамана	51
Спор между умом и сердцем	100
Софронов А.И. - Алампа	
Горочик	110
Неустроев Н.Д.	
Балыксыт Платон	129
Ойунский П.А.	
Видение кожемяки	139

Учебное издание
Якутская литература
Хрестоматия для студентов Часть I

Составитель: Васильева Александра Николаевна